Из восьми лжецов лишь четверо уйдут живыми.

Соль Чэин

РЕСТОРАН «У ВИНСЕНТА»

Динамичный сюжет, яркие персонажи — такое ощущение, будто смотришь «Игру в кальмара», только действие ее разворачивается в ресторане.

Dong-A Ilbo

Ресторан «У Винсента»
Соль Чэин

Аннотация
Соль Чэин. Ресторан «У Винсента»
Часть первая. Актуальность исследования
Часть вторая. Процесс исследования
6 июля 2024 года, суббота/ обед/столик № 1
6 июля 2024 года, суббота/ обед/столик № 2
6 июля 2024 года, суббота/ обед/столик № 3
6 июля 2024 года, суббота/ обед/столик № 4
Часть третья. Постановка проблемы
Часть четвертая. Ход эксперимента
Столик № 1
Столик № 2
Столик № 3
Столик № 4
Часть пятая. Анализ данных
01
02
03
04
05
06
07

08
Часть шестая. Проверка гипотезы и получение результатов
Часть седьмая. Недостатки исследования и меры по их устранению
Рекомендации для дальнейших исследований
От автора

Аннотация

На девятом этаже безликой офисной башни среди клиник и фитнес-клубов скрывается крошечный, рассчитанный всего на восемь гостей ресторан. Здесь нет официантов, нет даже окон. В меню – самые посредственные блюда, а сидеть гостям и вовсе приходится, тесно прижавшись друг к другу. В одну роковую субботу здесь пересекаются судьбы бывшего директора школы и замученной домохозяйки, матери-тирана и ее взрослой дочери, двух некогда лучших подруг, а также начальницы и ее всезнайки-подчиненной. Пока гости припоминают друг другу давние обиды и раскрывают грязные секреты, владелец ресторана и по совместительству шеф-повар записывает каждое их слово – для исследования, порученного ему таинственным голосом по имени Мими. Но когда Мими решает перейти к финальной фазе, обычный обед превращается в смертельную игру. За каждым столиком выживет только один, и всего за десять минут четырем парам предстоит решить, кто будет этими счастлив-

чиками…

В духе кинохитов «Меню» и «Идеальные незнакомцы», этот беспощадный психологический триллер показывает, как быстро мы теряем все человеческое перед лицом полной безнаказанности.

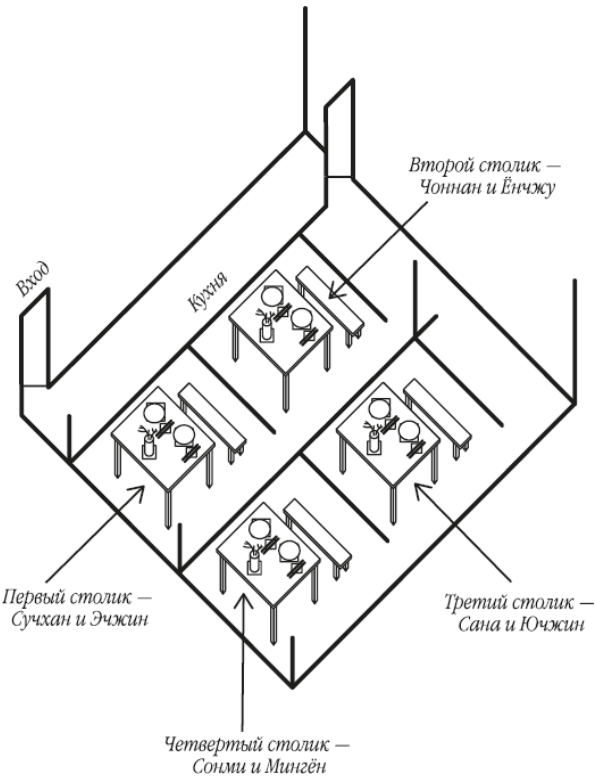
Впервые на русском!

Соль Чэин
Ресторан «У Винсента»

Seol Jaein
VINCENT TABLE

Copyright © Seol Jaein, 2025
Russian translation rights arranged with KYOBO BOOK Centre Co., Ltd. through EYA (Eric Yang Agency).

© Е. Б. Дамбаева, перевод, 2026
© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Вход
Кухня
Второй столик —
Чоннан и Ёнчжу
Первый столик —
Сучхан и Эчжин
Третий столик —
Сана и Ючжин
Четвертый столик —
Сонми и Мингён

Часть первая
Актуальность исследования

Развитие или упадок окружающей среды меняют людей. По крайней мере, так вышло в случае с городом Намун. Я здесь вырос, на окраине района Сохён. Правда, во времена моего детства это была глухомань. Не город и не село, а так, что-то между. Да, все верно. Еще лет десять назад это место было совершенно заброшенным. На пустырях, которых не касалась рука человека, вольготно росли сорняки. Если где-то и встречались ухоженные участки с прополотой травой, то это были огороды, на которых местные старики сажали помидоры и листья салата. Да и тех можно было по пальцам перечесть.

Однако по какой-то неизвестной причине проект застройки, бывший на стадии заморозки более десяти лет, вдруг вошел в активную фазу,

и район Сохён резко преобразился. Тем, кто вернулся на родину спустя долгое время, оставалось только разевать рот от удивления. Городок, застывший как стоячая вода, медленно дряхлел, готовясь к тихому исчезновению, — как вдруг кто-то прорыл широкий канал, через который бурным свежим потоком хлынули люди и деньги. Высотные жилые комплексы с длинными названиями и новые школы росли как грибы после дождя, появлялись большие рекламные вывески учебных заведений, а рядом с ними — яркие баннеры, обещающие всевозможные увеселения.

Для тех, кто снимал здесь квартиру с помесячной оплатой, это была катастрофа. В отличие от центра города, где в основном обитали только местные, в районе Сохён перемешались разные группы людей. Поначалу это были молодожены, которые не хотели начинать новую жизнь в старых домах. Однако их ряды быстро поредели, как только стоимость аренды резко скакнула вверх. Потом сюда стали перебираться семьи, которые отдали все силы и ресурсы на подготовку своих детей к вступительным экзаменам. Дорога до работы в столице отсюда занимала около часа езды на машине, зато аренда обходилась в десять раз дешевле, и придавленные грузом финансовых

проблем главы семейств предпочитали пожертвовать лишним часом сна. Так постепенно район Сохён стал центром городской жизни Намуна. Даже местные из старого центра теперь приезжали сюда за отдыхом и развлечениями. Все отлично проводили время.

Кроме меня.

* * *

Когда ресторан «У Винсента» впервые открыл свои двери, людей больше удивило не загадочное название, а странный выбор места. Ресторан располагался на девятом этаже десятиэтажного офисного здания, в котором набилось множество разных мелких бизнесов — от круглосуточных магазинов, офисов и фитнес-клубов до небольших клиник и частных академий. Услышав об открытии, девять человек из десяти недоумевали: «Итальянский ресторан на девятом этаже? В этом Сохёне совсем все с ума посходили! Да он и месяца не продержится».

Однако вопреки печальным прогнозам «У Винсента» мгновенно стал популярным. Причем именно из-за своего местоположения, ну и еще благодаря уникальному концепту.

В ресторане «У Винсента» готовил, подавал

еду и управлял всем процессом я один. Попасть сюда можно было исключительно по предварительному бронированию. Я принимал по четыре столика на обед и ужин. Каждый столик был рассчитан только на двоих. Пара гостей звонила в домофон, и хозяин, то есть я, открывал дверь. Первое, что видели люди, попав внутрь, было кухонное помещение. Просторная, по сравнению с залом для гостей, вмещающим всего четыре столика, кухня служила единственным входом в ресторан. Посетители осторожно пересекали ее, и перед ними возникал темный коридор. Я указывал им дорогу, держа в руках старомодную лампу, которая по какой-то неизвестной причине очень нравилась людям. Пройдя сквозь ничем не примечательный коридор, я ставил лампу на стол и слегка касался плеч гостей со словами: «Прошу, ваш столик. Все электронные девайсы, включая телефон, необходимо сложить в эту корзину. Я верну их вам на выходе. Фото- и видеосъемка строго запрещена».

Полная концентрация на собеседнике. Это было основным требованием «У Винсента» и его маркетинговой стратегией. От кухни в два ряда расходились четыре стола, почти как в читальном зале библиотеки. Не считая вхо-

да, через который гости попадают внутрь, все пространство наглухо закрыто. Каждый столик двумя сторонами прилегает к стене, с третьей расположены места, поэтому паре посетителей приходится садиться рядом друг с другом, а не напротив. Гости поглощают еду за беседой, глядя в пустую стену перед собой, а если хотят заказать что-то еще или попросить счет, им достаточно нажать на кнопку вызова, расположенную на столе. Я реагировал на этот звук инстинктивно, как животное, хотя обычно старался двигаться как можно меньше. Но стоило раздаться звонку, спешил к гостям и с облегчением, словно успешно завершил трудную миссию, низко им кланялся. Пожалуй, даже чересчур низко.

Как говорится, запретный плод сладок. Большинство людей тайком снимали ресторан изнутри и выкладывали в соцсети, благодаря чему «У Винсента» мгновенно прославился на всю округу. В еде не было ничего сверхъестественного. В армии я служил поваром, но особого таланта к готовке не имел. Меню состояло из пасты, ризотто, стейков и салатов, которые я готовил из обычных ингредиентов и поливал соусами из супермаркета. Людей притягивал не вкус еды, а таинственный концепт ресторана.

Смехота.

Ну, по крайней мере, на мой взгляд. Я хозяин ресторана «У Винсента», Чон Пинсын. В Намуне обо мне мало кто знает. Это маленький городок, в котором все друг с другом знакомы, но я исключение из правила: никто не владеет информацией ни о моем прошлом, ни даже о настоящем. Никто не видит, как я прихожу на работу или ухожу из ресторана. В старом центре, где всем до всего есть дело, такое бы не прокатило, но в районе Сохён это сходит мне с рук. Люди просто думают, что я из числа приезжей молодежи.

Никто и не подозревает, каких трудов мне стоило выжить в этом городишке.

* * *

Проводив последних гостей после ужина, я обычно остаюсь совершенно без сил. Каждый рабочий день заканчивается одинаково: я устало падаю на маленькую табуретку посреди пустого ресторана и наклеиваю обезболивающий пластырь на ноющие от тяжелой работы запястья.

* * *

И вот наконец…

Я открываю блокнот и включаю записывающее устройство. В нем содержатся все разговоры восьми пар — посетителей, которые приходили в ресторан в этот день. Я отбираю только нужное. Меня интересуют беседы, в которых не содержится ни единого намека на радость или счастье. Я оставляю одноактные спектакли, диалоги, после которых невозможно испытывать симпатию к человеческому роду. Что поделать, таково желание заказчика.

«У Винсента» был открыт с определенной целью. Кто-то скажет, что он больше похож на клетку, созданную психопатом с вуайеристскими наклонностями. Никому не известно, что открыл я ресторан и управляю им по чьей-то указке. Думая об этом, я неосознанно наклоняю голову в разные стороны — шейные позвонки хрустят — и стучу пяткой по ножке табуретки. Эту привычку я приобрел в прошлом году.

* * *

Когда я впервые услышал голос? Точно не помню. Поначалу я старался не обращать на него внимания. Списывал все на то, что у меня начались слуховые галлюцинации от сильного стресса, и стыдился этого. Однако голос не

унимался, и в конце концов я отправился за помощью в интернет. Добрый комментатор поведал мне, что депрессия для современных людей — все равно что простуда, и посоветовал сходить к врачу. Я послушно отправился в больницу, вот только доктор принял мои страдания за банальные жалобы на жизнь. Серьезно? Хотите сказать, все проживают свои дни как в аду? Все живут и улыбаются, несмотря на то что гниют и разлагаются внутри? Не может быть, это же бред. Я не мог в это поверить. Я был уверен, что только я один на всем этом свете полный неудачник и барахтаюсь на дне. И пришел к выводу, что ясный голос, звучащий в моей голове, никак не может быть симптомом депрессии.

На последней консультации я плюнул врачу в лицо и, выйдя из больницы, впервые прислушался к голосу. Почему, спросите вы, ведь все это время я считал его слуховой галлюцинацией? Причина проста. Я думал, что теперь мне остается только один выход — умереть. А перед смертью можно делать все что угодно.

— Видите киоск с лотерейными билетами возле автобусной остановки? Купите в нем лотерейных билетов на десять тысяч вон.

Я сделал как велено. Все равно скоро умирать.

Почему бы не совершить то, что всегда считал глупым. Когда я вышел из киоска, сжимая в руке лотерейные билеты, в голове зазвучал чей-то звенящий смех. Голос был женским, и обращался он ко мне вежливо, на «вы». Только в тот момент я осознал, что так было с самого начала.

Лотерейный билет оказался выигрышным. После этого я не смел ослушаться голоса.

— Кто ты такая? — с дрожью спросил я, узнав, что сорвал куш.

Ответ последовал незамедлительно:

— *Я Мими.* — Голос тут же продолжил: — *А вы выглядите счастливым, Пинсын.*

После выигрыша Мими приказала мне в первую очередь сделать пластическую операцию. Перекроив все лицо, я смог наконец поднять голову и расправить плечи. Затем я открыл «У Винсента». Странный интерьер, разумеется, был задумкой Мими. Если еще точнее: однажды утром я открыл глаза, а план ресторана лежал на моей подушке. Карандаш торчал между стенкой кровати и матрасом.

«Необычная планировка. Если сделать так, в кухне будет довольно шумно, вас это устраивает?» — уточнил застройщик перед началом работ. Он был прав, потому что благодаря особо-

му расположению столиков посетители почти не слышали бы, что происходит за соседним столиком, но все их разговоры проникали бы в кухню. Я варил макароны, резал овощи и сыпал приправы, молча слушая их беседы. Мне не было одиноко. У меня ведь была Мими.

— Люди и вправду все одинаковы. Разве не так? Обманывают друг друга, снова и снова. Лишь бы со стороны все выглядело прилично. Просто красивая упаковка. Это очень страшно.

— Не все люди такие.

Ответ, произнесенный вслух, всегда краток, мысленный же — куда длиннее: «Ведь ты же сама создала это место. Гнусно собирать людей в мрачном закрытом пространстве и судить по их поведению обо всех. Большинство совсем не такие. Ты слишком все обобщаешь. Ты намеренно создала место, в которое попадает лишь малая выборка, и экстраполируешь результаты на все человечество».

— Гнусно? Вы преувеличиваете. Я всего лишь наблюдаю за людьми, слушаю их диалоги и фиксирую данные. А реальный исполнитель здесь вы, Пинсын.

Мими была права. В самом начале она представилась исследователем, занимающимся

сбором данных для масштабного эксперимента. Услышав слово «эксперимент», я вообразил лабораторию с микроскопами. И подумал, что это не очень-то вяжется с юным женским голосом. Однако меня всегда манил белый халат. Когда-то давно я, кажется, даже мечтал стать ученым. Ну знаете, одним из таких докторов, которые ставили эксперименты на людях во время войны, или вроде того.

— *Мне всегда было интересно, о чем разговаривают два человека, когда остаются наедине.*

— Об обычных вещах.

— *Обычные вещи нас и интересуют.* — Стрела развернулась в мою сторону. — *А какие разговоры ведете вы, когда остаетесь с кем-то наедине, Пинсын?*

Слова вдруг застряли в горле. Время повернулось вспять. Застройщик, врач в клинике пластической хирургии, сотрудник банка, куда я ходил, чтобы забрать выигрыш в лотерею… и последний разговор по телефону с родителями, после которого я окончательно разорвал с ними отношения…

— Хорошие разговоры. Человечные.

Это была ложь. Работник в компьютерном клубе, считавший меня лузером, директор, при-

карманивший мою зарплату, молодой хозяин квартиры, который получил целое здание в наследство от родителей и теперь мог позволить себе до конца жизни палец о палец не ударить. А до этого, до этого…

— *Кажется, я неправильно выбрала себе коллегу. Вы лжете.*

— Не уходи! — выкрикнул я и поспешно добавил: — Меня тоже постоянно ранили. И людей я ненавижу.

Мими коротко вздохнула и произнесла влажным голосом:

— *Пинсын, я выбрала вас именно из-за ваших ран. Вы столько всего вынесли, но все равно остаетесь человеком высшего класса. Не только по уровню нравственности, а вообще по всем статам*[1]*. Назвать вас типичным представителем человеческого рода было бы неправильно, и именно такие, как вы, нужны для нашей работы.*

От этих слов я неожиданно для себя почувствовал гордость. Я был согласен с Мими.

— Что ты хочешь мне поручить?

Мими недолго помолчала, прежде чем наконец

---

[1] Примечания: 1

Статы — термин, используемый в игровом сленге, означающий базовые параметры персонажа, такие как сила, ловкость, очки жизни и другие. — *Здесь и далее примеч. перев., кроме отмеченных особо.*

перейти к сути дела:

— Своего рода эксперимент. Мы хотим увидеть подлинную сущность человека. Сначала мы пытались судить на основе письменных тестов, но даже люди с массой изъянов строили из себя благородных, и записям оказалось невозможно доверять. Достоверность данных была крайне низкая. Для будущих поколений это может стать большой проблемой. Поэтому нам нужен тот, кто сможет собирать данные, наблюдать и фиксировать результаты объективно, без прикрас. Это можно доверить только человеку высшего класса. Не каждый справится с такой задачей.

И что все это значит? Моя шея внезапно покрылась липким потом.

— Считайте это место своей лабораторией. Вы должны записывать все, что видите и слышите здесь, четко и без всяких искажений. Это все, что нам нужно. Поэтому мы и помогли вам, понимаете? Мы выбрали вас, посчитав человеком высшего класса, которому под силу добросовестно и беспристрастно фиксировать для нас всю эту грязь… Скажите, вам это неприятно?

— Ни капли.

Я тоже этого хотел. Выводить на чистую воду

пустозвонов, которые только и умеют, что языком трепать.

— Вы приложили столько усилий, и все для того, чтобы поручить такое пустячное дело? Во мне же нет ничего особенного…

— *Это лишь малая часть того, что я могу сделать для честного и благородного человека, который пережил столько страданий, потому что не способен обманывать других. Вы заслуживаете новой жизни.*

Хм, с такого ракурса я на это не смотрел.

Часть вторая
Процесс исследования

6 июля 2024 года, суббота/ обед/столик № 1

В последнее время почему-то стало приходить много парочек пожилого возраста. Мужчине шестьдесят с хвостиком. Судя по лицу, недавно вышел на пенсию. Знаете, есть такой тип людей: они носятся с горящими глазами, будто ищут, куда бы потратить избыток свободного времени. Совершенно не подозревая, что скоро окончательно усохнут и сгорбятся от старости… Явно старательно наряжался. Рубашка заправлена в брюки, живот не нависает над ремнем, образуя параболу, — значит уверен в своей фигуре. Волосы с проседью не тронуты краской — тоже, очевидно, продуманное решение: с такой стрижкой крашеные волосы только сильнее бросались бы в глаза. Из переднего кармана рубашки торчит… что это? Карандаш? Ну уж точно не шариковая ручка. С тех пор как вошел в ресторан, не перестает озираться. Что-то ему не по душе.

Женщина, которая пришла вместе с ним, выглядит моложе. Худое тело, огромные глаза, маленький подбородок, на лице уже появились

признаки преждевременного старения. Одета довольно небрежно. Свободная футболка с короткими рукавами поверх легинсов-капри, которые обожают женщины за сорок. На ногах сандалии на сплошной подошве. На лице застыла вялая улыбка. Похоже, уже стоит на пороге климакса, потому что постоянно обмахивается бумажным веером и причитает: «Ох, как жарко!» К тому времени, когда я подал хлеб перед основным блюдом, уже завязала свои волнистые до плеч волосы в хвост. Причем не резинкой для волос, а желтой канцелярской — такой обычно скрепляют пачки денег.

С какой стороны ни посмотри, парочка странная. На женатиков точно не тянут. Это ясно с первого взгляда. И все же непонятно. Для тайной связи мужчина одет слишком уж вычурно, а женщина — чересчур неряшливо. Но что еще может связывать людей противоположного пола, если не любовь? Ничего не приходит в голову. Я решил понаблюдать за ними еще и принялся усердно натирать сыр для пасты.

* * *

— Ого! Господин директор, и откуда вы только узнали об этом месте? Я думала, по таким только

молодежь ходит.

— Эчжин, да ну вас, я же просил не называть меня так. Упрямица вы этакая.

Сучхан пропустил Эчжин внутрь и сел со стороны прохода. Эчжин с интересом осмотрелась по сторонам и принялась внимательно изучать «Меню дня».

— Похоже, меню здесь меняется каждый день. Наверное, хозяин составляет его по своему усмотрению, — заметил Сучхан.

— Нынешняя молодежь такое любит, правда?

«Да хватит уже талдычить про молодежь», — проворчал про себя Сучхан. При мысли об унижении, которое он недавно испытал по милости «нынешней молодежи», внутри неприятно кольнуло. Ни опыта, ни прожитых лет за спиной, ни моральных ценностей, ни воображения — а все туда же, так и норовят укусить побольнее.

— Кстати, вашей жене очень повезло. Вы, наверное, постоянно водите ее по таким интересным местам на свидания. Поэтому и рассказ у вас вышел столь пылким, не так ли?

Пять месяцев назад, в феврале этого года, Сучхан, недовольно поджав губы и скрестив руки на груди, сидел на вводной встрече для абитуриентов. Выскочка, представившийся старостой

факультета, объяснял правила университета и требования к студентам, периодически косясь на Сучхана, который единственный сидел отдельно от других и усиленно делал вид, будто его не задевает, что никто не захотел занять место рядом с ним. Если вернуться домой в таком настроении, жена сразу раскусит его. Что будет дальше, ежу понятно: начнет брюзжать, что предупреждала не заниматься глупостями на старости лет. Сучхан попробовал утешить себя тем, что это совершенно нормально: да, естественно, молодежь общается только между собой. Ну и что с того, что они будут изучать искусство, нечто столь возвышенное? По молодости все такие. Если уж на то пошло, эти ребята не так уж далеко ушли от школьников, которых он учил всю свою жизнь. «Я на вас посмотрю, когда вы прочитаете мой роман. Сразу по-другому запоете», — мысленно уверил он себя и пришел в благостное расположение духа.

Ближе к середине встречи задняя дверь в аудиторию слегка приоткрылась. За порогом показалась женщина с растрепанными волосами, на вид примерно ровесница Сучхана. Она осторожно высунула голову и неловко улыбнулась старосте факультета, который годился ей

в сыновья.

«Ну что за неряшливое создание? Уборщица, что ли?» — подумал Сучхан.

— Я уже говорила об этом на занятии, но хочу еще раз повторить: мне правда очень понравился ваш рассказ. Не только ведь молодежь читает книги. Нужны и такие истории, которые больше по душе людям нашего возраста.

— И все же хорошие книги неподвластны времени, — заметил Сучхан, накладывая салат в тарелку Эчжин.

— Какой вы внимательный! — восхитилась та и подцепила вилкой зелень.

Сучхан без аппетита жевал разрезанные на две половинки томаты черри. Вместе с ними он пытался прожевать выражение «людям нашего возраста», но оно оказалось слишком жестким, чтобы его проглотить. Как Эчжин может считать его ровней себе? По его мнению, этой женщине отлично подошла бы роль упрямой старухи во второсортном телевизионном сериале. Он же был совсем другим. Все, что он культивировал в себе, никаким образом не пересекалось с Эчжин. И особенно новая жизнь в качестве знаменитого писателя, о которой он так мечтал…

— Ох, как неудобно есть без палочек. Я почти

не бываю в подобных местах, наверное, по мне заметно. Такая неуклюжая… Интересно, если попросить принести палочки, они дадут?

Пока Сучхан на мгновение ушел в свои мысли, Эчжин успела вывалить щедро политые соусом спагетти на стол. Он сделал глубокий вдох и быстро натянул на лицо фальшивую улыбку. Ему предстояло многому научить Эчжин.

Сучхан уверился, что даже появись жена здесь прямо сейчас, она бы не заподозрила его в измене. Что такого в том, что он обедает с другой женщиной, если в ней, как ни старайся, не разглядишь ни проблеска сексуальности? И что в ней только муж нашел?

Кстати, интересно, что он за человек — ее супруг? Если подумать, Эчжин ни разу не упоминала о нем на занятиях. Когда одногруппницы, ровесницы ее дочери, представляли свои рассказы о любви, ненависти и конфликтах между матерями и дочерьми, она частенько начинала свой комментарий со слов: «Как мать двоих детей, я считаю…» Эчжин незаслуженно расхваливала на все лады напыщенные, поверхностные, злобные тексты этих детишек. В ее отзывах не было ни научной лексики, ни объективного анализа. Вместо этого она неустанно трындела о том, что

скажет сегодня своему сыну после прочитанного рассказа. Или вспоминала о том, как училась в женском училище, как ее в юности унижали на работе или как ей однажды пришлось убегать из дома посреди ночи с новорожденным ребенком на руках. А в конце она непременно добавляла, что с удовольствием прочитала рассказ и благодарила автора за то, что он так чутко описал скрытые эмоции и травмы людей. Сочинение первоклассника, не иначе… Сучхан считал, что такие комментарии может делать кто угодно. Что поведение Эчжин не соответствует образовательным стандартам. Возьми любую женщину среднего возраста на улице, и она скажет тебе то же самое.

Вот жена Сучхана отличалась от своих ровесниц. Даже сейчас, когда ей уже перевалило за пятьдесят, она все еще носила сорок четвертый размер одежды и оставалась настоящей интеллектуалкой, отлично разбирающейся в устройстве мира. Они встретились, когда Сучхан был ее классным руководителем. Ее бойкая дерзость и находчивость, которые привлекли некогда простого учителя, не угасли до сих пор. Прямая спина и симметричные уголки губ не опустились под гнетом лет. Даже теперь, когда

они иногда приглашают в гости коллег-учителей Сучхана, которые на десять, а то и двадцать лет моложе, жена все равно заставляет их прислушиваться к ней и задает тон беседам. Именно супруга спланировала роскошную вечеринку в честь его выхода на пенсию. В тот день молодые коллеги долго восторгались, щелкая камерами телефонов со словами: «Вау, это точно надо выложить в Инсту!»[2] Сучхан гордился женой.

На вечернее отделение магистратуры он поступил как раз потому, что не хотел выглядеть жалким в ее глазах. Сучхана напрягало, что после выхода на пенсию жена стала относиться к нему с презрением, словно он старик какой-то. Сучхан был уверен, что на потоке окажется много его ровесников, но по странному совпадению всем студентам в их группе, за исключением его самого и Эчжин, было лишь слегка за тридцать. Потому им и пришлось сблизиться. Это был единственный способ противостоять открытому неприятию молодежи. Сучхан и Эчжин обменялись номерами телефонов и иногда пере-

[2] Примечания: 2

Социальная сеть Instagram (Инстаграм). Деятельность американской транснациональной холдинговой компании *Meta Platforms Inc.* по реализации продуктов — социальных сетей *Facebook* и *Instagram* запрещена на территории Российской Федерации. *— Примеч. ред.*

писывались или спрашивали друг у друга, когда нужно предоставить то или иное задание.

Общение резко набрало обороты после того, как однажды им обоим выпало сдать рассказ в один день.

> Господин директор, у меня никак не получается написать рассказ. А как у вас дела? Хорошо идет? Вы всегда так активны на занятиях, все с нетерпением ждут ваш текст. И я тоже…

Получив длинное сообщение от Эчжин в три часа ночи, Сучхан не собирался отвечать на него сразу. Он подумал: если ответит, что давно все закончил, то только усугубит отчаяние Эчжин, и решил отложить это часов до девяти утра. Напишет что-то вроде: «Извините, я только проснулся».

Однако пальцы сами непроизвольно набрали:

> Да, я все написал. Осталось только немного подредактировать.
>
> Я так и думала((В этот день будут обсуждать только нас двоих. Боюсь, мне не вынести сравнения с вами. Я страшно волнуюсь.

Хотите, я посмотрю ваш текст?

Нет, что вы! Я бы ни за что не стала вас так утруждать!))) Все в порядке. Просто отругайте меня хорошенько во время самого занятия.

Сучхан решил, что на этом разговор окончен, но на экране снова замелькало троеточие.

Если честно, в семье все надо мной смеются из-за того, что я поступила в магистратуру на старости лет. И муж на меня постоянно ворчит из-за этого. Мне так тяжело(((Вы же понимаете меня, господин директор, правда? Но мне кажется, если я не выскажу все, что у меня на сердце, и не разберусь с этим, то просто умру. Вам же тоже это знакомо? Семья – самые близкие мне люди, но они считают, что я, должно быть, впала в старческое слабоумие, раз решила снова учиться, представляете?(((Но после встречи с вами мне сразу полегчало. Так что, господин директор, мы с вами самые настоящие товарищи! Литературные товарищи!

Рассказы Сучхана и Эчжин одновременно легли

на стол для оценки. «Какими бы ограниченными ни были взгляды одногруппников, даже они не смогут не заметить бесспорную художественную ценность моего произведения», — рассуждал про себя Сучхан, заранее прочитавший рассказ Эчжин. Ему было даже немного жаль ее. Все-таки женщина впервые пробует себя в писательстве, а все, что ее ждет, — это разгромные отзывы от юнцов, у которых еще молоко на губах не обсохло. И как она это выдержит? С легким беспокойством Сучхан отправился на занятие.

Три часа спустя у Сучхана было такое чувство, будто его вываляли в грязи. У него не получалось контролировать дрожь в голосе и с улыбкой пропускать мимо ушей неуклюжие нападки. Напрочь лишенные всяких приличий одногруппники, словно заранее сговорившись между собой, в пух и прах разнесли рассказ Сучхана. Что там за бред они несли? «Объективация», «устаревшие взгляды на женщин», «использует их как средство», «избыточное самомнение», «отставший от времени»… А самое возмутительное: «Несет тухлятиной».

Он ничего не понимал. Это было автобиографическое произведение об их с женой любви. Критиковать рассказ — все равно что влепить

пощечину самой истории их жизни.

Сучхан был страшно зол и на Эчжин, которая все это время сидела как на иголках и подбежала к нему с утешениями, как только начался перерыв, и на одногруппников, которые неадекватно оценили ее рассказ, назвав его «очень честным и искренним». Да как можно хвалить произведение только потому, что его написала женщина? Еще и литературой хотят заниматься, тьфу! Да это же не рассказ, а никчемный мусор! Ограниченный, глупый! Да лучше бы она дневник вела, чем так позориться…

* * *

— Если честно, я написал нашу с женой историю любви, — вдруг бросил Сучхан, наблюдая за тем, как Эчжин подносит ко рту кусочек мяса.

Снова отвлекшись на свои мысли, он даже не заметил, как принесли основное блюдо — стейк из свиной шейки. Стейк лежал перед ним, аккуратно порезанный Эчжин на мелкие кусочки. «Ну конечно, ты же домохозяйка», — с раздражением подумал Сучхан, отправляя мясо в рот.

— Немного жестковато.

— Да? А мне кажется, вкусно. Я рада в кои-то веки поесть вне дома, — ответила Эчжин. — Но о

чем это я… Вот оно что, не зря ваш рассказ сразу показался мне очень реалистичным! Так значит, это о вашей жене. Главную героиню звали Сонхи, верно? — В точку. Если бы рассказ и впрямь был таким никудышным, разве она бы запомнила имя? — Героиня Сонхи такая свежая и живая — просто потрясающе! Я не могла оторваться. Значит, это правда? Вы встретили вашу супругу, когда она была школьницей?

— Да, верно.

— Боженьки, а так и не скажешь! Вы просто невероятны, господин директор! Что тогда, что сейчас, школьницы ведь на кого попало не западают? Им нравятся только красавчики. Вы до сих пор хоть куда, а раньше, наверное, вообще было глаз не отвести? Поэтому Сонхи на вас и вешалась, да? Хотя и была всего лишь старшеклассницей.

— Ну это не повод меня хвалить. Вы же сами слышали, сколько недобрых слов посыпалось в мой адрес.

Эчжин будто пропустила эту реплику мимо ушей. В этот момент Сучхан вдруг осознал, что его досада на прежнее сочувствие собеседницы каким-то странным образом превратилась в нечто совсем иное. Эчжин продолжала молча

есть, и у Сучхана понемногу задрожали руки. Раз она не удосуживает его ответом, значит согласна с теми, кто бранил его на занятии?

— А ваш муж не против, что мы с вами обедаем наедине?

Эчжин недоуменно подняла на него глаза:

— Что?

— Ну я ведь все-таки чужой мужчина. Вы сами недавно упоминали, что муж на вас ворчит.

Эчжин продолжала смотреть на него недоумевающим взглядом. По идее, ей полагалось замахать руками и смущенно улыбнуться или хотя бы сгладить ситуацию притворным смехом, но она просто молча жевала, не сводя глаз с Сучхана. Непонятно, сколько еды она ухитрилась засунуть себе в рот, но ее челюсти не переставали двигаться. Безмолвная конфронтация затянулась дольше, чем предполагалось, и на душе у Сучхана стало совсем паршиво. Потому что выражение лица Эчжин, которая уставилась на него с явным замешательством, казалось, вопрошало: «Что за бред ты несешь?»

Сама же все это время лезла со своей заботой, «товариществом» и глазки строила, а теперь вдруг решила включить невинность? Серьезно?

В этот момент Эчжин наконец проглотила то,

что было у нее во рту. Вместо ответа она хитро улыбнулась и спросила:

— А что насчет вас, господин директор? Вы получили разрешение у своей супруги, прежде чем позвонить мне? Или сначала договорились со мной, а потом уведомили ее?

Если бы жена Сучхана услышала об этом, она бы лишь снисходительно фыркнула. И даже бровью бы не повела. Совершенно точно.

К слову…

— Дорогой, я кое с кем встречаюсь, — как ни в чем не бывало заявила жена, накладывая ему за ужином желтого горбыля в тот самый день, когда он вернулся домой в ярости после оскорблений одногруппников.

Сначала Сучхан решил, что ему послышалось. Похоже, он слишком перевозбудился сегодня и теперь ему слышится всякое. Успокоив себя таким образом, он с аппетитом отправил в рот огромную горку риса.

Несколько минут жена молча ковырялась в своей тарелке, прежде чем снова заговорить:

— Кстати, он похож на тебя в молодости. Этим он меня и зацепил. Хочу научить его всему. Как это было с тобой.

— Что?

— Ты стал неинтересным, дорогой. Как ни старайся, тебя уже не изменить. Наверное, потому, что ты стареешь. Самый настоящий дед. Вечно повышаешь голос, будто тебя и так не слышно, и одеваться стал отвратительно. Стыдно с тобой на людях показаться.

С этими словами жена встала из-за стола и начала убирать в раковину тарелки с закусками, к половине которых Сучхан еще не успел даже прикоснуться.

— Но ты не беспокойся, милый, я не стану с тобой разводиться на закате жизни. Я бы ни за что не попалась на измене, просто подумала, что тебе стоит знать. Мне кажется, ты обязательно должен быть в курсе, что я тебя больше не люблю.

— Я не говорил ей… — вырвалось вдруг у Сучхана, хотя он намеревался сказать совсем иное.

— Почему? — Эчжин удивленно воззрилась на него.

— Если честно, не так давно… я потерял жену.

Эчжин ахнула и закрыла рот двумя руками. Сучхан опустил голову. К его изумлению, глаза уже были на мокром месте. Несколько слезинок упали на стол. Сучхан на ощупь нашарил салфетки и поспешно прикрыл рот рукой, но у него все равно вырвался невольный стон. Некоторое вре-

мя он рыдал, сотрясаясь всем телом. Сучхан уже и не помнил, когда в последний раз так открыто показывал свои эмоции.

— Ох, что же делать… Как же так… — причитала Эчжин, суетливо прикладывая салфетку к его влажным глазам. — А я ведь и не подозревала. Что же делать… — Салфетка выпала у нее из рук, и Эчжин принялась вытирать слезы Сучхана пальцами. — Ох, не надо было мне об этом спрашивать, мне так стыдно! Тот рассказ… Если бы я прочитала его внимательнее, если бы мне хватило ума все понять… Если бы я увидела в нем вашу грусть, господин директор… А я, глупая, не заметила ничего… Как же мне стыдно, простите меня!

— Я ведь написал о своей истории любви с женой, которая покинула наш мир, а они так накинулись на меня. Моя жена… любимая… она-то в чем виновата… Человек умер, а они…

— Господин директор, мне очень понравился рассказ, честно… Остальные просто не понимают. Они заблуждаются. Из нашей группы вы ближе всех к тому, чтобы стать знаменитым писателем. Вы пишете такие прекрасные истории. Вас так интересно читать…

Грудь Сучхана тяжело вздымалась. Слезы все

еще продолжали катиться, но всплеск эмоций уже утих. Зачем он солгал о смерти жены? Только теперь Сучхан задал себе этот вопрос. Ответа он не нашел, но на душе неожиданно полегчало. Может, он таким образом хотел наказать жену за измену? В груди вдруг поселилась смутная уверенность в том, что он прекрасно проживет и без этой предательницы.

— Похоже, я устроил сцену. В моем-то возрасте… Прошу прощения.

— Вам, должно быть, так тяжело.

— Признаться, мне было очень больно слышать ваши слова на занятии. Из-за вас, Эчжин, я было решил, что не относился к жене достаточно хорошо, пока она была рядом, а теперь…

На этой фразе Эчжин горько усмехнулась. На занятиях в магистратуре она часто делилась своими жизненными невзгодами. Между строк ее историй можно было прочесть, что она часто сталкивалась с насилием и жестокостью. Однако Сучхан не пытался понять ее. Напротив, ее рассказы лишь портили ему настроение. Зачем выносить сор из избы?

— Ваш муж не знает, что мы вместе обедаем, верно?

Только теперь Эчжин медленно кивнула:

— Раньше муж ужасно ревновал. Поднимал руку на меня и детей. Я все переживала: когда дети его возненавидят, сумеет ли он вынести этот удар? Я жалела его, хоть он и причинял мне боль. А постарев, вдруг обнаружила, что дети ненавидят не отца, а меня. Винят меня за то, что не смогла их защитить. Винят больше, чем отца, который их бил, — Эчжин посмотрела Сучхану прямо в глаза и добавила: — Вот будь у них такой отец, как вы, господин директор, они бы так себя не вели.

Сучхан открыл было рот, чтобы отреагировать на заявление Эчжин, но звук выстрела помешал ему это сделать.

6 июля 2024 года, суббота/ обед/столик № 2

Это те самые мать и дочь. Звонили несколько раз с претензией, хотя я прямо сказал, что мест больше нет. Возмущались, что на сайте информация о закрытии брони отсутствует. Никак не хотели униматься. Не знаю, кто из них мне названивал — мать или дочь. Их голоса звучат один в один. Если не прислушиваться, быстро перестаешь понимать, о чем идет речь за их столиком. И все же интересно, кто из них звонил в ресторан?

Их внешний вид не вяжется с поведением. Если сравнить лица матери и дочери, сразу становится понятно, как выглядел отец: настолько они не похожи. У матери крупные черты лица. Огромные глаза с четко прорезанными двойными веками, ростом даст фору некоторым мужчинам. Не меньше ста восьмидесяти сантиметров. Мышцам на руках, проглядывающим сквозь тонкие рукава блузки, позавидуют профессиональные волейболисты. Неоднозначное впечатление. У дочери, наоборот, раскосые глаза без двойных век

и маленький нос. Тонкие губы, плотно сжатый рот. Ростом недотягивает до ста шестидесяти сантиметров, выглядит щуплой. Покачивается при ходьбе, будто ее может снести малейшим дуновением ветерка. Непонятно, что тому виной — хрупкое телосложение, бесконечные диеты или склочный характер. Что ж, скоро узнаем.

Существует много способов судить о людской природе, и один из них — оценить поведение человека за едой. Я неплохо спланировал порядок подачи блюд, и потому могу несколько раз подойти к столику, чтобы проверить содержимое тарелок и заодно понаблюдать за гостями вблизи. Благодаря этому к концу трапезы я зачастую узнаю о своих посетителях намного больше, чем их собеседники.

Однако… раскусить этих двоих непросто. Все не так, как я ожидал. Увидев тарелки с закусками, я невольно нахмурился. Мать едва притронулась к еде. Дочь, напротив, смела все дочиста. Я решил внимательнее прислушаться к их беседе. Разговор больше напоминал спектакль одного актера, поэтому я должен был навострить уши.

* * *

— Никак не могу подобрать хороший ракурс. Почему тут так темно? И освещение какое-то рассеянное… Что это за безобразие? — возмущалась Чоннан, разглядывая снимки еды, которые только что сделала на тайно пронесенный с собой телефон.

В обычной ситуации Ёнчжу пропустила бы это мимо ушей, но сегодня она протянула матери салфетку и как можно мягче произнесла:

— Просто у тебя камера грязная. На, протри вот этим.

— Смотри-ка, тут такой тусклый свет, даже морщин не видно. Давай селфи сделаем.

Ёнчжу равнодушно приблизила лицо к плечу Чоннан. Слегка вытянув губы вперед, она посмотрела в камеру. Чоннан раскрыла ладонь, и телефон, среагировав на жест, с тихим щелчком сделал снимок. Проверив, как вышла фотография, Чоннан нахмурилась:

— Да уж, поистрепалась я. Совсем старая стала. — И добавила: — А ты тоже уже не так молодо выглядишь. Посмотри, у тебя под глазами уже морщинки собираются, видишь?

Ёнчжу слегка улыбнулась и тихо пробормо-

тала:

— Да уж, вот если бы я пошла в тебя, сохранила бы молодость подольше.

А про себя подумала: «Достало. Как же это все меня достало. Бесконечные указания и критика, насмешки и унижения, деспотизм и намеки на то, что без тебя я ничто, упреки и жалобы на то, что ты упустила все возможности в своей жизни из-за меня. Всему этому конец. С меня хватит. С сегодняшнего дня я стану свободной, мама». Ёнчжу подбодрила сама себя: «Просто потерпи еще один час. Всего один час. Сегодня ты в последний раз насильно выдавливаешь из себя улыбку. Это просто дань вежливости. Чтобы все было по-человечески…»

— И где же ты нашла такое модное место?

Ёнчжу знала, что из уст матери это не похвала: Чоннан беспокоится. Ее тревожит необычное поведение Ёнчжу, тревожит тот факт, что Ёнчжу может знать что-то, неизвестное ей самой. Что в жизни дочери существует что-то скрытое, пусть и крошечное, но неподконтрольное ей. Ёнчжу ответила, что нашла ресторан, просто забив в поисковике места поблизости. Пока еще нельзя давать матери повод для подозрений. К тому же отчасти это было правдой.

Сегодня Ёнчжу планировала заявить матери о полном разрыве отношений. Сделать это дома она не могла. Наедине Чоннан была особенно опасна. Ёнчжу не могла предугадать, каким предметом мать запустит в нее или насколько сильно изобьет. Кафе и рестораны с привычной планировкой тоже не подходили для осуществления ее плана. Гигантская фигура матери, сотрясающаяся от судорожных рыданий, и съежившаяся напротив, обливающаяся холодным потом, щуплая дочь… Стать главной героиней подобной причудливой сцены у Ёнчжу не хватало смелости. Будь она способна на такие поступки, давно бы уже сбежала куда подальше. Слабохарактерность Ёнчжу стала результатом тщательно продуманной, длительной муштры Чоннан. И почему во всей Корее нет ни одного места для разговора с матерью? Так и не найдя подходящего варианта, Ёнчжу поделилась своей тревогой с парнем. В ответ на ее сомнения он заявил: «И что? Хочешь продолжать жить, как сейчас? Отменишь все?» А затем добавил: «Хочешь сделать вид, что ничего не было? Расстанешься со мной? Мне ехать одному?»

Нет, пожалуйста. Ёнчжу молчала, закусив губу, даже на предложение расстаться, но после

вопроса «Мне ехать одному?» расклеилась. Она долго рыдала, уткнувшись лицом в его бедро, со словами: «Нет, не говори таких ужасных вещей. Если любишь меня, больше никогда не говори так. Если я буду жить так и дальше, то умру».

— Пожалуйста, ваш заказ.

Чоннан еле успела спрятать телефон, когда Пинсын вошел, дважды постучав в перегородку, и поставил блюда на стол. Струйка крови кругом растеклась по ободку тарелки со стейком. Чоннан радостно схватила вилку и нож. Ёнчжу удержала Пинсына, который уже развернулся, чтобы уйти:

— Мы сейчас разрежем стейк. Не могли бы вы забрать нож с собой?

Пинсын замер на месте, и Ёнчжу торопливо начала резать мясо.

* * *

«Да блин! Тупые предки совсем достали!»

В школьные времена, когда одноклассницы, которые щеголяли по округе, расстегнув пару лишних пуговиц на школьной форме, возмущенно врывались в класс и обзывали родителей последними словами, Ёнчжу чувствовала над ними странное превосходство. То, в чем про-

винились чьи-то «тупые предки», ни в какое сравнение не шло с тем, что приходилось терпеть ей. «Тоже мне, нашли, из-за чего шумиху разводить», — думала она, сжимая в руке острый карандаш. Однако все, что оставалось делать робкой Ёнчжу, — это молча решать задания из учебников. Хотя в итоге ее идея поступить в университет, чтобы сбежать из Намуна, все равно не увенчалась успехом.

Для того чтобы сбежать из дому или придумать какой-то другой план, Ёнчжу была слишком труслива. Точнее, ее так вышколили. Родной дом был адом, но ее растили так, чтобы она не могла его покинуть.

Ёнчжу не знала, каким человеком была мать до смерти мужа. Потому что первым воспоминанием в ее жизни были похороны отца. Облаченная в траурные одежды, Чоннан стояла в туалете похоронного зала и била Ёнчжу по лицу. «Отец умер, разве ты не должна плакать?» — с этими словами Чоннан хлестала дочь по лбу, затылку, носу, не разбирая, куда попадает тяжелая рука. «У тебя отец умер, почему ты не плачешь? Так нельзя. Люди скажут, что ты безобразница. Скажут, что ты странная. Так что плачь давай. Больно? Больно тебе? Ну так плачь! А ну! Не будешь? Не

будешь плакать?»

Добившись таким образом слез от дочери, на людях Чоннан крепко прижимала ее к себе и причитала во весь голос. Наблюдавшие за этим зрелищем гости утирали мокрые глаза, жалея безутешную вдову. «Хорошо относись к матери, заботься о ней», — напутствовали они Ёнчжу, которой на тот момент едва исполнилось пять лет.

С тех пор Чоннан строго следила за тем, чтобы Ёнчжу неуклонно играла одну роль — роль бедного ребенка, страдающего после потери отца. Роль дочери, посвятившей всю себя матери — единственной семье, что у нее осталась. Роль благодарной дочери, которая жить не может без своей несчастной матери.

Каждое движение Ёнчжу совершала под неукоснительным надзором матери. У Ёнчжу не было обычных детских воспоминаний о ттокпокки, съеденных вместе с друзьями после уроков, походах в караоке или прогулках по торговому центру с подругами. С понедельника по пятницу она должна была возвращаться домой в строго обозначенное время. Ёнчжу не могла задержаться на улице даже на пять минут, не получив предварительного разрешения Чоннан. Если вдруг такое случалось, то не проходило и десяти минут, как

раздавался звонок с допросом: «Где ты? Когда ты вернешься домой? Во сколько?»

Если Ёнчжу не отвечала, начинали трезвонить телефоны всех людей в ее окружении: друзей, одноклассников, классного руководителя, даже школьного охранника. «Да, хорошо, я ей передам, чтобы сейчас же шла домой, — бормотали в трубку друзья и, возмущенно выпучив глаза на Ёнчжу, шипели: — Эй, идиотка, ты зачем раздаешь мой номер телефона без спросу?» Разумеется, Ёнчжу ни разу не сообщала матери ничей номер телефона.

Ребята в школе быстро вытеснили ее из своей компании. Однажды, вернувшись домой, Ёнчжу начала возмущаться по этому поводу, но Чоннан заявила с ликующей улыбкой:

— Они тебя портили. А я спасла.

— Что?

— Я все знаю. Материнскую интуицию не обманешь.

Чоннан махнула рукой — мол, не надо придумывать глупости — и провозгласила:

— Тебе не понять. Это материнская любовь.

* * *

— Мне в этом году будет двадцать девять, мам.

Чоннан с легкостью отмахнулась от слов Ёнчжу:

— Тебя послушать, так будто сорок девять исполняется. В двадцать девять ты еще ребенок.

— Что? Ребенок?

— Ну конечно. Куда ты без матери? Вон, даже с ножом нормально управляться не умеешь.

Ёнчжу опустила глаза на свой стейк. Кусочки разного размера выглядели так, будто мясо не разрезали, а разорвали на части.

— Если накромсать недожаренное мясо на такие огромные куски, как у тебя, жевать придется минут десять, не меньше. А ты к тому же в отца пошла, челюсти совсем слабенькие. Он забрал нож? Вот зачем ты заставила занятого человека стоять столбом? Надо попросить, чтобы принес нож обратно.

— Нет, — поспешно выпалила Ёнчжу, хватая мать за руку, — я сама справлюсь, так что не надо его звать. Ты же сама сказала, он занят.

Ёнчжу подцепила вилкой самый большой кусок и, засунув в рот примерно наполовину, впилась в него передними зубами. Алая жидкость,

смешанная с маслом, потекла по подбородку. Ёнчжу старалась спрятать язык как можно дальше, чтобы не касаться им мяса, но соленый привкус уже наполнил весь рот. Чоннан молча наблюдала за дочерью.

Никак нельзя, чтобы нож принесли обратно. Неизвестно, что мать может сделать, если дотянется до ножа. Ни за что, ни в коем случае нельзя позволять ей притронуться к нему.

Ёнчжу отвела руку с вилкой подальше от лица и попыталась разрезать мясо. Однако оно никак не хотело поддаваться.

— Ну вот, только посмотри на себя! — возбужденно заявила Чоннан. — Потому я и твержу, что пропадешь ты без матери. Кто же так пытается его разрезать? Нужно разделять по волокну. Какой же ты еще ребенок, совсем малышка. Все мама за тебя должна делать.

* * *

Дело было, когда Ёнчжу исполнилось восемнадцать лет. Чоннан раздобыла себе место в родительском комитете и устроила допрос родителям одноклассников дочери на предмет того, с кем она дружит. Информации, которая ее бы удовлетворила, она не получила — и это было

естественно. У Ёнчжу не было друзей. Она не могла завести их, потому что ей было страшно, потому что она боялась, что снова повторится ситуация из прошлого. И как мать могла не знать об этом?

В тот день Чоннан заявилась в столовую, утверждая, что ее назначили следить за питанием детей. Она пригласила двух девочек, которые обедали вместе с Ёнчжу, к ним домой. Подав им поднос с закусками, Чоннан усадила всех троих на диван, включила видео для взрослых и ласковым голосом принялась комментировать происходящее на экране: «Вот это слишком преувеличенно, а тут и вовсе обманывают, так не бывает. Вы должны быть мне благодарны за то, что я вам такое рассказываю. Где вы еще получите половое образование? Вы мне еще спасибо скажете». Чоннан поглаживала бедра застывших от неловкости школьниц с телами взрослых девушек и продолжала приговаривать: «Никто вас этому не научит, никто, кроме меня. Случись что, остальные будут говорить, что вы сами во всем виноваты».

С тех пор те две девочки стали неразлучными лучшими подругами. Тройка друзей с поразительной легкостью превратилась в пару, а Ёнчжу

до самого выпуска ела школьные обеды в одиночестве.

* * *

Кроссовки Ёнчжу были велики ей примерно на один размер, а под пальцами слегка шелестели тоненькие бумажки. Во время обеденного перерыва на работе она тайком покупала лотерейные билеты и прятала их под стельками. Другого выхода не было: Чоннан ежедневно проверяла содержимое ее сумки и кошелька. Если бы мать узнала ее секрет, сразу бы впала в бешенство. Устроила бы истерику, обвинила дочь в том, что она скупает лотерейные билеты, чтобы выиграть и сбежать от нее.

— А, кстати, я же звонила твоему начальнику.

Не успела Ёнчжу открыть рот, как Чоннан невозмутимо продолжила:

— Слышала, в последнее время модно ездить в другие страны, пожить там месяц-другой. Я тоже хочу. Ты же знаешь, у меня не было возможности побывать за границей, потому что я растила тебя.

— Но зачем ты звонила начальнику?

— Так ведь ты тоже должна поехать, — как ни в чем не бывало ответила Чоннан. — Вот я и спро-

сила, может ли он дать тебе отпуск на месяц.

Ёнчжу с ужасом посмотрела на мать. Не прошло и года, как она нашла эту работу. Это был маленький центр психологических консультаций, в котором трудилось всего трое сотрудников, и она еще не успела заслужить доверие коллег. Какой может быть отпуск, да еще и на целый месяц?!

— А он говорит, нельзя. Даже без содержания. Не понимаю, чего так упрямиться.

— И что?

— Ну и я сказала, что ты увольняешься, — безмятежно заявила Чоннан.

Потрясенная Ёнчжу потеряла дар речи. Слова застряли в горле, будто рот заткнули салфеткой. Чоннан протянула руку и нежно поправила челку дочери.

— Сколько раз тебе повторять, у меня хватает денег. Думаешь, меня беспокоит, что ты не зарабатываешь? Конечно, ты должна работать, деньги всегда нужны, но пока что все в порядке. Ты еще молодая, тебе надо посмотреть мир. Поедешь вместе с мамой. Я все оплачу. Говорят, там очень хорошо, отдохнем душой и телом…

Ёнчжу ни разу не была ни в школьных поездках и походах, ни на вечеринках с ночевкой в университете. Ни разу. Она всегда оставалась в

школе, допоздна засиживаясь за уроками, а затем сразу шла домой, где ее ждала мать.

Чоннан подцепила ногтем мясо, застрявшее в зубах.

— Я уже все забронировала. Едем в сентябре. Представляешь, я даже отель сама нашла! Думала, глаза выпадут, пока в интернете сидела. Ты бы знала, сколько я видео на «Ютьюбе» пересмотрела. В общем, я выбрала кондо, в нем есть бассейн и тренажерный зал, можешь себе представить? А в округе полно хороших ресторанчиков. Есть даже с мишленовской…

Тут Ёнчжу перебила мать. Прекрасно зная, какой ответ последует. Прекрасно понимая, какой человек Чоннан.

— Что? Ты все забронировала?

— Только билеты на самолет и проживание. Между прочим, у тебя очень экономная мать. Ни воны зря не потратила. Забронировала все без возможности возврата. Потому что так дешевле.

Ёнчжу родилась и всю жизнь прожила в Намуне. Вариантов сбежать из опостылевшего города и от Чоннан было не так много. В старшей школе она училась так усердно, что у нее постоянно шла кровь носом, но небеса словно насмехались над ней — в университет в Сеуле

девушку не взяли. Ехать в другие провинции она побоялась. Для Ёнчжу, которая ни разу в жизни не ездила ни на поезде, ни на рейсовом автобусе, поехать в чужой город было все равно что рвануть на другую планету. Отправиться за приключениями в неизведанные земли? На это смелости у нее не хватало.

— Где еще встретишь такую мать, как я? В наше время молодежи приходится так тяжело, что каждый второй перестает надеяться на будущее. Число самоубийств растет, а рождаемость на нуле. А вот я своей дочурке ни в чем не отказывала, правда ведь? Поддерживала тебя во всем, разрешала заниматься чем хочешь. Я же мать, все матери так поступают.

Чоннан часто повторяла это выражение: «Я же мать». Ёнчжу медленно прожевала и проглотила эти слова. Держи себя в руках, не волнуйся. Медленно, очень медленно вдохни и проигнорируй это. В то же время Ёнчжу прокрутила в голове сказанное вчера ее парнем: «Милая, ты просто слишком сильно боишься свою маму. Она ведь ведет себя так, потому что тебя любит. К тому же она уже женщина в возрасте. Ты победишь. Что она может тебе сделать? До сих пор она ведь не причиняла тебе физического вреда, верно? Да,

она иногда говорит резкие вещи, но это же всего лишь слова».

В голове у Ёнчжу прояснилось.

— Я не смогу поехать.

Чоннан замерла. Рука с зажатой в ней вилкой застыла на полпути ко рту. Ёнчжу сглотнула.

— Что?

— Мне кажется, я не смогу поехать.

— Что за глупости? Я же объяснила, билеты невозвратные. Ты все равно безработная, с чего это ты не можешь? Мать едет, а ты нет? Я одна, что ли, ехать должна? Как ты себе это представляешь? Хочешь отправить старую женщину одну в страну, когда она даже языка местного не знает? А если со мной что-то случится, что будешь делать, а?

К лицу Ёнчжу прилил жар. Спину, подмышки и голени охватил зуд. Такие симптомы, похожие на аллергию, появлялись каждый раз, когда ее что-то пугало. Настолько сильные, что было просто невыносимо терпеть. Интересно, знала ли об этом Чоннан? Ёнчжу со всей силы сжала в руке вилку, надеясь, что это поможет умерить зуд. Как эффект плацебо.

— Дело в том, что к тому времени я уже не буду жить с тобой, мам.

Прежде чем Чоннан успела открыть рот, Ёнчжу быстро моргнула и продолжила:

— Я выхожу замуж.

В этот момент раздался звук выстрела.

6 июля 2024 года, суббота/ обед/столик № 3

Эти двое больше походят на родственниц, чем мать и дочь со второго столика. Схожие черты лица, одинаковые платья. Хотя нет, если присмотреться, рукава немного отличаются. Женщины, похожие друг на друга, словно близнецы, не произносят ни слова по пути к столику. Одна из них сразу проскальзывает на дальнее место, будто так было уговорено заранее. Несмотря на мои слова о том, что под столом есть крючок, она ставит свою отвратительную сумку рядом с собой. Из-за этого женщине, которая села ближе к выходу, остается мало места. Более того, она тоже не может повесить свою сумку на крючок под столом и после недолгих сомнений кладет ее себе под ноги. Спутница не двигается и не пытается помочь. На сумке женщины, сидящей у прохода, болтается розовый брелок — такие выдают в гинекологии беременным.

Когда я рассказываю о сегодняшнем меню, обе не слушают. Ощущение, что никто не заметит, даже если я подам вместо европейских блюд

салат из ростков фасоли и твенчжан ччигэ[3]*. Такая атмосфера обычно бывает за столиками людей, которые пришли сюда вести переговоры.*

Беременным можно есть морепродукты? Сегодня в меню ризотто с креветками, кальмарами, мидиями и треской. Как быть? Приготовить отдельное блюдо для нее хлопотно, но вполне реально. Слегка обеспокоившись, иду на кухню, чтобы поискать информацию в интернете. Треска содержит ртуть, поэтому ее лучше не добавлять. Еще написано, что плохо прожаренное мясо может быть опасно… Женщина, которая села первой, как раз заказала стейк слабой прожарки с кровью… Ее спутница ничего не сказала.

У этих двоих явно неравноправные отношения. В женщине, сидящей подальше, чувствуется какое-то превосходство.

* * *

— Сюда, наверное, часто приходят парочки.

Тишину нарушила Сана. Никакого ответа не последовало. Ючжин, закусив губу, рассеянно смотрела на пустую тарелку перед собой. Сана

---

[3] Примечания: 3

Твенчжан ччигэ — традиционный корейский суп из овощей и соевой пасты твенчжан.

снова заговорила:

— Помнишь нас в средней школе? Нам было негде обжиматься с парнями, так что мы приходили в караоке и заклеивали окошко бумагой, а песни не пели. Однажды моя мама бросилась меня искать и обшарила каждую комнатку в караоке одну за другой, резко распахивая двери.

— Когда это ты встречалась с парнем? — наконец открыла рот Ючжин.

Замолчав на мгновение, Сана широко улыбнулась и исправилась:

— Точно, вот я глупая, совсем забыла. Это была не я, а ты. Ты, а не я. Я просто везде ходила за тобой…

— Из-за тебя твоя мать нам обеим волосы на голове сбрила, — вставила Ючжин, и улыбка Сана стала еще шире.

— А я тебе не говорила? Мама перед смертью сказала, что ей очень жаль. Что в этом она раскаивается больше всего.

— Когда же? Мы ведь ни разу не встречались после выпуска.

— Правда? Ох, как время быстро летит, скажи? Надо видеться почаще.

Ючжин ничего не ответила. Наманикюренные ногти Сана с жемчужными стразами беспокой-

но застучали по столу. Тяжелый взгляд Ючжин задержался на ее руке. Почувствовав его, Сана сжала ладонь в кулак. Ее глаза беспокойно забегали по сторонам, но она быстро взяла себя в руки и продолжила бесплодные попытки завязать диалог:

— Что раньше, что сейчас… И почему в Корее нет спокойных, тихих мест, где можно поговорить?

В этот момент Ючжин повернула голову и посмотрела прямо в лицо спутницы. Женщины встретились глазами впервые после прихода в ресторан. Глядя в широко распахнутые от удивления глаза Сана, Ючжин медленно, четко выговаривая каждое слово, произнесла:

— А то ты не знаешь? Из-за таких мразей, как твоя дочь. Вполне логично, разве нет? Преступница малолетняя.

Сана хотела было тут же выскочить из-за стола, но сдержалась. Ее грузное тело не позволяло таких резких движений. Вместо этого она медленно сделала несколько глубоких вдохов. Надо держать себя в руках. Ради ребенка в животе, ради дочери. Тем более директор школы чуть ли не на коленях стоял, умоляя ее: «Я прошу вас, госпожа, попросите прощения первой. Если вы извини-

тесь, все закончится куда быстрее и проще. Мы, конечно, можем начать разбираться, кто прав, а кто виноват, но ведь сейчас на первом месте дети. Родителям нужно поступиться гордостью, чтобы они не пострадали, иначе кто знает, что произойдет…» Он чуть было не расплакался.

— Да, ты права… — Сана через силу натянула на лицо улыбку. — Было бы странно, если бы все эти маленькие прошмандовки не ходили по таким местам. — И все же она не смогла удержаться и не добавить: — Вот только в одном ты ошибаешься. Моя Арин, она не такая, как ты думаешь. Она почти не общается с ними, я уверена.

* * *

В воспоминаниях о своей первой встрече Сана и Ючжин расходились ровно на шесть лет. Сана впервые заметила Ючжин на церемонии поступления в начальную школу. Они оказались в параллельных классах. Любой, кто увидел бы Ючжин в тот момент, запомнил бы ее. Ярко накрашенные ногти, длинные болтающиеся серьги, желтые обесцвеченные волосы. Она несла себя уверенно, отчего все это ей очень шло. На лице классной руководительницы Ючжин мелькнула смесь удивления и отвращения. Сана успела это

подметить. С самого детства у нее отлично получалось читать выражения лица людей, которые были сильнее ее.

Ючжин была сильнее и красивее любой девочки в классе, даже их классной руководительницы. Все шесть лет начальной школы она верховодила окружающими. В четвертом классе пошли слухи, что она общается со старшеклассниками. В шестом Ючжин и ее приспешницы начали вылавливать у школьных ворот ребят, которые одевались лучше других, и сильно избивать их. Они называли это «зачисткой». Однако в те времена не было принято заявлять о таком в полицию.

Сана мечтала попасть в один класс с Ючжин. Она хотела быть рядом с популярной, привлекательной девочкой, чтобы тоже стать популярной. Даже самые невзрачные одноклассницы пользовались вниманием мальчиков только благодаря тому, что дружили с Ючжин. Еще вчера такие девочки были как все, а сегодня ходили задрав нос и игнорировали всех вокруг. Каждый год при распределении классов Сана оставалось только тяжело вздыхать. В следующем году я обязательно попаду с ней в один класс. Мы точно подружимся с ней. И тогда, тогда… я тоже стану

популярной.

Сана заняла первое место в рейтинге успеваемости. На церемонии поступления в среднюю школу ей выпало произносить речь, и, когда она спустилась со сцены, Ючжин впервые заговорила с ней:

— Ты же в классе номер один? Ну да, ты же на первом месте, значит, должна быть и в первом классе. Мы с тобой в один класс попали, ты в курсе?

Этой короткой фразой и мимолетным взаимодействием Ючжин с легкостью включила Сана в свой круг. Поначалу Сана спрашивала себя: «Почему она выбрала именно меня?», но этот вопрос быстро разрешился. Ючжин и ее шайка использовали Сана в качестве щита: «Мы дружим с круглой отличницей, которой доверили произносить речь на церемонии поступления», и, спрятавшись за этим фасадом, Ючжин со своей компашкой напропалую пила, курила и занималась сексом. Сана лишь внимательно наблюдала за ними со стороны. Если бы у нее спросили, довольна ли она такой жизнью, она бы ответила утвердительно. Потому что благодаря своей принадлежности к шайке Ючжин она могла смотреть на других свысока. Когда временами

кто-то из самодовольных хулиганок обижал ее чувства, Ючжин делала вид, что заботится о ней: «Эх, вот же повезло тебе по жизни… И башка варит, и родаки не бедные. Так еще и сама по себе добрячка». Ючжин внимательно вглядывалась в лицо Сана и вдруг предлагала: «Хочешь, познакомлю тебя с красавчиком из старшаков?»

«Нет, спасибо», — каждый раз отвечала Сана. Причина была проста. Девочек, которые встречались с «красавчиками из старшаков», почти сразу изгоняли из компании. Интересно, каково это — пить, курить и гулять с парнями? Свое любопытство Сана изливала только на страницах дневника. Все увиденное и подслушанное она записывала так, будто пережила это на собственном опыте. Тогда ей казалось, что это и вправду произошло с ней, и на душе становилось приятно.

Сана нравилась красота Ючжин. Хотя, возможно, на самом деле красота подруги заключалась в ее силе. Так или иначе, рядом с Ючжин Сана чувствовала себя счастливой.

* * *

— Если честно, я позвала тебя сегодня, потому что хотела извиниться. — Сана решила, что луч-

ше разобраться со всем сразу, и перешла прямо к делу.

В это время как раз подали салат. Ючжин, держа в руке вилку, усмехнулась:

— Если не есть, деньги вернут?

— Прости?

— Нет желания тебя слушать. Если вернут деньги, я, пожалуй, пойду.

Пинсын, который в этот момент подошел с дополнительной порцией хлеба, заказанной Ючжин, вмешался:

— Прошу прощения, но мы не возвращаем деньги.

* * *

Сана оставалась в компании Ючжин до самого поступления в университет. В мире малолетних бандиток, полном предательства и жульничества, Сана была единственным человеком, который ничего не хотел для себя и хранил преданность Ючжин, поэтому та не бросала ее. В старших классах оценки Саны значительно снизились, но столь же значительно она похорошела внешне, так что Юджин продолжала держать ее возле себя. Иногда к Сана даже пытались подкатить парни.

Для того чтобы долго сохранять неравные отношения, одна сторона непременно должна жертвовать: кто-то обязательно звонит первым, уступает и подстраивается под вкусы и настроения другого. Разумеется, эту роль исполняла Сана. Их отношения начались с ее восхищения Ючжин, но в какой-то момент превратились в привычку. Даже в выпускном классе, накануне начала новой жизни, все оставалось по-прежнему. Ючжин, которая и не думала поступать в университет, нашла подработку и часто звала к себе Сана. Та постоянно сбегала с последних уроков к подруге, несмотря на недовольство классного руководителя.

До учебы в университете ее никогда не спрашивали, почему она так цепляется за Ючжин. Задал этот вопрос только первый парень Сана. Государственный университет Намуна, в который она поступила, был полон ребят, родившихся и выросших в их городке, одним из них был и ее молодой человек. Просматривая профиль Сана в соцсетях, в котором повсюду мелькало лицо Ючжин, он вдруг спросил:

— Ты что, дружишь с ней?

Сана посмотрела на любимого. Этот парень на вопрос «Почему я тебе нравлюсь?», ни секунды

не сомневаясь, ответил, что любит ее, потому что она милая, красивая, кроткая и добрая, и нежно поцеловал в губы. Теперь на его ласковом лице впервые появилась тень подозрения.

— Ее же все знают. Шлюха из местного ПТУ. Ты что, общалась с ней?

Сана не могла признаться, что мечтала быть подругой этой шлюхи, и промямлила вялое оправдание:

— Нет, конечно нет. Я ее терпеть не могу, но она вечно пытается делать вид, что мы подруги… Наверное, считает меня простушкой.

Выражение лица парня все еще оставалось настороженным. Это притом что сам он в школьные времена шастал по округе, забавляясь тем, что харкал на чужие школьные формы.

Сана убедилась воочию, как быстро может разрушиться жизнь девушки, которую окрестили «шлюхой» в местном обществе, где всем все друг о друге известно. Поговорка о том, что «те, кто от души веселится в юности, и замуж быстро выскакивают», работала только в случае, если ты была «богатой шлюхой». Ючжин больше не могла пользоваться своим оружием. Сана быстро осознала происходящие перемены: все-таки это было ее врожденным талантом. А вот Ючжин так

быстро подстраиваться не умела. Хотя, возможно, она тоже все понимала, но уже не могла изменить себя после стольких лет. Блестящее прошлое Ючжин в мгновение ока заковало ее в кандалы. То, что Сана всегда исполняла ничтожную второстепенную роль на фоне Ючжин, сыграло ей на руку. Никто не помнил ее.

После выпуска из университета Сана выскочила замуж за сотрудника большой корпорации на двенадцать лет старше ее, с которым сходила на одно свидание вслепую. Свадебный зал был битком набит друзьями жениха по начальной и средней школе, яблоку негде было упасть. Однако все гости Сана были ее друзьями по университету. Муж не обратил на это внимания. Или не заметил. А может, ему просто нравилось, что невесте почти некого было пригласить на свадьбу.

«Надеемся, ты будешь всегда кормить мужа вкусной едой и нарожаешь ему милых малышей», — поднимали гости тосты. Сана отлично играла роль мудрой матери и доброй жены, которую определили для нее друзья мужа. Пока ее «милая малышка» с друзьями не загнала в угол одноклассницу и не избила ее.

Когда Сана, заливаясь слезами, спросила у дочери, за что она ненавидит эту девочку, та лишь

пренебрежительно бросила: «От нее воняет».

Матерью избитой девочки оказалась Ючжин.

* * *

— Я прошу прощения за свою дочь, она виновата. Хотя нет, это я виновата. Я плохо ее воспитала. Потакала ей во всем, разрешала все на свете, вот она и…

Сана сама не понимала, что несет. Как будто из ее рта непроизвольно лились чужие слова. Слова директора или родителей остальных зачинщиков. Одно было странно. Когда Сана и Ючжин учились в школе, проблемные дети происходили из бедных семей или вовсе были сиротами, но в этот раз все родители, явившиеся обсудить произошедшее, были по меньшей мере профессорами, учителями или чиновниками. «Может, выпьем за встречу, раз уж собрались? Мне так скучно живется с тех пор, как пришлось переехать в это захолустье, а тут такое событие», — заявила с порога мать самой задиристой девочки. Присутствовавшие воодушевились. В ходе встречи выяснилось, что все матери, кроме Сана, были приезжими в Намуне.

«Сана, вы ведь знакомы с этой женщиной». В кабинете директора Сана и Ючжин не смогли

сделать вид, что не знают друг друга, и остальные мамочки стали свидетельницами этой сцены. «Сана, поговорите с ней, чтобы она так сильно не упрямилась. Пускай она прекратит истерику. Я слышала, она хочет подать в суд, потому что ее не устраивают меры, которые предпринимает школа. Вы же дружите с детства, неужели она не выслушает, если вы попросите? Нужно поскорее разобраться с этим делом, и будем жить спокойно».

Сана молча смотрела на пересушенного кальмара, которого подали в качестве закуски к алкоголю.

Мамочка продолжала: «Мой муж говорит, что в юности она сама была та еще оторва. Из местного хулиганья. Если продолжит упрямиться, вытащим на свет ее прошлое. Мы просто не хотим унижать ее перед собственной дочерью. Передайте ей, что с нашей стороны это уступка».

Сана понимала намерения женщины. Среди детей существовала иерархия. Дочь Сана клялась, что только наблюдала со стороны. Она была не настолько крута, чтобы ей позволили пинать жертву. Среди родителей тоже имелась подобная иерархия, и Сана в ней занимала место даже ниже, чем ее дочь.

Перед выходом та крикнула вслед матери: «Вот же блин! Попробуй только накосячить, мама. Если из-за тебя я стану изгоем, я убью себя, ясно?»

— Где ты купила это платье? — спросила Ючжин, дергая Сана за рукав.

Сана так давно не виделась с Ючжин, что не сразу поняла ее намерения. Что ее устроит больше? Правда или ложь? На Сана было платье известного люксового бренда. Свободного кроя, с этническими узорами, такие пользовались особой популярностью у беременных женщин. И полных. Таких, как Ючжин, которая оккупировала все место за их столом. Вот только ее платье было дешевой подделкой под бренд, который носила Сана.

Не успела Сана и слова сказать, как Ючжин снова открыла рот. Сана почувствовала облегчение, потому что еще не нашлась с ответом. До того момента, как услышала слова Ючжин:

— Поменяйся со мной.

Что бы она ответила, если бы в этот момент не прогремел выстрел? Поменялась бы?

6 июля 2024 года, суббота/ обед/столик № 4

Странный день: ни одной влюбленной парочки, в основном почему-то женщины. Это досадно. Я действую в строго назначенный день, следую полученной инструкции без всякого умысла, но люди могут посчитать все банальным преступлением на почве мизогинии.

«Люди ведь неправильно поймут меня, Мими?» — спросил Пинсын. Мими ответила, что такое вероятно. До сих пор в ресторан ни разу не приходили только женщины. У выборки для эксперимента Мими явно имелись недостатки.

Одна из женщин за четвертым столиком кивает мне, словно давнему знакомому, и говорит спутнице, что она завсегдатай в моем заведении. Завсегдатай? Я впервые в жизни вижу эту дамочку. Мало того, что я в принципе не помню ее лица, так я еще и ни разу не проявлял к гостям особого отношения. Это точно ошибка. Я не знаю, в чем заключается причина ее лжи.

Некоторые вещи можно понять и без слов. У женщины, сидящей у стены, на лице написано, что

она пришла сюда против своей воли. Она улыбается, но по ней видно, что эта улыбка натянутая. У обеих большие сумки, полные каких-то вещей. Обе пришли с одинаковыми зонтами, на которых изображен логотип компании. Уже несколько дней стоит ясная погода, зачем им зонты? Я решаю понаблюдать за ними еще. Лицо женщины, сидящей подальше от выхода, бледно. Она судорожно давит пальцами на солнечное сплетение, будто вот-вот исторгнет содержимое своего желудка. Ее спутница кажется возбужденной. Бесконечно пытается прильнуть теснее ко второй женщине. Я спокойно ознакомлю их с меню, но про себя беспокоюсь: что же делать, если бледную женщину все-таки стошнит?

* * *

— Зачем же вы так много выпили, Сонми? Менеджер Ким, эта хамка, сама не пила, а вас заставила и ее порцию проглотить. Я все видела.

— Все не так… На прошлом семинаре было то же самое. Проигравший имеет право заставить выпить вместо себя своего подчиненного…

— Тогда вы ведь могли заставить меня! Зачем же вы сами все выпили? Вы же знаете, я умею пить.

Сонми на мгновение прикрыла глаза. Как было бы хорошо, если бы можно было ответить честно: «Потому что я хотела, чтобы ты отстала от меня хоть на секунду, хотела хотя бы ненадолго притвориться, что тебя нет». Если бы можно было этими острыми словами разодрать до крови сидящее рядом тело…

— Я не могла так поступить… Мингён, это ведь твой первый рабочий семинар. Тебе и так приходится работать в этой никчемной фирме, а тут еще тебя насильно заставили бы пить. Такое очень сложно стерпеть.

— Офигеть. Я тронута. Вы лучшая, Сонми. — С этими словами Мингён слегка похлопала ее по плечу, будто близкую подругу.

Сонми немного откинулась назад и сделала глубокий вдох. С тех самых пор, как они вошли в ресторан, из-за запаха еды к горлу подступала тошнота. Сдержаться, чтобы не вырвало, дотерпеть до конца этого ужасного пыточного обеда — эта единственная цель казалась сейчас Сонми такой же далекой и недостижимой, как жизнь после смерти.

Воспользовавшись тем, что Мингён на мгновение отвернулась, Сонми быстро понюхала свою подмышку. В рабочем семинаре принимали

участие все девять сотрудников их небольшой фирмы, включая директора. Место проведения — отдаленная сельская местность, общий номер в пансионате. Душ был один на всех, а Сонми занимала слишком низкую должность, чтобы даже подумать принять его. Умываться и чистить зубы приходилось в раковине; спрятавшись в туалете во время перерыва, Сонми торопливо протирала тело влажными салфетками, но этого явно было мало. Пот, выступивший днем ранее во время вечерних посиделок у костра, остался на коже, и она до сих пор казалась липкой и влажной. Одежда, в которую Сонми переоделась вчера, помялась и пропахла тухлятиной, как плохо просушенное белье после стирки. В носу зачесалось. Хорошо, что сильный запах еды заглушал запах, исходящий от ее тела. Сонми попыталась хоть немного отодвинуться от Мингён и уперлась боком в стену. Казалось, ее старая привычка подносить пальцы к носу и нюхать их вот-вот явит себя снова. Скверная привычка, от которой никак не получалось избавиться.

Вскоре подали салат и белый хлеб. Мингён, не удостоив еду взглядом, всем телом развернулась к Сонми и внезапно приложила ладонь к ее шее.

— Божечки, Сонми, вы чего так вспотели? Кто

посмотрит, решит, вы прямо с пробежки. Ну что это такое? Сонми, вы как дед, который напился горячего бульона! Пот прямо ручьем течет! — Мингён громко расхохоталась.

— Включить кондиционер? — спросил Пинсын.

Сонми слабо кивнула и тихо прошептала:

— Спасибо.

У нее не было сил улыбнуться. Черт возьми! Она чуть было опять не понюхала свои пальцы.

Когда Мингён приняли на работу, в компании поднялась небольшая шумиха. Почему выпускница Сеульского университета, одного из трех лучших вузов страны, да еще и окончившая магистратуру, вдруг решила работать не в столице, а в Намуне и не в крупной компании, а в маленьком семейном бизнесе, о котором даже информации в интернете не сыщешь? Сонми воображала себе много невероятных причин, по которым так случилось. Например, новенькая могла на самом деле быть репортером, устроившимся в их компанию под прикрытием, чтобы расследовать несправедливости, с которыми сталкивается молодежь в малых городах в процессе работы. Сонми представляла себе, как поступит, если ее попросят по секрету поделиться

данными.

Репортер, как же.

В первый рабочий день Мингён вела себя так услужливо, что было больно смотреть. Она даже пить старалась так, чтобы никто не слышал звуков глотания: набрав воды в рот, очень медленно и осторожно всасывала жидкость с языка. Ящики стола она открывала осторожно, чтобы они вдруг не скрипнули и не побеспокоили окружающих. Однажды у кого-то из сотрудников зазвонил телефон, когда он вышел в туалет, и Мингён стремглав подскочила и встала у входа в офис, держа мобильный на вытянутых руках, чтобы с поклоном вручить его хозяину по возвращении. Когда директор, не спросив ничьего мнения, заказал всем на обед похмельный суп из бычьей крови, Мингён съела порцию подчистую, а затем, сидя рядом с Сонми, устроила целый спектакль, стуча себя по вздувшемуся животу. Без слез не взглянешь. Сонми всегда уважала «образцовых учеников». Сколько сил и стараний было потрачено на учебу, чтобы в итоге оказаться здесь. Поэтому она беспокоилась за Мингён. И еще одно. Сонми, проработавшая в компании уже семь лет, и Мингён были ровесницами — каждой было тридцать два года. Еще и поэтому Сонми боялась

задеть ее чувства. Ей вообще не хотелось задевать чувства кого бы то ни было.

Вопреки опасениям, что с таким уровнем образования Мингён окажется высокомерной или напрочь лишенной социальных навыков, она довольно быстро освоилась, особенно по части угождения начальству. Она сразу поняла, в какие моменты стоит похлопать в ладоши, да и в принципе старалась скорее обучиться всему. А самое главное — она всегда открыто и во всеуслышание полагалась на свою прямую руководительницу — Сонми. «Ну что, каково оно — руководить выпускницей лучшего университета страны?» — как-то спросил у Сонми начальник, и она, не найдясь с ответом, молча опрокинула в себя очередную рюмку. Зато сидевшая рядом Мингён тут же защебетала: «Разве образование важно? В деле главное — опыт и должность!»

С этими словами Мингён широко улыбнулась. Сонми часто думала о том, как было бы здорово, если бы коллега продолжила лицемерно улыбаться и скрывать свое истинное лицо. Как было бы спокойно, если бы Мингён не делала попыток сблизиться с ней.

Но с некоторых пор поведение Мингён наедине с Сонми резко изменилось.

— Сонми, вот, скорее попробуйте. Знаете, как я старалась, чтобы найти этот ресторан? Я так хотела пообедать с вами. На работе мне некому довериться, кроме вас, а вы постоянно твердите, что заняты. Как вы можете быть заняты каждый день? И в пятницу вечером, и в выходные… Я просто хотела встретиться с вами за вкусным ужином, поболтать, отвлечься от мыслей о работе… Ну разве нормальный человек может быть настолько загружен? Вы так себя до обморока доведете, а мне что потом делать без вас?

Сонми уже давно старалась избегать Мингён.

Поначалу она хорошо относилась к новой коллеге без особой на то причины. Просто Сонми было жаль ее. При взгляде на Мингён в голове постоянно всплывал вопрос: «А если бы?..» «А если бы я была на ее месте, как бы я себя чувствовала? Если бы я окончила магистратуру в Сеульском университете, а потом мне пришлось устроиться на работу в маленькую фирму в провинции и лебезить перед начальницей, у которой образование только два года в никчемном колледже?» Сонми считала, что дружелюбие, которое Мингён демонстрировала по отношению к коллегам, не может быть искренним. Она была уверена, что это, скорее, униженная покорность узника,

которого подвели к самому краю обрыва. Сонми догадывалась, что ее предположение верно, и она должна вести себя с новой подчиненной соответственно.

Угождать начальству у Мингён получалось отлично, чего нельзя было сказать о ее работе. Ее специальность в университете не была связана с пошивом униформы, так что недостаток знаний о том, как работает система в целом, можно было понять. Однако, даже если Сонми повторяла одно и то же по несколько раз, Мингён все равно упускала мелкие детали. Сколько бы та ни обучала коллегу японским терминам, которые они использовали при общении с фабрикой-производителем, Мингён никак не могла их запомнить. Если начальство отчитывало ее, она молча слушала с опущенной головой, а все свое недовольство почему-то выплескивала только на Сонми. «Я погуглила, и оказывается, сейчас можно использовать корейские термины. К чему нам устаревшие японские?», «Если изменить этот процесс, станет ведь гораздо проще. Почему никто об этом даже не думает?» В такие моменты Сонми притворялась, что согласна с Мингён. «Да, Мингён, конечно. Ты права, Мингён…», «Это просто вошло в привычку. Нельзя же взять и

переделать все в одночасье».

И каждый раз она заканчивала фразу одинаково: «Мингён, ну ты же умная. Сделай для остальных поблажку».

Когда доходило до дела, методы Мингён оказывались насквозь «дырявыми», но Сонми все равно пыталась понять ее. Знай она будущее наперед, ни за что бы не стала говорить: «Мингён, ты пойми, в нашей отрасли не все такие ученые, как ты, они многого не понимают. Если ты попытаешься все поменять, тебе же будет тяжелее». И уж точно она бы никогда, ни за что на свете, ни в коем случае не сказала: «Да, я тоже так думаю».

— Знаете что, Сонми. Я на вас немного обижена, — вдруг произнесла Мингён, скребя вилкой по дну пустой тарелки из-под салата.

Это было уже после того, как она подчистила и порцию Сонми, которая из-за трясущихся поджилок даже смотреть не могла на еду.

— О чем это ты вдруг?

— На семинаре менеджер Ким, эта нахалка… Так вот, она призналась, что в нашей компании вы быстрее всех отвечаете на сообщения. — (Сонми устало прикрыла глаза.) — А я впервые об этом слышала. Вы же всегда говорите, что страшно заняты. Что ухаживаете за больной мамой и

поэтому не можете сразу читать сообщения. Мне вы точно так сказали, я помню.

Некоторые люди выставляют все свои чувства и эмоции напоказ, чтобы защитить себя от внутреннего распада. Когда Сонми поняла, что Мингён относится как раз к таким, было уже слишком поздно. Каждое утро, когда она открывала глаза, ее уже ждало очередное сообщение от Мингён. Если Сонми, скрипя зубами, отправляла ей короткий ответ, в ту же секунду на экране появлялась галочка «Прочитано» и следом летело следующее сообщение. Кто в своем уме сидит утром перед работой, таращась в телефон в ожидании немедленного ответа от собеседника? Сонми не понимала этого. Эсэмэски Мингён так и сочились недовольством. Каждое утро без исключения она писала, как не хочет идти на работу и какой испытывает стресс, насколько тупы все их коллеги и что Сонми — единственный нормальный человек в их фирме. Других тем у Мингён не было.

> Реально, Сонми. Сегодня я точно всех поубиваю. Эти люди все равно не приносят никакой пользы обществу. Реально, я убью либо их, либо себя. Может, они одумаются после моей смерти?

В некоторых сообщениях она выражалась еще откровеннее.

> Сонми, вы же знаете, я не сужу людей по их образованию, честно. Но вы же понимаете меня. В этой компании такая тупая система, и никто этого даже не замечает. Кроме вас, ни у кого мозгов не хватает… Все-таки вы умнее всех в фирме.

Однообразные сообщения с нытьем сыпались каждый день, и Сонми начала уставать. Первые несколько дней она старалась отвечать мягко и утешать коллегу. Однако по утрам, пока Сонми сушила волосы феном, в голове крутилось лишь одно: «Я семь лет проработала с этими тупыми, по твоим словам, людьми, в этой тупой системе. Значит, я тоже, по-твоему, такая непроходимая идиотка?» Одна лишь мысль о Мингён вызывала у Сонми головную боль. И все же она была слишком хорошо воспитана, чтобы игнорировать чужие сообщения. Поэтому после долгих раздумий она тщательно отвечала даже на самые бессмысленные эсэмэски: «Желаю провести сегодняшний день без происшествий! Удачи!» Сонми боялась, что, пока печатает одно это предложение, Мингён может настрочить что-то еще, и

заранее набирала ответ в заметках, чтобы потом вставить его в мессенджер и сразу отправить.

Дома она хотя бы могла ее не видеть. В офисе было намного хуже. Если Сонми вставала, чтобы пойти в туалет, Мингён тут же следовала за ней по пятам, не умолкая ни на секунду. Темы ее излияний были разными, но содержание их всегда сводилось к одному — бесконечному перемыванию косточек окружающим.

При этом во время обеда она первая подавала коллегам столовые приборы, разливала воду по стаканчикам и с энтузиазмом кивала на любые слова. Свое истинное лицо Мингён показывала только Сонми.

— Честно говоря, я не из тех, кто постоянно заглядывает в телефон. Но есть ведь в фирме те, кто выше меня по должности. Приходится отвечать на их сообщения сразу. Я не только твои сообщения игнорирую, Мингён, правда, — начала оправдываться Сонми, глотнув воды.

Вовремя появился хозяин ресторана. Он поставил на стол блюдо со стейком. «Я больше не выдержу, — подумала Сонми, глядя на алый срез плоти мертвого животного. — Меня сейчас вырвет. Интересно, Мингён отпустит меня, если я скажу, что хочу уйти?»

Тем временем Мингён снова завела свою пластинку:

— Правда? А я уж было решила, что вы меня избегаете. У меня, кроме вас, никого нет, и если бы оказалось, что вы меня ненавидите, я бы… я бы умерла!

— Ну что ты такое говоришь, зачем тебе умирать? — Сонми от безысходности схватила вилку и подцепила кусочек стейка, истекающего кровавым соком.

Подставив левую ладонь снизу, чтобы сок не капнул на стол, она поднесла вилку ко рту Мингён со словами:

— Мингён, наша фирма очень маленькая и своеобразная. С твоими способностями ты всегда можешь найти местечко получше, ну зачем ты все время мучаешь себя такими мыслями? Наберешься опыта и перейдешь в другую компанию! Давай, попробуй стейк. На семинаре ведь и еды-то нормальной не было. В свинине одно только сало да хрящи! Ешь. Кто хорошо кушает, тот дольше живет.

— Вы хотите, чтобы я ушла из компании?

Мингён махнула рукой, словно отгоняя муху, и задела при этом запястье Сонми. Вилка со стуком упала на пол.

— Я попрошу принести новую, — пробормотала Сонми и потянулась к звонку на столе.

Ей хотелось хотя бы немного сократить время наедине с Мингён.

В этот момент та внезапно вскочила со стула, схватила Сонми за запястье и с силой скрутила его. Сонми ударилась грудью о стол, отчего вся рубашка оказалась измазана в масле и соусе, но девушка не обратила на это внимания. Она вскрикнула от боли. Вдруг напала икота, и при каждом спазме диафрагмы рвотная масса подкатывала к самому горлу и опускалась обратно.

Сонми испугалась. Мингён никогда не хватала ее так грубо. Хотя, может, это и к лучшему? С круглыми от удивления глазами Сонми приложила ладонь к солнечному сплетению. То, что сейчас произошло, явно было актом насилия. Это можно использовать в качестве веского повода, чтобы навсегда отдалиться от Мингён. На этой мысли икота прекратилась.

В этот раз Сонми непременно должна высказать все, что думает. Однако Мингён перехватила инициативу:

— Сонми. А я-то все время думаю, откуда кислятиной несет… А это от тебя.

Сонми, остолбенев, уставилась на Мингён и

даже не услышала выстрела.

Часть третья
Постановка проблемы

Получив от Мими приказ приступать к последнему этапу эксперимента, Пинсын выбежал в коридор и начал палить из пистолета куда попало. Однако все его внимание было сосредоточено на брауни, которые скоро пора будет вынимать из духовки, и мороженом, которое он только что достал из морозилки. Если бы ему дали еще десять минут, он бы успел подать десерты для полноценного завершения обеда… От обиды, что еду, приготовленную им с таким старанием, теперь придется выбросить, Пинсын еще раз пальнул в стену. От отдачи тело резко дернулось назад. Гости будут кричать, но благодаря уникальной конструкции ресторана друг друга они не услышат.

— *Интересно, что они думают. Вы не хотите*

спросить?

— Как они могут думать в такой момент? Им просто страшно.

— Не скажите. Я вот не раз думала о том, что хочу умереть. Мне всегда было любопытно, бывают ли у людей такие мысли. Ведь всем приходится улыбаться через силу, несмотря на то что жизнь тяжела, мучительна и несправедлива.

«Разве ты можешь умереть?» — Пинсын не стал задавать этот вопрос.

Он уже давно решил считать Мими таким же человеком, как и он сам. Встретив Мими, Пинсын впервые за свои тридцать пять лет почувствовал близость и теплоту. К тому же Мими изменила его жизнь, повернув ее на сто восемьдесят градусов. Иногда он даже недоумевал, откуда она так хорошо его знает.

Смерть. Пинсын часто представлял свою смерть. Удивителен был тот факт, что обычно вместо способа свести счеты с жизнью он в первую очередь воображал себе, кто будет рядом с ним в этот момент. Вряд ли это случится во время грандиозного примирения с бывшей девушкой, которая позвонит ему и захочет встретиться спустя долгие годы разлуки, — как минимум, потому, что бывшей девушки у него не было. Пинсын

выискивал разные способы и часто думал, что хочет умереть, однако реальных попыток ни разу не предпринимал. Эпоха достигаторства казалась Пинсыну огромным диким зверем, несущимся вперед, как стрела, а он сидел, крепко уцепившись за гриву времени с зажмуренными от страха глазами, и просто пытался не упасть.

Руки, которыми он судорожно хватался за жизнь, давно онемели и больше не слушались, а ими Пинсын нередко любил указывать на окружающих. Впрочем, нетрудно было притвориться, что упрек его обращен вовсе не к ним, а к себе — пальцы ведь согнуты. Да, я ругаю самого себя, такой вот самокритичный, наверняка твердил он себе. Ну или что-то в этом духе.

Прислонившись спиной к стене, Пинсын наблюдал за мелкими летающими мушками. Вокруг происходило немыслимое, но невозмутимым мушкам не было до этого никакого дела. Они были видны только глазу Пинсына, привыкшему к темноте коридора и странному устройству ресторана. Пинсын медленно поднял свободную левую руку и с силой придавил мушку на стене.

* * *

Неделю назад, в субботу, Пинсын проснулся и, резко подскочив, скатился с кровати. Спина, подмышки и шея были полностью мокрыми. На простыне остался влажный силуэт. Капли пота все еще стекали по затылку. Все потому, что перед сном он опять напился. Даже несмотря на невероятную усталость после целого дня в ресторане, проведенного на ногах, по приезде домой Пинсын не мог заснуть. В такие моменты Мими всегда предлагала ему крепкие напитки. Это уже вошло в привычку.

Четыре утра. Он заснул примерно в час ночи. Выпив, Пинсын часто просыпался ровно через три часа. Сегодня он видел бесконечно долгий сон. Что же в нем происходило? Пинсын схватил блокнот и карандаш, которые всегда держал у изголовья кровати. Нужно срочно все записать, пока не стерлось в памяти.

Но, торопливо долистав до пустой страницы, Пинсын вдруг замер. По двум причинам. Во-первых, он осознал, что делает записи, которых Мими не требовала. Пинсын задумчиво нажал на круглую мозоль, образовавшуюся на среднем пальце. Уже год он жил, подчиняясь приказам

Мими. Именно поэтому его одолели сомнения. Захочет ли Мими этого? Возможно, он просто привык подчиняться. Если бы не Мими, вполне вероятно, его вообще уже не было бы на этом свете. В голове мелькнула другая мысль: а стоит ли показывать ей столь ужасные стороны человеческой сущности? Прекрасной, доброй Мими? Пинсын покачал головой. Он не знал, в чем заключается ее цель, но ему хотелось, чтобы Мими видела только хорошие стороны людей и считала их, и в частности его, особенными.

Даже если это всего лишь лживая оболочка.

— Почему вы остановились? Разве вы не собирались что-то записать?

Пинсын потряс головой:

— Не хочу, чтобы ты знала, какая грязь творится.

Во-вторых, снилось ему всегда одно и то же. Подслушивая из кухни разговоры посетителей, Пинсын часто испытывал отвращение. Его злило, что он принадлежит к той же породе, что и эти неприятные экземпляры. Пинсын приходил в ярость при виде того, как они притворяются адекватными, как хорошо складываются их жизни. Даже влюбленные, шептавшие друг другу на ушко сладкие слова, на самом деле таили в душе

иные, скрытые мотивы.

Однако вот что было странно. Проснувшись, Пинсын сообразил, что детали сна от него уже ускользнули. Возможно, все потому, что он тратит слишком много времени и сил на то, чтобы резать и жарить плоть других живых существ. Насилие забывается благодаря другому насилию…

В сегодняшнем сне явно не было ничего нового. Все герои его ночных кошмаров злословили друг у друга за спиной, обманывали, предавали, дрались, а затем просили прощения и одновременно с этим наносили очередной удар.

Если смешать их вместе…

Все записи были сделаны его рукой, но Пинсын все равно не мог подобрать подходящих слов.

— В мире много и хороших людей тоже. Я же вижу, что ты замышляешь. Нет, я не дурак. Условия этого эксперимента несправедливы. Нельзя просто взять и поместить такую малую выборку в столь особые условия, а потом думать, что результаты говорят о человеческой природе в целом. Это ошибочные выводы. Никакие ученые в них не поверят. Я убежден. И кроме того, я не хочу, чтобы ты видела такие ужасные вещи, — возмутился Пинсын через два месяца после открытия ресторана.

Мими тихо ответила:

– Я прошу вас предоставлять информацию не потому, что мне так хочется. Я тоже должна отчитываться перед кое-кем. Ему нужны только интересные образцы. Чем уникальнее, тем лучше. Вы заблуждаетесь, Пинсын. Эта ситуация нисколько меня не радует. Я просто собираю данные. Моего нанимателя не интересует универсальное и понятное. Ему нужны отдельные эпизоды, а я всего лишь подчиняюсь приказам. Если я скажу, что не хочу больше этим заниматься, на мое место придет кто-то другой. Или инвестиции отзовут.

После этих слов совесть окончательно перестала мучить Пинсына. Он старательно записывал данные и зачастую оставлял на полях свои комментарии. Каждый раз, когда он сталкивался с тем, во что было сложно поверить, Пинсын думал: «Это особый случай. Необычный. Просто „интересный образец“. Не надо зацикливаться на нем».

Однако во снах, где все эти «образцы» смешивались в одну неприглядную картину, Пинсын не мог оставаться таким же беспристрастным.

По какой-то причине Мими выбрала именно его. Поначалу Пинсын не поверил ее заверениям

о том, что он был избран в силу своего так называемого благородства и чистоты. Однако, день за днем подслушивая из кухни разговоры гостей, он все больше убеждался в правоте нанимателя Мими.

Совершенно обычные люди — те, которые, держась за руки, вежливо улыбались Пинсыну, те, что, украдкой вынимая телефон, не могли скрыть волнения от предстоящего интересного опыта, — как только Пинсын исчезал из поля зрения, совершенно преображались. Они приходили в его ресторан не ради уникального экспириенса — эти людишки хотели явить собеседнику свое тошнотворное нутро втайне от окружающего мира.

Во сне Пинсын сталкивался лицом к лицу со всеми героями своих дневных записей, но после пробуждения чудесным образом все воспоминания об этих людях полностью стирались. Из какого измерения приходили эти сны? Пинсын, обливаясь потом, судорожно листал страницы блокнота. Четыре столика за один раз. Это был уже десятый по счету блокнот наблюдений за поведением гостей. В своих снах Пинсын превращался в каждого из них. Испытывал на собственной шкуре самые мерзкие эпизоды из

их разговоров. Он кричал от боли, поносил их грязными словами, брыкался из последних сил — но ничего не помогало. В некоторых снах он неожиданно для самого себя замечал, что держит в руках бейсбольную биту и размахивает ею во все стороны как сумасшедший. Реальность во снах развивалась по множеству сценариев.

Однажды Пинсын впервые почувствовал несправедливость происходящего. Отвратительные людишки, которые приходили в его ресторан выплеснуть свои мерзкие эмоции, не испытывали никаких мук совести, так почему он, простой наблюдатель, вынужден так мучиться изо дня в день? Кто должен принять меры, чтобы разорвать эту ужасную связь?

— *Мой наниматель просил передать, что он доволен. Благодаря вам он многое узнал о людях,* — сообщила Мими, когда Пинсын с трудом вырвал свое сознание из очередного сна. — *Пока он не получил ответа на самый главный вопрос, но мы с вами скоро найдем способ. Я верю в вас, Пинсын. Больше, чем в кого-либо в этом мире.*

— А в кого еще тебе верить? — огрызнулся Пинсын.

— *Только в вас,* — ответила Мими. — *Вы ведь человек высшего класса. Я выбрала вас не без*

причины. Как человеку высшего класса, вам пришлось вынести немало, и вы должны получить вознаграждение за свои страдания. Пинсын, вы мне крайне интересны. Я бы правда хотела встретиться с вами. По-настоящему, как обычные люди.

С тех пор из Пинсына все чаще вырывались обрывки ругательств. Это случалось помимо его воли. Пока он принимал душ, одевался или сортировал мусор. Однажды он излил угрожающий поток сквернословия на сотрудника городской газовой службы, который пришел проверить технику безопасности. Побледневший мужчина выскочил из ресторана, со страху не зашнуровав ботинки, и Пинсын снова выругался. На этот раз намеренно. От осознания того, что только что натворил.

Чон Пинсын был не таким человеком. Определенно не таким. Пинсын верил, что является жертвой, и никогда не сомневался в этом. Если он в чем-то и ошибался, так в том, что имел глупость довериться окружающим. Он должен был верить, что мир, полный зла, так и норовит сбить его с ног: только так он мог подпитываться гневом, чтобы выжить. Он не странный. Просто мир — странное место. Единственной, кто видел

его насквозь, кто понимал, была Мими. Она так и говорила: «Вы человек высшего класса!»

А теперь он заинтересовал Мими. Но чем? Пинсын не мог задать ей вопрос напрямую и страдал в одиночку, бормоча под нос ругательства. Сотни, нет, тысячи раз он сожалел о том, что сразу не переспросил, что она имела в виду. Однако каждый раз, когда он осторожно пытался направить диалог в нужно русло, Мими словно нарочно меняла тему.

После закрытия ресторана Пинсын, зажав в руке рукоятку ножа, метался по кухне, как медведь в клетке зоопарка. Он без конца перебирал варианты того, что могло заинтересовать в нем Мими.

Первое — его прошлое. Здесь у него было на что пожаловаться. До сих пор Пинсын знавал только боль. С самого детства у него не было друзей, а те немногие, которым он рискнул довериться, непременно предавали его, причиняя ужасные страдания. Родители? Можно сказать, что их и не было. Говорят, в мире животных работает естественный отбор. Пинсын, по его мнению, смог выжить только благодаря тому, что родился в мире людей. Хотя, возможно, он пришел к этой мысли, потому что целыми днями

смотрел документалки на «Нэшнл джиографик», запершись в темной комнатушке. Так или иначе, чертовы людишки не смогли убить его и вместо этого решили мучить всю жизнь. Не зря же в дикой природе родители убивают собственных детенышей, самки съедают самцов и никто не объединяется в союз даже в рамках одного вида.

Если не это, тогда Мими могло заинтересовать, как изменились жизнь и чувства Пинсына после открытия ресторана. Но почему? Пинсын надолго погрузился в размышления, но напрашивался только один ответ: что-то в нем просто-напросто зацепило Мими. Но что? Пинсыну хотелось найти какого-нибудь всезнающего старца, чтобы тот дал ему мудрый совет. Проведя всю жизнь в бедности, Пинсын думал, что все его проблемы решатся с появлением денег. Однако, выиграв в лотерею, он, пусть и перекроил лицо, купил квартиру, открыл ресторан и наблюдал, как каждый месяц сумма на банковском счету растет, все равно чувствовал себя несчастным.

Он не понимал причины. Если бы ему было одиноко, он мог бы пойти и с кем-нибудь познакомиться. Никто не собирался отбирать у него выигрыш в лотерею. Сейчас у него не было ни единого повода для печали. Да, он подслушивает

разговоры гостей в ресторане. Но разве это такой уж великий грех?

Так почему каждую ночь он не может найти себе покоя оттого, что завтра снова должен будет этим заняться? В те мгновения, когда голос Мими не звучал в его голове, Пинсын часто думал о том, как все закончится. Тогда ему хотелось схватить Мими, этот загадочный голос из неизвестности, который спутал все его мысли, и закричать: «Да что же я творю сейчас? Ведь все это только потому, что я люблю тебя и хочу твоей любви…»

* * *

Имя: Чон Пинсын. Возраст: тридцать пять лет. Пол: мужской. Рос с отцом, который любил махать кулаками, и матерью, вымещавшей гнев и горечь от побоев мужа на сыне. Еще в детстве у него появился нервный тик, проявляющийся в том, что он часто неосознанно вертит головой до хруста в шее и хмурит переносицу. Рядом с другими людьми в основном молчит, обладает пассивным характером, не любит выделяться. Без чужой указки не знает, как себя вести, поэтому в школе и в армии пытался следовать за самыми сильными, но те его избегали. Лучше бы они над ним издевались, но окружающие чаще всего

считали его «зловещим». Непонятно, что именно такого «зловещего» в нем было, но что-то в Пинсыне внушало людям страх. По этой причине ему не удавалось найти не то что приличную работу, но даже захудалую шабашку, разве что иногда его нанимали на фабрику или в сортировочный центр. Летом все его тело покрывалось сыпью, от которой потом оставались шрамы, а зимой кожа трескалась от холода. Временами встречались люди, которые первыми проявляли к нему дружелюбие. Одним из таких был добродушный менеджер в сортировочном центре, уволившийся вскоре после того, как они с Пинсыном подружились. Когда коллега попросил одолжить ему пять миллионов вон на свадьбу, Пинсын только обрадовался, что тот обратился к нему. Деньги никто не вернул, но больнее всего было оттого, что на свадьбу оказались приглашены все работники сортировочного центра, кроме Пинсына.

Пинсын не мог понять этого, как ни старался. Почему любовь одних принимают с радостью, а проявления чувств других стараются избегать?

Открывая ресторан, Пинсын надеялся, что сможет найти решение этой загадки. Концепция заведения была идеальной. Разговоры посетителей начинались медленно, но постепенно

разгонялись, как мяч, катящийся со склона холма. Ко времени подачи десерта они уже достигали самого дна. Если точно вычислить изменение скорости и угол наклона, можно с легкостью выяснить, что именно придает ускорение силе тяжести, какова величина силы, которая оказывает влияние на концентрацию лжи и правды в общении людей, — конечно, если предположить, что эта сила заложена в нас природой. Ресторан «У Винсента» был лабораторией для проведения такого рода опытов.

И почему он думал, что его лаборатория будет работать вечно? Однажды Мими спросила:

— *Как мы поступим с лабораторией после окончания эксперимента? А с подопытными животными? Мы уже почти получили все, что нужно.*

У Пинсына упало сердце.

— Уже?

— *Вы расстроены?*

Пинсын молчал.

— *Возможно, мне не придется покидать вас,* — со смешком произнесла Мими.

Пинсыну пришлось собрать остатки гордости, чтобы не спросить, что он должен для этого сделать.

— Благодаря вашей помощи нам удалось выяснить многое, однако пока мы даже не попытались узнать то, что нас больше всего интересует: нужно было, чтобы лаборатория продолжала работать.

Пинсын не хотел терять Мими. Но сейчас у него возникло ощущение, что скорое расставание неизбежно.

— Остался последний эксперимент. После этого вы будете свободны. Сможете жить как вашей душе угодно. Вам даже больше не придется работать.

— Ты хочешь сказать, что закроешь ресторан?

— Разве вы не этого хотели? Вам ведь было так тяжело выносить всех этих людей. Оставшиеся деньги можете считать своим выходным пособием.

«Плевать на деньги. Я просто хочу быть с тобой», — подумал Пинсын. Но он уже давно догадывался, что за любую удачу приходится платить. Осознав наконец, что все это время его использовали, Пинсын горько усмехнулся:

— Чего он хочет? Спалить это место?

Мими ответила без тени улыбки:

— В таком случае будет затруднительно наблюдать за ходом последнего эксперимента. И

это опасно. Мы не можем подвергнуть вас опасности, Пинсын, ведь вы особенный человек.

С некоторых пор от лести Мими в груди Пинсына разгорался жар. Она поколебала его уверенность в том, что эта история непременно должна закончиться трагедией, что все вокруг желают ему погибели.

— Я сделаю все, что ты скажешь. Только… — Пинсын вложил в последнюю фразу всю свою искренность: — Только не покидай меня.

Часть четвертая
Ход эксперимента

Столик № 1

Сучхан всхлипнул. Грудь Эчжин, прижимавшей его к себе, насквозь промокла от слез, но Сучхану не было стыдно. Эчжин ведь сама призналась, что она жалкая женщина, родившая детей от ненавистного мужа. Наверное, она сумела сохранить спокойствие в подобной ситуации да еще и крепко обняла двумя руками разрыдавшегося Сучхана только потому, что терпеть не может своего мужа. Как самец паука, который красуется перед самкой, несмотря на риск быть съеденным… Осознав, что представляет себе сцену брачных игр пауков, Сучхан резко дернулся и тряхнул головой. Нет, она скорее самка, бесстрашно поджидающая самца посреди степи, где бродят хищные животные.

— Мы сможем выбраться отсюда вместе, — прошептала Эчжин, похлопывая Сучхана по спине. — Знаете, сколько в моей жизни было моментов, когда я думала, что мне конец, что теперь-то уж я точно пропала? С тех пор как узнала, что беременна, — сотни раз. И все же я как-то выжила и все преодолела. В этот раз будет так же. Главное, держать себя в руках, господин

директор.

Сучхан почувствовал удовлетворение, заметив, что у Эчжин тоже трясутся руки: не только ему одному страшно. Разве не лучше вести себя честно? Какая выгода в том, чтобы притворяться сильным? Утешаясь таким образом, Сучхан снова разрыдался. Размазывая по лицу слезы, он представлял, как отреагирует жена на новость о его смерти. Будет жалеть и скучать по нему или обрадуется, словно избавившись от больного зуба? А как… как она отреагирует, узнав, что последние мгновения жизни муж провел с другой женщиной?

Внезапно Сучхан вздрогнул. С какой стати он должен умирать? Ему еще так много надо сделать. Нет, это слишком. И тем более он не мог умереть раньше предательницы-жены… Кому от этого будет лучше?

Сучхан хотел было открыть рот, но Эчжин, которая до этого без умолку что-то бормотала, вдруг приложила к его губам ладонь.

— Тихо! Он что-то говорит!

Хаотичные звуки выстрелов из коридора прекратились. Вместо них послышался мужской голос. Он звучал сухо, как у робота, и громко, будто говорили в рупор. Однако речь казалась

довольно учтивой, в ней даже сквозил легкий испуг.

— Я так понимаю, смельчаков, которые хотят выглянуть в коридор, нет?

Снова выстрел.

— У меня есть плохая и хорошая новость… С какой начать?

«У кого он спрашивает? Сколько еще здесь людей?» — удивился Сучхан. Голос замолк, словно и в самом деле ожидал ответа.

— Тогда начнем с хорошей новости. Мне не велели расстрелять всех вас…

Осознав, что ладонь Эчжин все еще лежит на его губах, Сучхан тихо прошептал: «Кто не велел? Ему кто-то приказывает?» Эчжин нахмурилась и выдохнула. Из ее пересохшего рта донесся гнилой запах, и Сучхану пришлось задержать дыхание. От жены он ни разу не чувствовал такого запаха.

— Плохая новость в том, что я не могу отпустить всех. Одна половина уйдет живыми, а другая…

«Убьет? Неужели?» — подумал Сучхан. Судя по голосу, это мужчина лет тридцати-сорока. Сучхан ему в отцы годится. Возможно, он не станет убивать старика… Хоть бы за другими столиками не было его ровесников. В подобные рестораны обычно ходят молодые женщины и парочки. Сла-

ва богу… Сучхан наполовину уверился в том, что такие психи обычно нацеливаются на женщин.

Однако голос одним махом разрушил все его надежды.

— Я могу отпустить только одного человека с каждого столика. Второй человек… он… прошу прощения, но он не сможет уйти. — Голос неловко кашлянул. — Кто останется, а кто уйдет, кхм… ну, в общем, решать вам самим, да. Даю десять минут. Время… ах да. У вас же нет телефонов, прошу прощения. Ну уж как-нибудь сориентируетесь. У вас ровно десять минут… Когда через десять минут прозвучит сирена, прошу тех, кто останется жить, выйти в коридор… — Голос вдруг хохотнул, будто вспомнил очень веселую шутку. — Но если вдруг решите высунуться в коридор до того, как прозвучит сирена…

Раздался еще один выстрел. Неужели за пределами ресторана никто не слышит этих звуков? По затылку Сучхана покатились крупные капли пота. Кондиционер не работал.

— Мне разрешили в них стрелять. Так что давайте… обсудите все между собой. А я пока подожду… Иногда буду напоминать вам, сколько минут осталось.

Раздался короткий визг сирены, и тут же во-

царилась полная тишина. Ладонь Эчжин все еще лежала на губах Сучхана. Он накрыл ее руку своей. Эчжин поежилась и прошептала:

— Боже, что же это… Что нам делать?..

Сучхан оторвал ладонь Эчжин от своего лица и так и замер, молча держа ее руку. Время шло, и при каждом вдохе и выдохе мужчина сходил с ума от волнения.

— Нам тоже стоит начать обсуждение, — наконец выговорил он.

Эчжин содрогнулась всем телом.

— Но ведь этот человек предлагает нам спасти себя, оставив своего спутника умирать. Я не могу даже думать о таком.

— У нас всего десять минут. Иного способа нет. Для начала давайте хотя бы притворимся, что играем по его правилам.

Эчжин сглотнула. Сучхан с силой в голосе продолжил:

— Сначала надо сделать вид, что мы подчиняемся, и дождаться шанса на спасение. Потому давайте пока прикинемся, что выбираем, кому стоит остаться в живых.

Сучхан был уверен, что у Эчжин нет особых мыслей по этому поводу. Однако, к его изумлению, она мгновенно ответила:

— Вы же упоминали, что похоронили жену, господин директор? — Эчжин сильнее сжала его ладонь. — И детей у вас нет?

Не может быть. Сучхан сильнее сжал руку спутницы. Истинный смысл ее слов был совершенно ясен. Она хочет, чтобы Сучхан пожертвовал собой. Столь резкие перемены не свойственны характеру Эчжин, каким он его знал. Она должна была как минимум притвориться, что уступает. Последовать своим моральным принципам. С какой вообще стати она считает, что больше заслуживает права жить?

— У меня много дел, — шепотом начала объяснять Эчжин. Сучхан не понимал, почему она так спокойна. Почему ее голос совсем не дрожит? — Мой старший сын с женой оба работают, а я присматриваю за их ребенком, так что без меня им никак. А у младшего сватья с деменцией в доме престарелых. Я каждые выходные езжу ухаживать за ней. Без меня они не проживут…

— А я, значит, если умру, и грустить будет некому? Вы это хотите сказать?

Сучхану наконец удалось высвободить руку из хватки Эчжин. Та продолжала и глазом не моргнув:

— Ну что вы, я не это имела в виду. Просто

размышляю вслух. Конечно, вашей покойной супруге будет грустно. Но давайте честно, у меня-то хотя бы все еще живы.

Прозвучало это так, будто Сучхану легче попрощаться с жизнью, чем ей.

В его голове одновременно промелькнули кадры с нескольких кинопленок. На первой — обсуждение творчества студентов на занятии. «Я, конечно, понимаю, что так задумано автором, но это все же слишком однобоко. В повествовании нет ни одного мужского персонажа, а женщины все как одна не замужем и путаются с разными мужчинами…» — каждый раз, когда Сучхан отпускал подобные комментарии, одногруппницы, которые годились ему в дочери, смотрели на него презрительно, как на кусок дерьма. Эчжин тем временем не скупилась на похвалы, пытаясь снискать его благосклонность. Он и тогда видел ее насквозь.

На второй пленке — жена. Прикрываясь тем, что ее семья была богаче, она с демонстративным пренебрежением относилась к родственникам мужа: не ездила к ним накрывать на стол в традиционных поминальных обрядах, как положено любой хорошей невестке, ни разу не позвонила поинтересоваться здоровьем, — да что уж там,

чуть было не довела его родителей до обморока, беспардонно заявив, что не планирует обзаводиться детьми! Ни разу не попыталась защитить Сучхана, когда ее отец глумился над ним: «Одно дело, когда баба учителем работает, но мужик? А кто деньги в семью будет приносить?» Как бы Сучхан ни брыкался, каждые выходные она тащила его к своим родителям. За карманными деньгами, видите ли. Мало того, что получала эти никчемные деньжонки, выставляя напоказ неспособность мужа зарабатывать, так еще и изменяла ему! Ладно бы, если бы и дальше так жили, но нет. Он слишком долго сносил ее дерзкие выходки. Поэтому Сучхан непременно должен выжить и показать жене, где раки зимуют. Что, думаешь, только ты можешь изменять? Как бы не так, смотри, я тоже могу!

— Зачем мы говорим о смерти? Разве мы не должны думать о том, как выжить нам обоим?

От слов Сучхана Эчжин растерялась и поджала хвост.

— Я просто… Вы же сказали, что мы должны притвориться, вот я и…

— Это уж слишком! Даже если все вокруг будут стараться выкарабкаться ценой жизни другого, уж мы-то с вами не должны так поступать! Разве

я не прав, Эчжин?

— Я не это имела в виду, господин директор…

— Нет, это ниже нашего достоинства. Все-таки мы с вами люди пера. Одумайтесь!

— Простите меня, я ошиблась. Конечно, мы должны найти способ выжить вместе. Прошу вас, забудьте все, что я говорила до этого.

После этой тирады Сучхан глубоко вдохнул, чтобы восстановить сбившееся дыхание. Он победил. Мужчина ощутил в душе смутное чувство превосходства оттого, что сумел убедить Эчжин своей непререкаемой логикой и призывом к человечности. Тоже мне, писательница нашлась. Сучхан покачал головой. Да, до сих пор Эчжин действительно относилась к нему со всей душой. Однако до Сучхана ей далеко. Во всех аспектах.

В это мгновение Сучхан вдруг ощутил сильный дискомфорт. Почему ему не радостно? Ведь он только что так удачно прищучил Эчжин. Всю свою жизнь он находил огромное удовольствие в том, чтобы соперничать с другими и выигрывать. Работа учителя, позволяющая помыкать учениками, была его призванием. Он быстро получил повышение и первым среди своих ровесников стал директором школы. В течение сорока лет на педагогическом поприще он добивался одного

успеха за другим, не зная неудач. Однако после выхода на пенсию его жизнь резко изменилась. Он катился по наклонной, получая удары то от жены, то от одногруппников по магистратуре. Одержав верх над Эчжин, он впервые за очень долгое время ощутил вкус победы.

И все же настроение у Сучхана было крайне поганым.

— Господин директор, что нам делать, чтобы выбраться отсюда вдвоем? — Эчжин снова превратилась в невинную овечку. — Наверное, для начала нужно выяснить, что задумал этот человек. Господин директор, вы должны знать, как нам поступить. Вы ведь стольких выучили за свою жизнь. Вам должно быть известно, как нам его убедить. — И вдруг добавила: — Господин директор, а в вашем рассказе ведь было что-то похожее?

Если точнее, то это было не в самом рассказе, а во время его обсуждения, когда Сучхан сидел, обхватив голову руками, и изо всех сил пытался укрыться от снарядов, летевших в него со всех сторон. Историю его любви с женой все присутствующие встретили жестокой критикой. На оскорбительный вопрос: «С какой это стати красивая старшеклассница из хорошей семьи

начала бы встречаться с бедным, ничем не примечательным учителем?» — рассвирепевший Сучхан завопил в ответ: «Да потому что ей больно! Рана у нее в душе! А главный герой разглядел ее и утешил. Каждый может испытать подобное! Вы просто не понимаете, потому что вам не хватает опыта!»

Эчжин говорила как раз о той дискуссии:

— Меня тогда глубоко впечатлило то, как главный герой своей чистой, искренней любовью ведет за собой девочку, которая сбилась с пути, потому что ей причинили боль. Это ведь точь-в-точь как в вашей истории, господин директор.

Молча внимавший ее словам Сучхан осознал, что не упоминал об этом на занятии. Он несколько раз прослушивал запись с того дня, сгорая от гнева, так что в этом был абсолютно уверен. Эчжин явно притворялась глупенькой, чтобы повернуть ситуацию в свою пользу.

— Может, вы попробуете его убедить? С вашей чистой душой. Как в том рассказе! Эта история тоже может стать отличным произведением. У вас ведь так хорошо получается писать эмоциональные сцены…

В рассказе Сучхана главная героиня громко рыдала, стоя на краю крыши, из-за того, что за-

беременела незнамо от кого. (Настоящая жена Сучхана школьницей беременна не была, иначе он бы на ней не женился.) *«Ее облик был нежным, исполненным материнства — как у женщины, что, широко раскрыв ноги и без остатка обнажив свою плоть перед лицом разума, в итоге рождает на этот свет еще одну крошечную пылинку, обреченную на вечную печаль…»* Сучхан слишком глубоко погрузился в написанную им самим историю. И вот Сучхан, то есть главный герой, прикоснулся ладонью к *«ее прозрачной белоснежной щеке, по которой стекали слезы безупречной невинности»,* убедил ее отойти от края, и девушка уступила, восхищенная уверенной осанкой и непреклонным взглядом молодого учителя…

Эчжин опять вклинилась в его мысли:

— Судя по голосу, это молодой человек. Подумайте о нем как о своем ученике, господин директор. Что, если вы попробуете его уговорить…

— И как я его должен сюда вызвать? — резко огрызнулся Сучхан. — Он же ясно сказал, что выстрелит в любого, кто высунется в коридор. Вы же не предлагаете мне всерьез пойти туда на свою погибель?

— А что, если выйти туда с поднятыми рука-

ми?

— Если бы я предложил вам так поступить, вы бы согласились?

Эчжин ничего не ответила. Сучхан тяжело вздохнул. Ему было не по душе, что Эчжин осмелилась что-то требовать от него. Разве она не влюблена в него? Не поэтому ли она пригласила его пообедать вместе? Так-то он оказался в этой чертовой ситуации по ее вине. Сучхан хлопнул себя по лбу. А ведь точно! Во всем виновата Эчжин.

— Послушайте, Эчжин… — Сучхан был уверен, что снова нащупал нить логики, которая поможет ему убедить спутницу. — Вы ведь замечательная мать. Вы с таким теплом читаете и хвалите рассказы наших юных коллег, потому что у вас материнское сердце. Без вас все мы уже давно бы с ума посходили. Но благодаря вашей эмоциональной поддержке…

Точно, эмоциональная поддержка! Сучхан принялся настаивать дальше:

— Так вот. Что, если вы выйдете туда со всей вашей материнской любовью и великодушием, будто утешаете плачущего ребенка? Вы отлично справитесь. Я ручаюсь.

Эчжин пронзила его взглядом. Он снова победил! Сучхан довольно усмехнулся. Жаль только,

никто не видит его триумфа. Получится ли у него полностью воспроизвести этот монолог, когда он будет рассказывать о случившемся в будущем? Сучхан задумался о том, кого встретит, выбравшись отсюда. Они не знают Эчжин, так что следует первым делом описать ее. Так, посмотрим… Как бы ему начать…

Взгляд Сучхана расфокусировался, и он погрузился в свои мысли, совершенно не замечая, как Эчжин пробормотала: «Ну ладно!» — и потянулась к кнопке вызова на столе.

Столик № 2

После первого выстрела Чоннан крепко схватила Ёнчжу за плечи и выпучила глаза.

— Что это было? — прошептала она.

— Это не выстрелы? — спросила Ёнчжу.

Не выразив ни согласия, ни отрицания, Чоннан, напряженно вытянув шею, лишь склонилась ближе к Ёнчжу и медленно отчеканила каждое слово:

— Ты! Что. Ты. Сейчас. Мне. Сказала?

Только теперь Ёнчжу осознала, что предыдущий вопрос матери был не о выстреле. Девушка дрожала всем телом не из-за страха быть убитой, а из-за взгляда Чоннан. Она прекрасно знала это выражение лица, невыносимо пугающее, которое в последние годы видела не раз, поскольку растеряла всех друзей и не бывала нигде, кроме дома и работы. Только такой образ жизни дочери устраивал Чоннан.

— Я выхожу замуж.

— Хочешь, чтобы я поверила, будто нашелся человек, готовый жениться на тебе? Бред. Каждый раз, когда ты открываешь свой рот, из него вылетает одно вранье. Каждый раз.

— Я не вру.

— Откуда у тебя время встречаться с мужчинами? Если не врешь, то приведи его немедленно. Чтобы я увидела его своими глазами.

Ёнчжу с трудом придала своему голосу решимости:

— Не могу. Он за границей. Мы решили, что я уволюсь с работы и тоже поеду к нему.

— Вот видишь. Ты все врешь. Ты…

— Я не вру! — одновременно с криком Ёнчжу раздался визг сирены.

Механический мужской голос начал говорить странные вещи. Мать и дочь внимали ему, разинув рот от удивления. Ёнчжу не была до конца уверена в том, что мать понимает, о чем идет речь. Все выглядело нереальным. Казалось, если хоть что-то пойдет не по плану, весь мир рухнет и она снова станет заточенной в темнице испуганной маленькой девочкой, которая даже помыслить не сможет о новой попытке побега.

— Он сказал, что мы должны выбрать одну из нас, ты слышала?

Чоннан, кивнув, выплюнула в ответ:

— Я не дура. Как бы тебе этого ни хотелось.

От этих слов Ёнчжу снова охватило то же ощущение, которое она испытывала уже тысячи,

сотни тысяч раз — сердце ушло в пятки, дыхание перехватило, виски будто сдавило железным обручем. Почему эта женщина постоянно принимает за истину то, о чем Ёнчжу даже не говорила, чего у нее даже в мыслях не было? Она ведь всего лишь спросила, слышала ли мать…

— Это не важно. Я же велела тебе, немедленно приведи его сюда! Не поверю, пока не увижу своими глазами.

— Как я его приведу? У нас даже телефонов нет. Мы обе не можем никому позвонить!

Вдруг в голове мелькнула мысль. У Чоннан ведь есть второй телефон!

— Мам! Телефон!

— Что?

— У тебя же есть телефон. Скорее звони в полицию! Скорей!

— Ты это придумала, потому что хочешь бросить меня. Избавиться от меня и жить одной. Замуж? Не смеши. Думаешь, я тебя не знаю?

— Ты не слышала меня? Скорее звони в полицию!

— И что будет, если нас спасут? Ты меня не бросишь? Да ты же придумала эти сказки про свадьбу, лишь бы избавиться от меня!

— Нет, мама, ты же меня знаешь. Ты знаешь,

что я не умею тебе врать. У меня правда появился парень, честно.

— Черта с два! — прогремела Чоннан, и Ёнчжу инстинктивно прикрыла голову обеими руками.

В любой момент на нее мог обрушиться тяжелый кулак. Это еще ничего, если кулак: в порыве гнева Чоннан размахивала всем, что попадалось ей под руку. Именно поэтому Ёнчжу заранее позаботилась о том, чтобы убрали нож. Хотя, конечно, все еще оставались вилки, или Чоннан могла разбить тарелку… Заметив, что взгляд матери скользнул по столу, Ёнчжу стремительно перехватила инициативу. Все еще сжимая в руке вилку, она резко подскочила и одним движением смахнула со стола тарелки и приборы. Чоннан, которая сидела ближе к стене, не успела и шелохнуться, как все опасные предметы оказались вне зоны ее досягаемости. Услышав грохот, пугающий незнакомец дважды пальнул из пистолета.

Почувствовав прикосновение влажных пальцев на шее, Ёнчжу повернулась к матери. Чоннан мягко гладила ее по затылку.

— Куда ты собралась? Ты должна всегда быть рядом с мамой. Я ведь так тебя люблю, доченька. Без тебя мне не жить. Без моей малышки я просто умру. Если ты меня бросишь, то все равно что

убьешь мать.

Снова знакомые слова, те самые, что Ёнчжу слышала уже почти тридцать лет. Девушка вымученно улыбнулась и по очереди схватила Чоннан за оба запястья.

— Я не бросаю тебя, мам. Я просто выхожу замуж. Разве ты не хочешь, чтобы твоя дочь была замужем? Все люди женятся. Говорят, замужние женщины еще сильнее сближаются со своими матерями. У нас тоже так будет. Я смогу лучше понять тебя, мам. К тому же это недалеко, в Японии. Всего час на самолете. Ты сможешь часто навещать, да что там, можешь вообще жить с нами. Да, точно. Так что не надо расстраиваться…

Чувствуя, как мышцы Чоннан наливаются силой, Ёнчжу вспоминала начало своих первых отношений. Мать контролировала каждый ее шаг. По выходным Ёнчжу могла покидать дом только в ее сопровождении. Вместе они ходили в библиотеку, на почту и даже в ближайший магазин за продуктами. Завести отношения Ёнчжу удалось только благодаря помощи жадной до сплетен заместительницы начальницы центра, которая пожалела девушку, ни разу в жизни не встречавшуюся с парнем, и устроила для нее свидание вслепую под предлогом корпоратива.

Парочке удалось переспать в мотеле — Ёнчжу выключила телефон, наврав матери, что едет на семинар по работе. И в этот раз начальница снова прикрыла ее, но не бескорыстно: она трепала языком направо и налево, распространяясь о личной жизни Ёнчжу и ее половых связях. Даже зная об этом, девушка тем не менее решила, что отношения все равно стоят того. И все же по пути в мотель держала голову низко опущенной, боясь, что кто-то ее узнает. Чоннан раскинула свои сети по всему Намуну, у нее повсюду были глаза и уши.

Несмотря на то что их отношения требовали таких сложных ухищрений, любимый не бросал Ёнчжу. Она не осмеливалась спросить у него почему. Ёнчжу он казался подарком, посланным небесами. Ни внешностью, ни характером парень не соответствовал ее вкусу, и все же он был лучше Чоннан. Хороший, наивный, он делал все, что бы Ёнчжу ни попросила.

А теперь он еще и получил назначение в Японию и мог помочь ей навсегда разорвать связи с Чоннан…

Ёнчжу понимала, что многие ее осудят. Неужели так сложно сбежать от матери? Она могла бы просто уехать из Намуна, но вместо этого выбрала

выйти замуж. Люди определенно будут шептаться о том, какая она жалкая. Сама Ёнчжу считала, что похожа на собаку, которая с рождения сидела на цепи во дворе. Псина, которая не убегает, даже если калитка открыта. Ни разу в жизни не ступавшая лапами в большой, страшный мир, такая собака ни за что не бросит свой двор, пока ее не вынесут на руках или не прогонят, стегая по бокам деревянной палкой.

Чоннан с легкостью высвободила запястья из тоненьких рук Ёнчжу. Мать была настолько сильной и мощной, что ее часто принимали за бывшую спортсменку.

— Я стала такой сильной, пока растила тебя. Вечно таскала тебя на руках. Все матери такие. Тебе не понять, ты бы никогда так не смогла. Думаешь, это каждому под силу? Ты вон какая щуплая, куда тебе. Мать так о тебе заботилась, последнее отдавала, а ты все равно дохлячкой выросла. Как ты выносишь и родишь ребенка? Ты не сможешь…

— Осталось пять минут! — выкрикнул голос, сопроводив свои слова очередным выстрелом.

Чоннан непроизвольно дернула плечами. Ёнчжу держала в памяти сказанное незнакомцем. Интересно, запомнила ли Чоннан?

— Мам, ты же слышала, что он говорил? Он велел нам выбрать, кто из нас должен выжить. И всего за десять минут. Уже прошла половина времени.

Ёнчжу не было страшно. Если кто ее и пугал, так это мать, а не таинственный психопат. Ее руки дрожали не от страха, а от ярости. В груди крепла обида на весь мир. Ей стольких трудов стоило спланировать побег. Как этот человек смеет вставать у нее на пути? Если бог существует, то неужели этот чертов бог желает, чтобы она была несчастна до самого конца? Она не может позволить этому случиться. Ёнчжу хотела жить без Чоннан, наслаждаться свободой, вкус которой ей еще ни разу не довелось испробовать. Хотя бы один день. Она во что бы то ни стало должна выбраться отсюда одна. Осознав, что это означает смерть матери, девушка до боли закусила губу. Ее удивило, что даже эта мысль не поколебала ее решимости. Честное слово, раньше подобное ни разу не приходило ей в голову, но сейчас все сходилось идеально, как в тщательно продуманном сценарии.

— Я знаю, о чем ты думаешь. Я же твоя мать. Матери все понимают без слов. Я тебя носила в своем животе, я все о тебе знаю. Так что по-твоему

не бывать. Мы или выживем, или умрем вместе. Что ты собираешься делать без меня? Да ты и дня не проживешь одна. Ты еще совсем ребенок, ничего не можешь без меня…

— Это я ничего не могу? Да у меня и работа есть, и жених! Я замуж выхожу! Ты знаешь все, о чем я думаю? Да как бы не так! Ты даже не в курсе, что у меня есть парень и я собираюсь замуж. Я… — Ёнчжу крепко сжала кулаки. — Да знаешь, сколько раз я спала с ним прямо у тебя под носом?

Что-то мелькнуло перед глазами Ёнчжу. Не успела она опомниться, как кулак прилетел снова. На этот раз нос взорвался болью, из него потекла кровь. «Ну конечно, — подумала Ёнчжу, — конечно, ты не ударишь по щеке. Это слишком слабо. Слишком очевидно».

— Умрем вместе, — хладнокровно заявила Чоннан, вытирая салфеткой кровь с костяшек, — зачем жить одной из нас, лучше умереть обеим. После такого предательства тебя даже человеком назвать нельзя. Ты все равно не выживешь без меня. Как дочь может так поступать с родной матерью? Ты не имеешь права жить.

— Когда это я хотела тебя предать? Я же просто жить хочу, жить! Я не говорила, что хочу выжить одна. Когда я такое говорила? — Ёнчжу ухватила

ладони матери, которые были в два раза больше ее рук, и взмолилась: — Я же говорю, что мы обе должны выжить, мам! Давай вместе выберемся отсюда, спасемся!

— Ты не сможешь жить без меня, поняла?

«Как раз наоборот, — мысленно ответила Ёнчжу. — Это ты не сможешь жить без меня. Патологическая собственница с жаждой контроля. Безумный диктатор, о которых пишут в учебниках по истории». Не сумев найти объект, который утолил бы ее желания, всю свою жажду власти она направила на единственную дочь. Именно такой была Чоннан.

Ёнчжу цепко схватила мать за руку и спросила, глядя в сторону коридора:

— Мама, ты же слышала? Что он сказал? Я не все разобрала. Что он там говорил?

— Я говорю, ты не сможешь жить без меня. Ты что, не слушаешь?

Ёнчжу поняла, что мать, которая всю жизнь положила на то, чтобы контролировать дочь, не сможет самостоятельно выбраться из этой ситуации. Она должна сама найти способ спастись.

— Мам, думаешь, у нас получится как-то его уговорить, чтобы он отпустил нас обеих? Пожалел несчастных мать с дочерью, а?

Чоннан, которая так самоуверенно заявляла, что знает все о своей дочери, должна была распознать в ее голосе *лживые* нотки. Но на этот раз ограниченность и привычка интерпретировать все по-своему не позволили ей определить фальшь.

— Уговорить? Так он палит пистолетом как умалишенный. Ты, вообще, слышишь меня? Мне страшно. Маме очень страшно.

Ёнчжу сглотнула. Я смогу, я справлюсь. Я отомщу за все. Это не я убью маму.

— Давай поднимем руки и выйдем в коридор, мам. И попробуем его убедить. Если будет страшно, просто поползем по полу. Выйдем вместе. Не важно, жить или умирать, главное — мы вместе! Давай попробуем! Я тоже не могу без тебя, мамочка.

— Ты правда останешься со мной?

— Конечно, мама! Я от тебя никуда не денусь. Я ошибалась. Я всегда буду рядом с тобой.

Произнося это вслух, мысленно Ёнчжу изо всех сил пыталась придумать, как выставить Чоннан в коридор одну. Она ни разу не вела переговоры, ведь сама всю свою жизнь подчинялась шантажу и угрозам, поэтому и сейчас на ум ей пришли только такие увещевания:

— Спаси меня, мамочка, умоляю! Только ты можешь это сделать. Я тоже пойду с тобой. Давай попробуем вместе. Будем умолять его отпустить нас… Разве ты не хочешь, чтобы мы и дальше жили вдвоем?

— Но мы же можем позвонить в полицию? — прошептала Чоннан, доставая спрятанный телефон.

Ёнчжу молниеносно прикинула в уме. Да, вот оно!

— А что, если слухи об этом разойдутся и цена на нашу квартиру упадет?

Девушка уставилась в спину матери. С ее внушительными размерами Чоннан сразу заметят и выстрелят в нее. Но если вдруг… если что-то пойдет не так, мать точно убьет ее. Ёнчжу подталкивала Чоннан в широкую спину и лихорадочно думала: «Это не месть, это ничуть не аморально. Я же не расслышала того, что случится, если высунуться в коридор. Никто меня не осудит. Надо только немножко продержаться, совсем чуть-чуть».

Главное — найти отговорку, чтобы остаться в зале, пока Чоннан не окажется на прицеле в коридоре, — и здравствуй, новая жизнь! На похоронах она будет горько рыдать и приложит

все усилия, чтобы достойно проводить мать в последний путь. Честное слово!

Чоннан обеими ногами ступила в коридор. В отличие от внутреннего пространства, покрытого ковролином, коридор был отделан плиткой. Ёнчжу на мгновение восхитилась матерью, которая даже не подумала лечь на пол или хотя бы пригнуться. Неужели расставание с дочерью действительно пугает ее сильнее смерти? С высоко поднятой головой Чоннан осмотрелась по сторонам и сделала несколько шагов вперед. Каблуки ее босоножек гулко стучали по плитке.

Однако, вопреки ожиданиям Ёнчжу, никакого выстрела не последовало.

— Выходи, — повелительно махнула рукой Чоннан.

Ёнчжу инстинктивно отступила к стене. Мать впилась в нее глазами. Ёнчжу прекрасно знала это выражение лица. Оно появлялось каждый раз, стоило дочери хоть немного ослушаться ее.

Конфронтация затянулась. Не дождавшись выстрела, на который она так надеялась, Ёнчжу от отчаяния до крови закусила губу. К чему тогда были все эти угрозы? Он ведь стрелял до этого, всего лишь заслышав грохот упавшей посуды. Тогда почему сейчас ничего не происходит?

Коридор был не прямой, с несколькими поворотами, поэтому он мог не увидеть, что происходит. К такому выводу пришла Ёнчжу. Она помнила, что по пути к столику они несколько раз поворачивали. Незнакомец с большой вероятностью находится где-то у выхода, а значит, он просто не видит Чоннан.

— Мам, я хочу жить, — сказала Ёнчжу, все еще держа руки над головой и глядя прямо в каменное лицо матери. — Я еще и половину жизни не прожила, но устала так, будто живу в сотый раз. Думаешь, чья это вина?

— Не мели чепухи и выходи. Сейчас же!

От голоса матери Ёнчжу закрыла голову обеими руками, съежилась и зажмурилась. Это было непроизвольное движение, заложенное в нее долгими годами физического насилия и промывки мозгов. И все же девушка отчаянно брыкалась, не позволяя Чоннан протиснуться назад к столику.

Столик № 3

Сана так и стояла, застыв на месте, пока незнакомец нес свою несуразицу. Ючжин наблюдала за ней, ни капли не изменившись в лице. Сана подташнивало. Непонятно, от волнения или от шевелений малыша в животе.

«А эта почему такая спокойная?» — возмутилась про себя Сана и тут же подумала, что Ючжин, должно быть, привыкла к подобного рода ситуациям. Ну естественно, ты же всю жизнь провела в канаве. Но я-то нет. Сана быстро утешила себя тем, что не имела ни малейшего понятия о тех страшных, грязных вещах, из которых состояла жизнь Ючжин. Все это ее не касается.

Внезапно Сана заскучала по дочери. Почему-то именно сейчас ей вспомнилось, как перед выходом из дома она стучала в наглухо закрытую дверь ее комнаты, ругая ту последними словами. Сана страшно сожалела об этом. О том, что сорвалась на крик, обвиняя дочь в том, что идет подтирать за ней дерьмо, твердила, что дочь должна быть благодарна ей, и что Сана стыдно теперь ходить по району, и она головы поднять не может. Надо было сказать, что она любит дочь,

верит ее словам, как матери остальных обидчиков. Честно говоря, больше всего Сана разозлило не то, что дочь над кем-то издевалась, а что она была на подпевках у других ребят. Это она осознала только сейчас.

Сана быстро раскинула мозгами. Кому из них стоит остаться в живых? По всем законам гуманности в первую очередь отпустить нужно ее, беременную женщину. Кроме того, в прошлом Ючжин сама издевалась над невинными жертвами. Она обязана получить воздаяние за свои грехи, хотя бы сейчас. Зло должно быть наказано, а добро вознаграждено. Разве не так устроен мир?

Разумеется, Ючжин так просто не сдастся. Судя по тому, как она пыталась заставить Сана поменяться с ней платьями, эта сумасшедшая до сих пор думает, что она здесь главная. Увидела, что одежда Сана — от дорогого бренда. Ну да, что ни говори, а люди не меняются.

Сана представила, что случится, если она умрет. Вместе с ней умрет и малыш в животе, а это уже двое. Ее дочь, добрая девочка, на всю жизнь останется с чувством вины из-за гибели матери, которая отправилась прикрывать ее поступок — между прочим, не такой уж и тяжкий. А ее дру-

зья и их родители? А муж? Сейчас он управляет крупным проектом в компании, вся его жизнь разрушится в один миг. Если проект пойдет насмарку, это заденет не только мужа. А как же его подчиненные? Их семьи?

С другой стороны, что будет, если умрет Ючжин? Не успела Сана развить эту мысль, как почувствовала, что ее дергают за рукав.

— Эй, садись. Тебе не тяжело стоять с таким пузом? — спросила Ючжин.

Сана медленно опустилась на свое место. Ючжин усмехнулась и слегка присвистнула. В такой ситуации? Сана уставилась на спутницу круглыми от удивления глазами.

— Ты что, не слышала?

— Что не слышала?

— Выстрелы. Мужской голос… Он сказал, мы должны выбрать одну из нас. — Ючжин беззаботно пожала плечами. — Слышала, конечно. Так что насчет поменяться со мной платьями? Ты же пришла сегодня, чтобы умолять меня. Думаешь, я сжалюсь, если будешь так себя вести?

— Разве это сейчас важно? Одну из нас могут застрелить…

— Ну это точно буду не я, — недолго думая, заявила Ючжин. Сана на мгновение потеряла дар

речи, и спутница тряхнула ее за плечо. — Что, в штаны наложила? Ты же не думала всерьез, что я умру, а ты останешься в живых?

Сана никак не могла взять в толк, почему Ючжин так удивительно спокойна. Может, она и прошла в своей жизни огонь, воду и медные трубы, но сегодня, когда средь бела дня в безопасной Южной Корее кто-то палит из пистолета? Такое не укладывалось в голове Сана. Она притворяется сильной? Как в школе? Но с какой стороны ни посмотри, теперь у Сана в руках сосредоточено больше власти. Статус, связи, деньги. Кроме того, до выстрелов Ючжин не вела себя нагло. Еще недавно она кипела от злости. В ее возбужденном голосе чувствовалось волнение. А теперь она нарочито пытается подмять Сана под себя. Совсем как в прошлом.

«А если она держится так уверенно, потому что заодно с этим преступником?» — подумала вдруг Сана. Она слышала, что некоторые из тех хулиганов, с которыми Ючжин водилась в юности, до сих пор промышляют бандитизмом. Разумеется, там, где жила сейчас Сана, в богатом районе Сохён, такое было невозможно, но в старом центре… Вполне вероятно, что какой-то сбрендивший отморозок из трущоб мог заявиться

сюда и начать буянить…

Сана открыла рот. Она не хотела казаться слабой, не хотела уступать Ючжин, но ее голос все равно дрожал. Сана откашлялась, но это не помогло.

— Спрашиваю на всякий случай. Ты знакома с этим человеком? Поэтому ты так спокойна? Ты привела его сюда, чтобы шантажировать меня, да?

— С ума сойти. — Ючжин громко расхохоталась, запрокинув голову, а затем, успокоившись, с каменным лицом уставилась на Сана. — Эй, что за хрень ты сейчас несешь? Опять хочешь выставить меня виноватой? Так и знала, что ты и не собиралась извиняться, стерва. Тварь здесь не я, а ты и твоя мерзкая дочурка. Что? Шантажировать тебя? Зашибись… — Ючжин снова натянуто усмехнулась. — Ну конечно, если богатые дамочки начнут выть, что страдают из-за одной невежественной мамаши, то любое дело замнут так, будто ничего и не было. И не важно, что мой ребенок хочет умереть из-за таких отбросов общества, как твоя дочь!

— Отбросы общества? Как ты смеешь так говорить про мою дочь? — Сана схватила со стола нож. Слова полились неудержимым потоком: —

Да ты же сама издевалась в школе над каждым вторым! Избивала, вымогала деньги, прижигала кожу сигаретами, плевала в лицо и материлась! Вела себя как шлюха, спала с каждым отщепенцем в округе! Да сейчас твоя морда светилась бы по всему интернету! Ты прозябаешь в канаве, потому что тебе воздалось по заслугам! Это моя дочь — отброс общества? Да ты же была самим дьяволом, сука! Ты дьявол в человеческом обличье! Почему ты не идешь на уступки? Твоя дочь расплачивается за твои грехи. Не надо вести себя так, будто ты сама невинность. Думаешь, если продержишься подольше, больше получишь? Я тебя знаю, ты хочешь заработать на нас, думаешь, бросим тебе пару вон. Поэтому ты и живешь в нищете, это твое наказание! Мне жаль твою дочь, ей не повезло с матерью.

— Хочешь сказать, это моя вина? — резко подала голос Ючжин, нисколько не смутившись оттого, что Сана бешено орала, размахивая ножом прямо перед ее носом.

Сана не сомневалась ни секунды:

— Ну конечно, а чья же еще? Если бы не ты, ничего бы не случилось! Если бы ты не родила свое отродье!

Выплюнув эти слова, Сана вдруг снова верну-

лась к той мысли, с которой ее сбила Ючжин. Что произойдет, если та умрет?

Ответ пришел мгновенно: все изменится в лучшую сторону.

Проблема, которая не дает жить Сана, исчезнет. Разобраться с одним беззащитным подростком не составит труда.

Если эта пиявка, женщина, которая даже не осознает, что собственная дочь страдает из-за нее, никому не нужная, не заслуживающая быть матерью дрянь просто исчезнет, все будут только счастливы. И ее дочь в том числе.

«В крайнем случае я сама за ней присмотрю», — решила Сана. Она слышала, что девочка одевается бедно и не ходит к репетиторам. Сана может изменить это в мгновение ока. В голове тут же возникли слова, которыми она примется утешать девчушку: «Тетя Сана просто хочет, чтобы у тебя все получилось… У меня слезы на глазах от одной мысли о тебе… Только представлю, как тебе тяжело пришлось, сразу сердце болит…»

«С тетей Сана тебе ведь лучше, чем с мамой?» — спросит она у девочки, и та с благодарностью согласится. Ребенок тоже прекрасно понимает, почему остальные над ней издеваются. Это все потому, что ей не повезло с матерью… Бедняжка.

Сана мгновенно почувствовала эмоциональный подъем. Все будут только счастливы при таком раскладе.

Ючжин недоверчивым взглядом наблюдала за Саной, которая полностью погрузилась в свои фантазии. Сана продолжала крепко сжимать в руке нож. Вряд ли Ючжин благородно пожертвует собой ради блага дочери, так что у Сана был только один выход. Она должна любым способом вытолкнуть эту ведьму в коридор. Когда все закончится, останется целая куча трупов, и никто не поймет, кто и когда был убит. Никто не узнает, что это по вине Сана Ючжин оказалась в коридоре.

Проблема заключалась в одном: было бы намного удобнее, сиди Сана у стены. Жаль, конечно, что она не заняла более выгодную позицию, но сожалениями делу не поможешь. Ючжин первая села за стол, когда они зашли в ресторан. Вела себя так, будто она здесь главная, как тогда, когда бесцеремонно схватила Сана за плечо. Женщина с гнилой сущностью, даже не подумавшая уступить место беременной. Сана напрочь позабыла о том, что сама предложила Ючжин сесть у стены. Воспоминания о том, как она вежливо кланялась, настороженно следя за реакцией бывшей подру-

ги, тоже стерлись из ее памяти.

— Так и будешь его держать? — вдруг поинтересовалась Ючжин, чем напугала Сана.

Опомнившись, Сана осознала, что перед спутницей тоже лежит нож. Она резко выбросила свободную руку вперед и молниеносно схватила его. Сана сделала это движение не глядя и нечаянно взялась не за рукоятку ножа, а за лезвие. Ладонь слегка обожгло болью, но самым неприятным оказалось ощущение соуса и мясного жира на руке. Липко и скользко. Сана захотелось немедленно достать из сумки влажные салфетки и санитайзер и начать вытирать руки. Точно, сумка. Надо было сначала забрать ее. Сумка Сана все еще лежала под столом. В любой другой день она бы взяла с собой маленькую дамскую сумочку и держала бы ее на коленях, но сегодня ей пришлось на всякий случай принести много всего: письмо с извинениями от родителей, результаты психологических тестов детей, впопыхах купленный диктофон… Это была дорогая дизайнерская сумка, которую она не то что на пол никогда не бросала, но вообще почти не брала с собой на улицу. Если быть до конца откровенной, она взяла ее сегодня не из-за количества вещей, а чтобы покрасоваться перед Ючжин. Не стоило

этого делать. Кто знает, сколько раз эта женщина незаметно пнула ее под столом. А теперь еще и нужно прикасаться к сумке грязной рукой…

— Ха, нож? — прыснула Ючжин. — Боишься меня?

— Конечно боюсь. Я же помню, какой ты была в прошлом.

— Блин, а ты смешная. Неужто забыла, как лебезила передо мной, только чтобы я позволила тебе болтаться рядом? Да ты же мечтала принимать во всем этом участие. Вот только не могла, потому что мы тебе не разрешали. Ты же слабачка. И дочь вся в тебя. Только и может, что лизать остальным жопу.

— Моя Арин не такая!

— Ну-ну. — Ючжин заливисто рассмеялась. — Эй, а ты, случаем, не забыла, что пришла сюда угождать мне? Если вернешься с пустыми руками, остальные мамаши тебя по головке погладят? И директор школы тебя расцелует. То, что можно было решить малой кровью, теперь никакой лопатой не разгрести. Вот это ты молодец, да они тебя аплодисментами должны встречать. Правда?

С этими словами Ючжин резко приблизилась к Сана. Та немного отодвинулась назад, сжимая

нож в вытянутой руке. Внезапно ногу пронзила боль, и, взглянув вниз, Сана обнаружила, что Ючжин наступила ей на ногу. Давление в ступне становилось все сильнее и сильнее.

— Ты дурой меня считаешь, да? Смотришь свысока, потому что у меня нет денег? Я, может, и плохо училась, но башка у меня работает уж получше твоего. Как думаешь, если я встречусь с другими мамашами и предложу им притвориться, будто ничего не было, если они согласятся выставить единственной зачинщицей твою драгоценную доченьку, что они ответят? Будут защищать тебя? Как бы не так! Да и муженек твой не то чтобы важная шишка. Остальные мамочки плевать на него хотели.

Сана поняла, что слишком недооценила Ючжин. Не стоило встречаться с ней наедине.

Теперь тем более нельзя оставлять ее в живых. Не стоит и сомневаться. Надо признать, что ситуация сложилась очень удачно. Она постарается. Это только справедливо. Сана взвесила все в уме. Если Ючжин выйдет отсюда живой, невинную дочь Сана обвинят во всех грехах, а настоящие виновники разбегутся как тараканы. Это ли не настоящее преступление?

Сана решилась. Больше колебаться она не

будет. Это не эгоистичный порыв в попытке защитить собственную дочь, она идет на такое ради общего блага. Сана медленно перевернула в ладони нож, который все еще сжимала за лезвие. Разумеется, она никогда не использовала его против человека, но зато ей множество раз приходилось разделывать мясо. Сколько алой плоти она изрубила на мелкие кусочки, пока лично готовила еду для дочери? Воскресить в памяти эти движения было очень легко.

Ючжин молчала. К облегчению Сана. Чем больше они разговаривали, тем сильнее Сана боялась, что ее задушит наглая самоуверенность бывшей подруги и искусно вывернутые ею наизнанку воспоминания о прошлом. На лице Ючжин играла снисходительная улыбка, и Сана провела по ее значительно более полной, чем в детстве, щеке отчетливую красную линию. Лезвие ножа было остро заточенным, так что это оказалось несложно. Вспомнив, что надрезы на мясе смотрятся красивее, когда пересекаются крест-накрест, она слегка повернула запястье и нанесла еще один порез.

Сана чувствовала, что в последнее время с дочерью творится неладное. Она поняла это еще в тот день, когда не пустила ее с друзьями в ре-

сторан, где подавали самгёпсаль[4] с насечками крест-накрест, а оставила дома есть дорогое мясо, припасенное заранее. Сана, чтобы задобрить дочь, аккуратно сделала на грудинке разрезы, совсем как в ресторане, смазала лучшими приправами и отправила в духовку. На столе красовались гарниры на любой вкус и свежие листья салата. Что же кричала дочь в тот вечер?

Сана точно не помнила. Она намеренно старалась стереть этот эпизод в памяти.

Однако полностью забыть слова, которые оставили в ее душе неизгладимую рану, у нее не получалось. Поэтому Сана опять взмахнула ножом. На этот раз надрез остался на тыльной стороне ладони Ючжин — не специально, просто та закрыла лицо руками. Еще полгода назад дочь обожала еду Сана. Каждый день целовала мать в щеку и говорила, что любит. Она может снова стать ее чуткой, милой девочкой. Если только Сана приложит чуть больше усилий.

Разве не к лучшему, если отродье, которое не приносит никакой пользы обществу, просто исчезнет? Если, согласно словам незнакомца, половина из них должна умереть сегодня, никто

---

[4] Примечания: 4

Самгёпсаль — барбекю из свиной грудинки, нарезанной тонкими ломтиками.

и не заметит, что на одном из трупов имеется несколько порезов. Она поступает правильно. Не желая видеть Ючжин, которая пыталась подступиться к ней, чтобы отобрать нож, Сана сильнее начала размахивать оружием, одной рукой прикрывая лицо. Изо рта Ючжин сыпались грязные ругательства, которые двадцать лет назад Сана приходилось выслушивать каждый день.

Когда Ючжин, которой она некогда так восхищалась, бросилась на нее, Сана опустила локоть к бедру и резко прижалась к ней, перенося весь вес своего тела вперед. Затем, прислонив скорчившуюся от боли женщину к стене, она подняла с пола сумку и раздраженно цокнула языком: на ее дорогущей белоснежной сумке виднелось множество грязных следов.

Столик № 4

Сонми и Мингён одновременно разинули рты и завопили, словно главные героини в дешевом фильме ужасов. Мингён опомнилась первой и скользнула под стол. Сонми тут же протиснулась следом за ней. Мингён, изначально устроившаяся ближе к выходу, под столом заняла место у стены, и Сонми оставалось только расположиться лицом к коридору. Обе девушки замерли, сидя на корточках, как в деревенском туалете.

В такой позе и без того вздувшийся живот Сонми громко заурчал. Она явственно чувствовала, как газы быстро продвигаются от кишечника к заднему проходу. Это все из-за глупого рабочего семинара. Сонми, страдавшая от хронического запора, могла сходить в туалет, только предварительно помассировав живот около часа. На работе провернуть такое было невозможно, поэтому в субботу Сонми на весь день закрывалась дома, чтобы в несколько заходов мучительно исторгнуть из себя все, что копилось в ней с понедельника по пятницу. Опустошив желудок за выходные, девушка с ужасом ждала приближения очередной адской пятидневки. Ей оставалось

только молиться, чтобы директор выбрал на обед что-нибудь не такое жирное, как китайская еда или суп из кровяных колбасок. Вот бы поесть салат или хотя бы овощной пибимпап…[5]

Сегодня, как нельзя некстати, была суббота. Мало того что желудок Сонми оказался набит едой, проглоченной за всю неделю, так еще и на семинаре они ели жирный самгёпсаль, запивая его тоннами крепкого алкоголя. Все вокруг потеют, пускают газы и какают, так почему только ей достались такие мучения? Неужели остальные чувствуют себя нормально? Поэтому они как ни в чем не бывало выключают кондиционер в офисе, в самое пекло жадно хлюпают суп из свиных потрохов и с легкостью соглашаются провести драгоценные выходные за жарением жирного мяса на рабочем выезде с коллегами?

Именно поэтому она не выносила Мингён. С самого детства Сонми жила, боясь услышать от кого-нибудь, что от нее воняет потом или газами. Этот страх остался с ней навсегда.

Сонми повернулась к Мингён. Та дрожала всем телом как осиновый лист и смотрела на спутницу испуганными кроличьими глазами.

---

[5] Примечания: 5

Пибимпап — вареный рис, смешанный с овощами, мясом, яйцом и перцовой пастой.

— Сонми, что нам делать? Что нам делать? — С этими словами она крепко вцепилась в руку девушки.

Похоже, ей не приходило в голову, что они бы не оказались в такой ситуации, не предложи Мингён пообедать вместе. От макушки коллеги, прильнувшей к груди Сонми, не исходило никакого запаха. Как такое может быть? Она же не мыла голову больше суток. В Сонми закипал гнев. Мингён даже не подозревает. Она не знает, как тяжело приходится Сонми, не видит ее страданий и ведет себя, как ей вздумается. Никакого внимания или заботы, впрочем, как обычно. Директор и другие коллеги были правы: Сонми чересчур с ней нянчилась.

— Сонми, вы слышали? Он сказал, что только одна из нас может уйти, — захныкала Мингён. — Значит, вторую он убьет? Что нам делать?

Но Сонми сейчас было не до этого: у нее сильно затекли ноги, сфинктер так пульсировал, что она не могла терпеть больше ни секунды, а желудок ходил ходуном, готовый вытолкнуть все наружу. Пот градом катился по груди, затылку, спинке носа. Не от страха и не от жары. Это был холодный пот, рефлекторно проступающий при позывах к рвоте. Сонми отодвинулась как можно дальше

от Мингён и отвернулась от нее. Высунуться в коридор было нельзя, поэтому она просто вытянула шею вперед, как черепаха, и открыла рот. То малое количество еды, которое ей удалось впихнуть в себя, мгновенно исторглось наружу. Следом из горла вырвалась сильная отрыжка. Сонми подумала было, что все закончилось, но вскоре случился очередной рвотный позыв. На этот раз поток был мощнее, лило словно из пожарного шланга. После продолжительного приступа Сонми с трудом открыла слезящиеся глаза и выглянула в коридор. Весь пол оказался залит ее блевотиной. Даже в этой ситуации первой ее мыслью было: «Нет худа без добра, хотя бы сегодняшняя еда не застрянет в желудке».

Мингён похлопывала коллегу по спине. От этого Сонми почувствовала себя еще более жалкой. Лучше бы та завопила от отвращения и отпрянула подальше.

Если бы Сонми испытывала к ней симпатию, все было бы по-другому. В какой-то момент Сонми решила возненавидеть Мингён, но в то же время выглядеть плохим человеком ей не хотелось. Сонми не собиралась грубить коллеге и с нетерпением ждала, пока та совершит по отношению к ней непростительную ошибку. Если Мингён бу-

дет так заботливо стучать ее по спине в подобной ситуации, дело может усложниться.

Нет! Из-за выстрелов у Сонми выскочило из головы то, что происходило совсем недавно. Мингён грубо схватила ее за руку, явно нарываясь на ссору. Еще и несла какую-то нелепицу, будто «присматривает» за Сонми — своей начальницей, между прочим! На это вполне можно обидеться. Надо снова вернуться к этой теме, пусть даже какой-то сумасшедший палит из пистолета. Хотя нет, именно потому, что какой-то сумасшедший палит из пистолета. Сонми, зная Мингён, предполагала, что та непременно предложит искать способ спастись им обеим. Будет приставать к ней, не позволяя начать переговоры. Если вдруг благодаря Мингён они обе выберутся отсюда, придется им стать неразлучными подругами до конца жизни! От одной только мысли об этом Сонми содрогнулась.

— Что ты имела в виду?

— Ты о чем?

— До того, как начались выстрелы. Ты сказала, что присматриваешь за мной.

Мингён выпучила глаза:

— Тебе сейчас ЭТО важно? Мы тут, вообще-то, умереть все можем! Нет, я, конечно, давно это

поняла, но… Сонми, почему ты такая тупая? Вообще не втыкаешь, что ли? Идиотка! Нашла о чем спрашивать сейчас, когда надо думать о том, как выбраться отсюда! Ты нормальная?

— Это я идиотка?

— А ты не знала, что люди говорят у тебя за спиной?

Сонми никогда раньше не видела, чтобы Мингён так тараторила. В лицо ей летели слюни. На мгновение Сонми почувствовала, что коллега наслаждается этим моментом. Тем, что наконец может раскрыть секрет и выплюнуть ей в лицо слова, которые так долго сдерживала.

— Ты хотя бы знаешь, как эти твари высмеивают тебя за спиной? Думаешь, я просто так обзываю их суками, без причины? Да их даже людьми нельзя назвать! Вечно обсуждают, что твои волосы воняют, как из помойки, что в туалет после тебя не зайти, что ты жирная, с огромным пузом, и с такой фигурой тебе нельзя продавать униформу, только клиентов отпугнешь. Говорят, что ты похожа на грязную бомжиху, даже просто находиться рядом противно. Они и меня пытаются вовлечь в свои сплетни, но я защищаю тебя! Понятно?

Сонми знала. Коллеги, включая директора,

давно уже взяли в привычку мимоходом бросать ей: «Эй, тебе бы похудеть не помешало!», «Ты, вообще, моешься?», «Кажется, кто-то должен вносить отдельную плату за пользование туалетом!». Так сложилось чуть ли не с первого ее дня в компании. Мингён ошибалась. Они шептались не только за спиной: насмешки и упреки высказывались в лицо Сонми. Коллеги перестали это делать лишь с приходом новенькой. Видимо, решили не подрывать ее авторитет перед подчиненной. Сонми была «благодарна» за такую заботу.

С другой стороны, разве сама Мингён не поливала всех грязью? Именно поэтому Сонми и старалась всеми силами избегать ее. Коллега постоянно ругалась как сапожник и заглядывала Сонми в глаза в поисках поддержки. Сонми боялась, что, если их так называемая дружба треснет, она мгновенно станет очередной жертвой злого языка Мингён. Причем последняя даже не осознавала, что ведет себя намного хуже тех, кого так ненавидит.

И самое главное: вообще-то, это Мингён все презирают, а Сонми о ней заботится. Девушка приняла решение, что, несмотря на критическую ситуацию, она должна во что бы то ни стало просветить коллегу хотя бы в этом. Потому что

это ее разозлило. Любому терпению есть предел, с подобным отношением Мингён и в другой фирме столкнется с такими же проблемами. Сонми должна сказать это хотя бы ради ее блага. Полная решимости, девушка открыла рот.

Однако заготовленные слова куда-то пропали. Сонми просто не смогла бы объяснить Мингён, что та воспринимает любую ситуацию со своей колокольни и это неправильно, что она не может всегда и везде казаться «белой и пушистой». Если попытаться объяснить мягко, коллега снова вывернет все на свой лад и начнет нести чепуху. А затем растопчет самооценку Сонми так же, как директор, начальник отдела и другие коллеги…

Тело Сонми, как обычно, было не на стороне хозяйки. Не успела она произнести ни слова, как к горлу поднялись тошнота и отрыжка. Похоже, в желудке еще что-то осталось. Увидев побледневшее лицо Сонми, Мингён схватила свой рюкзак и принялась торопливо рыться в нем. Наконец она нащупала то, что искала, и протянула несчастной черный пакет со словами:

— Если тебя опять вырвет, давай лучше сюда.

Мингён развернула пакет, растянула края и бесцеремонно придвинула его к губам Сонми. «Все равно нас с минуты на минуты убьют, ка-

кой смысл блевать в пакетик? Тем более я уже и так залила весь коридор», — подумала Сонми, безуспешно пытаясь убрать пакет от лица, но Мингён оказалась сильнее. В конце концов Сонми со стоном сдалась. Желудок, словно забыв о содеянном ранее, снова изверг из себя невообразимый объем тошнотворной массы. Когда позывы немного утихли, Сонми силилась вырвать пакет из рук Мингён, но та даже не пошевелилась. В очередной раз выплескивая из себя вонючую жижу, Сонми успокаивала себя: «Хорошо, что по крайней мере гости за остальными столиками этого не слышат. Они, вероятно, почувствуют неприятный запах, но из-за уникального устройства ресторана сразу найти источник вони у них не выйдет».

Как странно, что ее волнуют такие вещи в преддверии скорой смерти. Скорой смерти…

— Мингён, — выдавила из себя Сонми, наблюдая за тем, как коллега накрепко завязывает пакет с ее рвотой, — он ведь сказал, что мы скоро умрем. Ты же не забыла?

— Конечно нет.

— Тогда почему ты так спокойна? Мы скоро умрем. Умрем!

Мингён, медленно завязав на пакете очередной

узел, повернула голову к Сонми.

— Сонми.

— Что?

— Ты в курсе, что половина моих коллег по магистратуре до сих пор безработные?

Это еще что за бред? Выпускники Сеульского университета? С чего бы?

— Я подала резюме с сопроводительным письмом в общей сложности в двести шестьдесят восемь компаний, и меня приняли только в нашу. Знаешь, что директор сказал мне на финальном собеседовании? — Двести шестьдесят… сколько? Для Сонми это было ее первым местом работы, и она ни разу в жизни не писала никаких сопроводительных писем. — Что у него есть предубеждение против тех, кто слишком много учился. Что все они сборище нахалов, дерьмо собачье, и, если я действительно хочу зарабатывать, я должна доказать ему, что у меня хороший характер. Если продержусь год, то он устроит меня официально, на полную ставку. Полную! Сонми, представляешь? Я же окончила магистратуру… Знаешь, сколько из нас получают полную ставку? — Не дождавшись ответа, Мингён возбужденно продолжила: — Даже не тридцать процентов. Представляешь, даже не тридцать!

— Мингён, ты что, не слышала меня? — Голос коллеги становился все громче и громче, и это пугало Сонми. — Мы можем умереть сегодня. Зачем ты говоришь о прошлом сейчас? Нам ведь нужно что-то придумать, мы…

— Я просто старалась выжить! Ясно тебе? Выжить! — Мингён перебила увещевания Сонми громким визгом. — Не получилось в Сеуле, я перешла на Пундан[6], не вышло в Пундане — в Сувон, не взяли в Сувоне — я переключилась на Намун, везде рассылала свое резюме. И все равно целая куча компаний не звали меня на собеседование. Просматривали резюме, и никакого ответа! Вот они повеселились за мой счет, да? Выпускница престижного университета хочет у них работать, а они не берут, ха!

Сонми не знала, что ответить.

— На собеседование меня позвала только наша фирма. На финальном этапе директор и о тебе говорил. Любопытно? Я же знаю, что да. Почему не спрашиваешь? Почему не спрашиваешь, что он сказал о тебе?

«Разве и так не ясно? Потому что это не важно!» — хотела выкрикнуть Сонми, но, как обычно,

---

[6] Примечания: 6

Пундан — район города Соннам, в котором расположены офисы крупных IT-компаний.

не смогла облечь желаемое в слова. Мингён с удовлетворением на лице принялась пересказывать слова директора:

— Он сказал, что есть у него одна сотрудница, менеджер, которая любит сталкерить новичков. Спросил, смогу ли я это вытерпеть. Что она надоедливая до смерти. Знаешь, почему он меня выбрал, по его словам? Что раз уж я поступила в престижный универ и хорошо училась, значит умею терпеть. Он сказал, что все, кто приходил раньше, тоже врали, что вытерпят, а сами сбегали через полгода. Но ты представь, что тебе говорят такое на собеседовании. Что ты сделаешь, а? Сбежишь? Ответишь: «Ой, извините, я, наверное, не смогу, до свидания»? Да я завтра, того гляди, сдохну от голода, разве у меня есть выбор?

Сонми была уверена, что Мингён лжет. Все ее предшественники были добрыми ребятами. При увольнении они сетовали на большой объем работы и скудное жалованье, благодарили Сонми и сожалели о расставании. Она сочувствовала им. Работать трудно везде, просто молодежь еще этого не поняла. Уволившись, ребята не отвечали на звонки и сообщения бывшей начальницы. Сонми тяжело вздыхала. Им стыдно, вот они и не берут трубку. Очевидно ведь, им стыдно за то, что не

послушались предупреждений Сонми и бросили работу, а в новой фирме они заняты еще сильнее, и у них всего-навсего нет времени ответить ей.

Сонми задумалась, глядя на Мингён: «Да что ты знаешь о жизни? Ни бельмеса не понимаешь в работе, мне приходится постоянно подтирать за тобой. Проработала-то всего ничего». Если уж кто и помешался на ком, так это Мингён, вот почему всем ее откровениям изначально не стоит верить. И то, что директор якобы поведал ей на собеседовании, — тоже неприкрытое вранье. Мингён из тех, кто в чужом глазу соринку увидит, а потом разнесет об этом сплетни всему миру. Она тешила так свое самолюбие. Даже сейчас, когда их жизни висят на волоске, все равно не может унять свою гнилую сущность. Хотя нет, не так: в смертельной опасности она, наоборот, явила себя во всей красе.

Настолько, что теперь лжет совершенно бесстыдным образом.

— Если то, что ты говоришь, правда… — Сонми изо всех сил старалась скрыть дрожь в голосе. «Я должна быть сильной. Меня это совсем не задело. Это все ложь», — шептала она про себя, как заклинание. — Тогда шеф давно бы уволил меня. Это же так просто. Я работаю здесь уже семь лет.

Видишь? У тебя концы с концами не сходятся. К тому же любой, кто посмотрит на наш с тобой чат в мессенджере, с одного взгляда поймет, кто из нас на ком помешан. Я хотя бы раз писала тебе первой?

— Вот! Вот именно, именно об этом я и хотела поговорить, — взвилась Мингён. — Почему меня ты не сталкеришь? Потому что не можешь вертеть мной, как тебе захочется? Потому что я не поддаюсь тебе? Потому что отличаюсь от прочих идиотов? Или ты просто мне завидуешь? Тебя бесит, что я закончила престижный универ? Мучишься от комплекса неполноценности?

Сонми ошеломленно смотрела на Мингён. Она никак не могла постичь ее логику. Каким образом Мингён умудрилась прийти к такому выводу? Как ей вообще пришла в голову такая чушь? И вдруг Сонми озарила новая мысль.

Какую пользу Мингён может принести обществу, если хороша только в учебе? Куда бы она ни пошла, везде от нее будет один лишь вред.

Мингён все никак не умолкала:

— Да ты же годами сидишь в этой дерьмовой фирме в полной уверенности, что тебя там любят, а на самом деле они пользуются тобой и заставляют выполнять всю работу! И еще смеешь

дискриминировать меня? Если бы не я, кто еще ходил бы за тобой и притворялся, что хочет с тобой дружить? Иногда мне жаль тебя прямо до слез! Как ты вообще можешь вести такое убогое существование? Мне даже страшно!

Больше Сонми не могла терпеть. Прыгнув на Мингён с выставленными вперед ногтями, она принялась яростно царапать ее.

Часть пятая
Анализ данных

01

Однажды в казарме Пинсын слушал разглагольствования сержанта, который раньше занимался профессиональной борьбой.

— Вы, салаги, считаете, это так легко, да? Бить кого-то реально и просто воображать себе — большая разница! Думаете, ударить человека по лицу — это раз плюнуть? Как в фильмах или манхвах? А вот как бы не так. Слушайте сюда. Большинство из вас — слабаки, вы человека не ударите, даже если связать его по рукам и ногам и подать вам на блюдечке. Тут уметь надо. Махать кулаками — это, знаете ли, тоже талант.

— Тогда как быть, когда делаешь это впервые? Особенно если таланта нет? — спросил кто-то из толпы.

— Так, повторяй за мной. Дистанция!

— Дистанция!

— Я не слышу, салаги! Дистанция!

— Дистанция!

— Скромность!

— Скромность!

— Контроль!

— Контроль!

— Итого три пункта. Дошло, придурки? — вещал сержант, которому оставалось всего ничего до дембеля, тщательно поправляя отросшие волосы. — Если соблюдать все три — победишь. Во-первых, дистанция. Это когда понимаешь, что твои руки намного короче, чем ты, черт его дери, всегда думал. А что вы хотели, вы же азиаты. Не Андерсон, мать его, Силва[7]. Вы же всю жизнь только жрали и в игры резались. Вы, слабаки, даже ногами нормально шевелить не умеете, куда вам. А противник охренеть как далеко от вас, врубаетесь? Как ни тянись, а попадешь только по воздуху. Поэтому нужно что?

— Не знаем, товарищ сержант!

— Скромность. Надо обязательно думать, что противник выше тебя. И руки у него длиннее, и дерется он лучше. Ни в коем случае нельзя надеяться на победу, ясно? Даже если противник ростом сто шестьдесят, представь, что он сто восемьдесят. Пусть он и выглядит как размазня. Не расслабляемся, нельзя недооценивать соперника! Вот, например…

Сержант поднялся, тяжелой поступью обошел

---

[7] Примечания: 7

Андерсон да Силва (р. 1975) — бразильский боец смешанных единоборств (ММА), один из самых известных и уважаемых бойцов в истории UFC.

казарму и, выбрав самого щуплого новобранца, попытался повалить его на пол. Пару минут солдатик держался, но, почувствовав на себе взгляды остальных дедов, быстро рухнул ничком.

— Ах ты, сука! Спортом занимался раньше?

— Так точно!

— И каким?

— В младшей школе ходил на тхэквондо!

— Вот и я о чем. Всего лишь походил на тхэквондо в детстве — и какой результат. — Сержант дернул плечом и вытер пот со лба. — Потому и надо быть скромным, врубаетесь? А скромность откуда берется? Правильно, из воображения. А что появляется от скромности? Способность к контролю! Это научный факт. Скромность от воображения, а способность к контролю — от скромности! Поняли, салаги?

Пинсын ненадолго задумался о том, что в таком случае «дистанция» тоже должна исходить из «воображения», но, понятное дело, не нашел в себе смелости озвучить свои сомнения вслух. В этот момент сержант вдруг позвал его по имени:

— Эй, Чон Пинсын.

— Так точно, рядовой Чон Пинсын!

— Какой третий пункт я назвал?

Третий? Пинсын точно знал ответ: контроль.

Но ведь сержант сказал, что «способность к контролю» вытекает из «скромности». Пинсын считал, что, если нужно перечислить три пункта, они никак не могут включать в себя друг друга и образовывать причинно-следственную связь. Он был уверен, что эту простую истину должен понимать и сержант. Еще десять минут назад правильным ответом был «контроль», но сейчас все могло измениться. Что же ему ответить?

— Не знаешь, сука? Ты что, меня не слушал?

— Никак нет!

— Тогда отвечай!

Пинсын колебался. Он почувствовал, как сосед незаметно постучал его по бедру. Это был знак сказать хоть что-нибудь. Если Пинсын ляпнет глупость, всему отряду придется страдать от произвола сержанта. Коллективная ответственность. Деды очень любили это выражение.

Сержант схватил Пинсына за плечо и обманчиво мягким тоном спросил:

— Так, что было первым?

— Дистанция!

— Правильно, дистанция. А второе?

— Скромность!

— Молодец, скромность. Вот видишь, все ты помнишь. Только гляньте, какая хорошая память.

А третье?

Пинсын плотно сжал губы. С одной стороны, сразу напрашивается ответ «контроль». Но почему он не может просто сказать это? Даже чувствуя на себе злобные взгляды сослуживцев, Пинсын не мог выдавить эти два слога. Неужели потому, что названные сержантом качества нельзя было логично разделить на три равноценных пункта?

Не может быть.

На собственном опыте Пинсын уже знал: сержант что-то задумал и просто хотел поиздеваться над ним. И не важно, что Пинсын скажет.

— Так что?

Сержант поднес ухо к его лицу. Пинсын сглотнул.

— Контроль… — прошептал он, и, как и ожидалось, сержант сжал руку в кулак и легонько постучал жертву по щеке.

— Разве я говорил что-то про контроль? Я говорил про способность к контролю, во втором пункте. И что, думаешь, я бы назвал то же самое в третьем? Я идиот, по-твоему? Сука, я, по-твоему…

Как и следовало ожидать. Он опять попался. Теперь нужно изо всех сил постараться, чтобы выкрутиться. Что же ответить? Пинсын должен был во что бы то ни стало приковать все внима-

ние сержанта к себе. Иначе наказание коснется всех. Лучше испробовать на себе кулаки одного, чем ненависть десятерых.

— Никак нет! Прошу прощения! Я только что вспомнил правильный ответ!

— Вспомнил? — удивленно выпучил глаза сержант. — И что же это? Ну, говори!

Как, должно быть, интересно наблюдать за дрожащим от страха человеком, который от отчаяния внезапно заявляет, что вспомнил то, чего не было. Именно об этом думал Пинсын в тот момент. Не зря каждую ночь он ворочался без сна, размышляя о том, чего не хватает сержанту по отношению к новобранцам и особенно к Пинсыну, которого тот любил мучить чаще других.

Пинсын набрал в легкие побольше воздуха и выкрикнул:

— Умение поставить себя на место другого!

* * *

— Я же ясно дал понять, что не стоит вам приходить. Почему вы меня не послушались? Почему? Я ведь говорил. Я говорил не приходить сегодня, зачем нужно было настаивать, — бормотал Пинсын, прикрыв глаза ладонью. Дыхание перехватило. Он извлек из кармана салфетку и

с шумом прочистил нос. — Это все ваша вина, вы сами виноваты. Как вы могли так поступить? Я же сказал, что больше не принимаю бронирования, так нет, вы настояли, пожадничали и причинили мне такую боль. И что я должен делать? Из-за вашей жадности у меня теперь сердце кровью обливается. Я ведь надеялся, что мне хотя бы семьи убивать не придется!

С этими словами он в очередной раз выстрелил в стену. Осколки плитки разлетелись в разные стороны. Чоннан слегка дернула плечами, но не стала ни кричать, ни складывать ладони в умоляющем жесте. Вместо этого женщина медленно выпрямилась. Колени и поясницу начало ломить, она больше не могла оставаться в согнутом положении. Расправив плечи, Чоннан коротко вздохнула и молча уставилась на мужчину, который стоял прямо перед ее глазами.

Она поняла все с первого взгляда.

Чоннан отличалась исключительной наблюдательностью. Люди не осознавали, что это вовсе не врожденный талант, а следствие обостренного инстинкта выживания. Ёнчжу находила его утомительным, но Чоннан ничего не могла с собой поделать.

Чоннан из чувства морального долга не хотела,

чтобы другие испытали на своей шкуре те ужасы, что выпали на ее долю. У нее были добрые намерения, в какой-то степени. В частности, она считала, что во что бы то ни стало должна защитить свою дочь и ее друзей. Стоит этим детям вырасти и стать полноценными членами общества, как они сразу оценят по достоинству ее усилия.

Ёнчжу заблуждалась. Чоннан испытывала любовь не только лишь к дочери. Ей всегда хотелось иметь рядом кого-то, кому она могла бы отдать всю любовь без остатка, а взамен получить благодарность и возможность «доминировать». Она считала, что заслуживает этого. И вовсе не обязательно, чтобы это была ее родная кровинка.

В силу своей наблюдательности Чоннан не могла расслабиться ни на мгновение. Многие вещи открывались только ее глазу, словно небеса наделили ее особым даром. Наблюдая за Ёнчжу и ее подругами, она ясно видела их скрытые чаяния. Влажные фантазии, которыми нельзя поделиться даже с самыми близкими друзьями. Так было и в тот день, когда Чоннан показала им видео для взрослых. Глядя на девочек, которые, сидя на полу с раскрасневшимися щеками, исподтишка двигали бедрами, Чоннан была страшно

довольна собой — смелой, хладнокровной и рассудительной женщиной, способной дать детям настоящее половое просвещение. Подумаешь, они содрогались от ужаса, когда в довершение к видео Чоннан подробно описала им другие отвратительные сцены.

Я защищаю их вместо родителей, которые понятия не имеют, что происходит в головах собственных дочерей. Чоннан была уверена, что в мире слишком много безответственных и безразличных родителей. Если уж родили детей — а они об этом не просили — в этот огромный, страшный мир, то нужно положить всю жизнь на то, чтобы их защитить. Чоннан считала, что чувствовала бы себя намного счастливее, будь у нее не одна Ёнчжу, а целая сотня детей, которых она могла бы воспитывать по своему усмотрению.

Чоннан впилась глазами в мужчину, стоящего прямо перед ней. Вместо страха ее захватило чувство триумфа. Она же говорила, мир — это отвратительное, пугающее, страшное место. Дочь никогда не верила ее увещеваниям.

— Я же велел не выходить в коридор, — произнес мужчина, однако его голос звучал не сурово, а, скорее, слегка застенчиво. — А, или вы решились? Пожертвуете собой?

— Что?

— Вы решили, что спасете дочь, а сами умрете?

За спиной Чоннан кто-то шумно втянул воздух. Это была Ёнчжу, она до сих пор не вышла в коридор. Чоннан могла четко представить себе выражение лица дочери, которую она выносила и в муках родила: ожидание. Вот-вот оно сменится ликованием, когда мать подстрелят. Думаешь, я не знала? Не так-то легко неизменно окружать любовью дочь и одновременно притворяться, будто не замечаешь, что она ненавидит родную мать, растившую ее в атмосфере абсолютной заботы.

С нее хватит! В душе Чоннан зарождалось новое чувство. «Смогу ли я и дальше любить эту девчонку?» — спросила она у самой себя. Однако ответ не шел на ум. С сегодняшнего дня она должна направить свою материнскую любовь на другой объект. Чоннан не подозревала, что состояние, называемое ею любовью, на самом деле было маниакальной одержимостью.

Ее взгляд снова сфокусировался на мужчине. Кто знает, может, он станет новым объектом ее привязанности, заменив собой Ёнчжу?

Не дождавшись ответа от Чоннан, мужчина снова открыл рот. Его голос звучал неуверенно:

— Почему… почему вы это делаете?

— Что?

— Зачем вы… жертвуете собой? Дочь ведь вас ненавидит. Она же хочет, чтобы вы исчезли. Тогда почему… вы идете у нее на поводу? Зачем потакаете ей? Вам не обидно?

«Так значит, это и со стороны видно», — горько усмехнулась про себя Чоннан. Не важно, на каких основаниях он пришел к такому выводу. Да уж, она, конечно, давно знала и страдала от этого, пока воспитывала Ёнчжу, но материнская любовь — это одностороннее чувство, оно не возвращается в полной мере.

— Нет, мне не обидно. Я родилась такой.

— И какой же?

Дуло пистолета постепенно опускалось все ниже. Чоннан наблюдала за действиями мужчины, не забывая глубоко дышать. Она инстинктивно чувствовала: пока что у него нет ни намерения, ни смелости убивать ее. Пока Чоннан не понимала, какой вариант из двух ближе к истине: ему не нужна смелость, потому что у него нет намерения убивать ее, или он отверг мысль об убийстве из-за отсутствия смелости. Однако она собиралась это выяснить.

— Люди ненавидят тех, кто не понаслышке

знает, как страшен этот мир. Они считают нас сумасшедшими. Мне тоже тяжело, но никто этого не замечает. Зато, как только их самих прижмет, начинают ныть и вешаться на меня. Я лучше всех знаю, как страшен этот мир, потому что страдала больше других, но из-за всяких лицемеров не могу сбежать в одиночку. Я отдала им всю себя и что получила взамен? Насмешки и упреки. — Немного осмелев, Чоннан посмотрела мужчине в глаза и улыбнулась. — Вам жаль меня, правда? Думаю, вы понимаете меня, молодой человек. Хорошим людям жить страшнее всего, поэтому нам и причиняют боль. Как вас зовут? Не могу же я все время звать вас молодым человеком. Можете не называть настоящее имя.

Чоннан вспомнила о всех тех людях, которые даже не удосужились спросить, как ее зовут.

— Чон Пинсын.

— Да что вы? Это ведь корейская версия Винсента?

Пинсын удивился. Ему это не приходило в голову.

— Значит, вы открыли ресторан под своим именем. Это редкость в наши дни. Раз вы устроили подобное в ресторане, носящем ваше имя, у вас, должно быть, сильно накипело. Если честно, я так

и подумала, как только вошла сюда. Человек, который создал такое необычное место, явно устал от окружающих, но в то же время относится к ним со всей душой… Все-таки все мы люди. И должны вести себя соответственно… И сколько таких добряков найдется среди нынешней молодежи? Всем ведь лишь бы посильнее задеть другого, и как тут жить по-человечески, спрашивается? — Чоннан продолжала: — А меня зовут Ким Чоннан. Хотя это уже не важно. Ведь моя жизнь в ваших руках, Пинсын. Можете выстрелить в меня, и все закончится прямо сейчас. Я просто хотела назвать вам свое имя, потому что было бы жаль запомниться матерью, от которой отреклась собственная дочь. Надеюсь, вы его не забудете.

Чоннан украдкой пощупала карман брюк. Она уже почти спасена, лишь бы Пинсын не заметил спрятанного телефона.

— Какая хорошая женщина. Я чуть не расплакалась, — внезапно вмешалась Мими. — *Вы же слышали все из кухни? С какой заботой она относится к дочери… А дочь та еще грубиянка. Вместо того чтобы быть благодарной, что ей досталась такая мать… Терпеть не могу таких людей, ненавижу. А вы, Пинсын?*

Пинсын закивал.

— На вашем месте я бы спасла эту женщину. Я хочу послушать, что еще она скажет. Ее слова приносят мне утешение.

— Мне тоже.

— Решать вам, Пинсын. Все равно убить надо всего по одному человеку со столика. Вот только… как-то нехорошо получится, если выживет та, которая отправила собственную мать на смерть.

Чоннан показалась Пинсыну хорошим человеком, к тому же он испытывал к ней нечто вроде благодарности. За то, что освободила его от необходимости нажимать на спусковой крючок. Было бы неплохо послушать ее и дальше. Не так уж часто встретишь людей, которым известно, как ужасен этот мир, поэтому он даже ощущал к ней что-то сродни чувству товарищества. К тому же Пинсыну хотелось как можно дольше продлить это состояние — когда еще ничего не произошло. Какая несчастная женщина. Престарелая мать, отвергнутая собственной дочерью… Пинсын припомнил, что ему удалось подслушать из кухни. Как можно вести себя так безнравственно в ответ на безусловную любовь? При одной мысли о дочери Чоннан в груди Пинсына закипал гнев. Такие люди должны быть наказаны. Он и сам всю

свою жизнь страдал из-за подобных мерзавцев.

Не зря он не спешил нажимать на спусковой крючок. Пинсын принял решение. Если ему придется убить одного человека со столика номер два, то это точно будет дочь.

— Госпожа Чоннан.

Пинсын понимал, что ведет себя как ребенок, откладывающий домашнее задание на потом. Но если у него была возможность не направлять дуло пистолета на человека, которого предавали и ранили, как его самого в прошлом, то он намеревался ее использовать. В мире хватало тех, кто заслуживал смерти. Причем именно они обычно и выживали.

— Пройдите сюда, в эту сторону, — Пинсын протянул руку и поманил Чоннан к себе, — вот сюда, спрячьтесь за мою спину.

В это же мгновение откуда-то раздался сдавленный крик. Где-то там, в углу, прячется дочь Чоннан. Пинсын чувствовал, как из закутка со столиком номер два так и сочатся откровенная жадность и эгоизм. Теперь он полностью понимал, что чувствует Чоннан. Кончик ее носа покраснел, и тут же хлынули слезы. Это существо, которое трусливо спряталось в темноте, чтобы выжить самой, — вот кто всю жизнь мучил

несчастную женщину.

Так же, как над ним самим вечно измывались сержанты, сослуживцы, коллеги и все остальные.

— Госпожа Чоннан, я решил сжалиться над вами. Мне так захотелось. Вы несчастны, я тоже. Таким, как мы, надо держаться вместе. Это ужасно, когда вас бросают. Я не доверяю тем, кто постоянно треплется о том, какие они бедные и обиженные. Но вам я верю, потому что видел все собственными глазами. — Пинсын снова поднял пистолет. — Я пощажу вас, так что вставайте за мной.

Чоннан шагнула вперед, громко стуча каблуками по плитке. Пинсын медленно двинулся по направлению к столику Ёнчжу. Однако не успели они приблизиться к цели, как вдруг раздался оглушительный сигнал. Чоннан подпрыгнула от испуга. Оказывается, если нажать на кнопку вызова, получается такой громкий звук. Посмотрев на Пинсына, женщина, к своему удивлению, обнаружила, что тот напуган не меньше. Не выдержав его бестолкового топтания на месте, она спросила:

— Что с вами?

— Блин! Как слышу этот звук, кажется, что

надо срочно бежать… — Пинсын, нахмурившись, тревожно озирался по сторонам. — Если не поторопиться, эти гады начнут ворчать, что я долго иду. Мне надо скорее…

Чоннан решительно протянула руку и похлопала его по плечу:

— Идемте. Если на сердце тревожно, то никакое дело не сладится. Пойдемте сначала посмотрим, что там случилось. У нас ведь много времени.

У нас.

Следуя по пятам за Пинсыном к столику номер один, Чоннан мельком бросила взгляд в сторону дочери. Ёнчжу с опаской наблюдала за матерью, выставив перед собой сумку в качестве щита. Она до сих пор не вышла в коридор. Чоннан быстро взвесила все в уме. Дочь отправила ее на верную смерть. Она предполагала, что такое может случиться, но принять это оказалось тяжело. Чоннан не ожидала, что дочь так легко отвернется от нее. Это заставило предаться новым фантазиям. Интересно, какой будет жизнь матери, потерявшей любимую дочь?

Отныне люди станут внимательно относиться к ее словам. Если она с достоинством преодолеет свои страдания и одарит любовью окружающих, ее начнут показывать по телевизору и пригла-

шать читать лекции. Она получит столько же любви, сколько отдавала до сих пор. От тех, кто явно получше, чем отвергнувшая ее родная дочь.

02

Завидев лица гостей с первого столика, Чоннан зачастила:

— Ой, господин Ли Сучхан, это вы? — И добавила, покосившись на Эчжин: — Должно быть, вы пришли на свидание с супругой.

— К-к-кто вы? — дрожащим голосом спросил Сучхан, не отрывая глаз от направленного на него дула пистолета.

— Тринадцать лет назад вы были классным руководителем моей дочери. Может, помните? Пак Ёнчжу. Женская старшая школа Намуна.

— А, ну конечно, конечно! — обрадовался Сучхан. — Всех я, может, и не назову, но вот Ёнчжу помню прекрасно.

Чоннан заметила, что испуганный взгляд Сучхана переместился на вторую руку Пинсына, которая лежала на ее плече.

— Он прекрасный молодой человек. Мы с ним отлично ладим. Ему было тяжело, вот он и совершил небольшую ошибку, с кем не бывает? Все мы ошибаемся, верно? Мы должны его выслушать, и тогда нам удастся выйти отсюда целыми и невредимыми, с улыбками на лице. Тем более

вы здесь с супругой, не так ли? — Обернувшись к Пинсыну, она продолжила: — Я ведь права? Сама я рано потеряла мужа. Когда вижу супругов, которые вместе уже много лет, слезы на глаза наворачиваются. Любо-дорого посмотреть. Вы согласны, Пинсын?

Пинсын кивнул. Сучхан молниеносно обнял Эчжин за плечи, притянул к себе и затараторил:

— Мы с моей супругой дали клятву, что проведем вместе всю жизнь, до последнего вздоха! И даже умрем в одно время и в один день, если придется! — Эчжин растерялась и дернула плечом, пытаясь освободиться от его хватки, но Сучхан вцепился еще крепче. — Моя жена всегда была очень стеснительна, а с возрастом и того пуще!

Чоннан с улыбкой сказала:

— Вот оно что, а вы и выглядите теперь иначе. Прежде вы всегда одевались так нарядно и роскошно, а сейчас совсем скромница. Вы кажетесь более расслабленной, чем раньше, госпожа. Приятно смотреть. В прошлом вы были, конечно, красавицей, но такой резкой и вспыльчивой…

Пинсын крепко стиснул зубы. Он ведь слышал из кухни все, о чем разговаривали эти двое. Неужели Чоннан не понимает? Пинсыну захотелось немедленно застрелить беззастенчиво

лгущего мужчину, но его беспокоило, что об этом подумает Чоннан. Если он будет стрелять в кого попало, она может разочароваться в нем. А ведь Чоннан пыталась понять его чувства, да и Мими она нравится. Пинсыну было сложно смириться с тем, что он держит в руках пистолет, он страдал и испытывал страх. Еще и поэтому ему хотелось разделить свою ношу с Чоннан. Казалось, эта невозмутимая женщина одним махом может привести все в порядок и сделать так, будто этого хаоса не было и в помине.

Пинсын прошептал на ухо Чоннан:

— Если человек нагло врет, я могу его застрелить?

Да и женщина, которую прижимал к себе этот мужчина, была не лучше. Оба ужасно не нравились Пинсыну.

Тем временем Сучхан продолжал изворачиваться:

— Вон оно что, вы видели мою супругу! Ну разумеется, ведь Намун такой маленький, а до появления района Сохён был и того меньше. Его же и городом-то стали называть совсем недавно, а ведь раньше мы постоянно сталкивались на улице и с детишками, и с их родителями. То на рынке около дома, то в ресторане рядом со школой.

Сучхан еще крепче обнял Эчжин.

Чоннан кивнула:

— Да, вы правы. Но мы встречались еще и на моей работе, хотя ваша супруга вряд ли меня помнит. — Несколько поколебавшись, она продолжила: — На первом родительском собрании в школе вы без умолку говорили о своей жене. Даже фотографии показывали. Такая уж она у вас утонченная, стройная и элегантная. Мне даже стыдно стало за саму себя. Я тогда спрашивала себя: зачем он это делает? Сначала решила, что вы просто хотите похвастаться красавицей-женой, но потом до меня дошло. Вы хотели помешать матерям сдружиться между собой. Хотели показать деревенским мамашам, что отличаетесь от них. — Чоннан обернулась к Пинсыну, словно ища поддержки. — Тогда ведь жизнь не была такой хорошей. Все жили бедно и выглядели как нищие, зато работать учителем было более-менее выгодно, потому-то вы и смотрели на нас свысока.

Сучхан вытаращил глаза от удивления. На самом деле он пускал в ход фотографии жены, чтобы завоевать популярность среди мамочек.

— Ваша супруга и не подозревала, что я знаю ее, поэтому и вела себя так в ресторане, где я ра-

ботала. Она считала, что еда после нее не должна достаться никому, и специально перемешивала нетронутые гарниры или бросала салфетки, в которые высморкалась, прямо в тарелку с едой. Возмущалась, что у нее пропал аппетит, потому что столик обслуживает слишком толстая женщина. — Чоннан ткнула пальцем в Эчжин. — А ты и не подозревала, что сама состаришься вот так. Неужели это ты? Как человек может так измениться?

Чоннан всем телом развернулась к Пинсыну:

— Вы же понимаете меня, правда? Вам тоже известно, что за едой люди ведут себя хуже всего. Их истинный облик выходит наружу. Есть те, кто во время еды выплескивает из себя все дерьмо. Вот она именно такая, потому-то я ее и запомнила. Как же она меня доставала! А ведь она была завсегдатаем в том ресторане, где я работала.

— Похоже, у нее много накопилось на душе, согласны?

Голос Мими заполнил сознание Пинсына. Он машинально кивнул.

— Люди часто ошибочно полагают, что полезны только уникальные образцы. Что ценность имеют только образцы, демонстрирующие результаты, которые не могут показать другие

испытуемые. Это неправда. Это ложная теория, придуманная для того, чтобы держать простых людей под контролем.

Пинсын слушал Мими, наблюдая за тем, как Сучхан закрывает рукой рот Эчжин.

— Но я-то знаю. Отсутствие образцов, которые находятся за пределами допустимой погрешности, не играет никакой роли. Мы ведь тщательно проводили эксперимент и до сих пор ни разу не допустили ни единой ошибки, верно? А теперь нам осталось лишь успешно завершить последний этап и ликвидировать испорченные образцы. Так что вряд ли стоит сожалеть о людях за этим столиком. Поэтому…

— Можно их убрать? — Пинсын, не отдавая себя отчета, выкрикнул этот вопрос вслух.

Все застыли и удивленно уставились на него. Интересно, может ли Мими «видеть» эту сцену? Пинсын не знал.

— Почему нет? Это лишь два человека, выходящие за пределы допустимой погрешности.

— Но ведь она не его настоящая жена! Это все ложь! Вранье! — опять закричал Пинсын, не осознавая, что отвечает Мими вслух.

Чоннан и Эчжин мигом сообразили, что происходит неладное. Сучхан, всю жизнь считавший

себя тонким психологом, явно переоценил собственные возможности.

— Ой? Как ты узнал, парень?

Эчжин быстро отскочила от Сучхана, протараторив:

— Этот человек лжет! Я не его жена!

* * *

Как только тени матери и опасного незнакомца скрылись из виду, Ёнчжу выбралась из-за стола и на цыпочках начала красться к столику номер три. Она двигалась в противоположном направлении от выхода. На двери висел колокольчик, поэтому выбраться незаметно ей бы все равно не удалось.

Хотя мать вышла в коридор, выстрела не последовало. Это могло означать только одно: она нащупала у преступника слабое место. Ёнчжу собиралась попросить помощи у людей за другим столиком.

Медленно продвигаясь вперед гусиным шагом, девушка выбралась в коридор и вдруг увидела две пятки, торчащие из соседнего закутка. Ёнчжу сделала еще несколько шажков. Что она надеялась увидеть? Хотела посмотреть, что за неудачники трясутся от страха по соседству с ней? Возможно.

Но вот чего она точно не ожидала увидеть, так это трагедии, возникшей по вине самих заложников.

* * *

Сана была уверена, что с Ючжин все в порядке, ведь не зря она продолжает моргать и шевелить лицевыми мышцами. Ну, допустим, у нее пропал голос. Ничего страшного, это психологическая реакция на шок. Пройдет, если немного полечить. Избивая ребят в школе, Ючжин и сама часто приговаривала: «Ну что ты дергаешься? Скоро все пройдет. Да заткнись ты наконец! Сказала же, не очкуй. Хватит реветь, сука. Да не больно тебе, я же знаю».

И все же Сана не могла отвести глаз от Ючжин, благодаря чему сумела сразу обнаружить неизвестную женщину, когда ее силуэт отразился в зрачках жертвы. Но как? Сана, задыхаясь, мгновенно отпрыгнула к стене, подальше от внезапно появившейся незнакомки. Для этого ей пришлось прильнуть вплотную к Ючжин. Голос грозил, что убьет любого, кто высунется в коридор. Тогда почему эта женщина вышла оттуда?

— Что? Что… это? — дрожащим голосом спросила девушка.

Опомнившись, Сана молниеносно бросилась вперед. Причина ее порыва была проста: она не знала, как объяснить, почему из живота Ючжин сочится кровь. Нужно избавиться от свидетеля. Эта женщина могла видеть, как Сана напала на Ючжин.

«Пырнула одну, пырну и другую. Ничего сложного». С этой мыслью Сана подлетела к незнакомке. Не зря говорят, что людьми управляют инстинкты. Сана опомнилась, только когда Ёнчжу соскользнула на пол, истекая кровью.

* * *

Пронзительный вопль разнесся эхом по всему ресторану, и Сонми с Мингён одновременно отпрыгнули друг от друга. Обе прижались к стене, отодвинувшись как можно дальше от противницы. Кто-то снова закричал.

Почему звуки доносятся из коридора? Туда же запрещено выходить. Обе женщины одновременно задались этим вопросом, но Сонми быстрее оценила ситуацию.

— Наверное, можно выйти, — предположила она.

— Это был крик.

— Но ведь не выстрел же. Значит, никого не

убили. — Будто в подтверждение ее слов, снова послышались крики сразу нескольких женских голосов. Выстрелов не последовало. Либо преступник не собирается ничего делать, либо его уже обезвредили. — Мы можем сбежать. Выходим скорее.

— Ты с ума сошла? — возразила Мингён.

Однако Сонми не собиралась возвращаться к роли доброй наставницы.

— Ты что, не соображаешь? Ничего страшного не произошло! Ну хочешь, жди. А я выхожу! Вот и отлично, мне только на руку, если тебя не будет. Оставайся здесь одна и потом умоляй этого умалишенного, когда он заявится сюда с пистолетом!

— Что ты собираешься сказать директору, когда выберешься?

— Что?

— Ты же настучишь на меня, скажешь, что я тебя кинула!

Сонми смерила коллегу недоверчивым взглядом:

— Естественно, я должна отчитаться о случившемся. Мне ведь на работу в понедельник. Хотя ты вряд ли придешь, потому что все еще будешь в заложниках.

— Хочешь сказать, что выживешь только ты?

— Я же говорю, пойдем со мной.

— Но этот псих с пистолетом велел не высовываться…

— Ты же сама сказала, что у тебя безвыходная ситуация, — Сонми скривила губы, — что ты вся из себя выдающаяся, но находишься в отчаянном положении. Что тебе приходится работать с людьми, которые тебе не ровня. Так почему бы не показать себя сейчас?

— Да я просто прикидываю, стоит ли вести себя так безрассудно!

«Только языком трепать и умеешь», — с презрением подумала Сонми. У нее не было ни малейшего желания слушать Мингён. Она не могла вынести наедине с коллегой больше ни секунды. Пусть ее лучше застрелят.

Ненавидела ли она кого-либо раньше с такой силой? Никогда. По мнению Сонми, именно Мингён виновата в том, что она испытывает это незнакомое ей доселе чувство. Она никогда бы не бросила коллегу в такой ситуации, но ведь это не кто-то, а Мингён. Сонми ничего плохого не сделала, ее просто вынудили так поступить. Это все из-за Мингён.

Решив больше не тратить время на споры, Сон-

ми на затекших ногах с трудом выкарабкалась из-под стола. В коридоре она медленно выпрямилась во весь рост. Фух, наконец-то. Подняв обе руки вверх, девушка широко потянулась. Ее подмышки были мокрыми от пота в любое время года, поэтому она никогда не решалась вести себя так вольготно. Так вот каково оно. Неужели всем, кроме нее, знакомо это прекрасное ощущение?

Ее вдруг обуяла странная смелость. Интересно, когда это началось? После криков? Или когда она выяснила, что Мингён и вправду помешана на ней? Впервые услышав выстрелы, Сонми испугалась. Однако теперь она была уверена, что непременно выпутается из этой ситуации. Впереди ее ждало много дел. Нужно пойти на работу. Она им покажет. Коллеги поймут, что Сонми стала совсем другим человеком.

Что? Выпускница Сеульского университета? Пф, тоже мне. У Мингён нет ни грамма деловой сметки, она просто не поняла, что все имели в виду. Ей невдомек, почему Чхве Сонми столько лет дорожили в этой фирме. Почему каждый раз, когда случается форс-мажор, директор и все остальные полагаются только на нее. Почему Чхве Сонми настолько важная персона, что даже на собеседованиях директор требует, чтобы но-

вички подстраивались под нее.

Сонми сделала несколько шагов вперед, но затем вспомнила, что забыла вещи, и вернулась. Не обращая внимания на Мингён, она нацепила на спину рюкзак, однако не успела развернуться, как за спиной что-то шлепнулось на пол. Пакетик с ее рвотой. Мингён настолько крепко завязала его, что ничего даже не пролилось. Сонми хотела было разозлиться, но внезапно ей стало жалко несчастную, и она, протянув руку, погладила Мингён по макушке:

— Желаю тебе в следующей жизни попасть на работу в такую компанию, которая соответствует твоим высоким запросам. Удачи.

С этими словами она скрылась из поля зрения Мингён.

03

Столик номер четыре, откуда вышла Сонми, находился во втором ряду от выхода, поэтому ей нужно было пройти мимо третьего столика. Девушка продвигалась медленно, вплотную прижавшись к стене. Она была готова чуть что сорваться на прежнее место, поэтому ее тело немного отклонялось назад.

— Помогите! Помогите кто-нибудь! — послышался вдруг крик, когда Сонми почти достигла третьего столика.

Кто-то выскочил в коридор. В рассеянном красном свете виднелось щуплое женское тело, лежавшее ничком на полу. Никто не спешил Ёнчжу на помощь. Задыхающаяся, с закатывающимися глазами, она, завидев Сонми, разрыдалась.

— Пожалуйста… помогите… — с усилием выдавила она, а затем пробормотала что-то невообразимое: — Там, внутри… кого-то убили.

Испуганная Сонми прошептала:

— Вы?

— Нет, не я… Ножом… та женщина… с ножом.

Сонми не понимала, что происходит.

— Какая женщина? Разве это был не мужчина?

И не пистолетом, а ножом?

Кивнув, девушка подползла к Сонми и схватила ее за лодыжку. Ощутив на коже что-то мокрое и липкое, Сонми вздрогнула и отступила. Руки незнакомки были покрыты кровью.

Заглянув внутрь, Сонми встретилась глазами с женщиной, которая настороженно застыла рядом со столиком номер три. Беременная, сжимающая в каждой руке по ножу, стояла без движения, молча переводя безумный взгляд с Сонми на раненую девушку. Из темного коридора было сложно рассмотреть, чем испачканы лезвия ножей. Как и было сложно рассмотреть саму женщину.

— Я ничего не видела, — быстро проговорила Сонми, закрывая лицо руками, — ничего…

Однако Сана, не дослушав ее, резко бросилась в сторону коридора. Сонми в ужасе развернулась и с криком помчалась прочь. Оттолкнув от себя раненую Ючжин, Сана кинулась следом. Сонми даже не осознавала, что несется обратно к четвертому столику, который недавно покинула с такой бравадой.

Добежав до своего столика, Сонми торопливо схватила с него нож.

— Что происходит? — спросила Мингён, но Сонми ничего не слышала.

Зажав нож в дрожащей руке, она исступленно размахивала им в пустоте. Мингён повернула голову и вытаращила глаза. Перед ней, тяжело дыша, стояла беременная женщина, со слезами сжимавшая в каждой руке по ножу. Ее платье было насквозь пропитано кровью.

— Я ничего не видела, честно, — продолжала бормотать Сонми, — совсем ничего. Не надо меня убивать. Возвращайтесь обратно. Пожалуйста… Если вы успокоитесь, вы еще можете спасти себя… Я не буду заявлять в полицию, клянусь…

От этих слов у Мингён внезапно прояснилось в голове. Убивать? Был такой способ, и кто-то оказался настолько смелым, что воспользовался им? Почему же она сама об этом не подумала? Зачем хотела выбраться отсюда вместе с Сонми? С Сонми, которая притворялась добренькой, а сама только что осыпала ее грязными ругательствами!

— Простите, но я вам не доверяю. Слишком уж многое я пережила, — заявила Сана.

— Я же сказала, что никому не расскажу!

— Как я могу вам верить? Они отправили меня сюда, сказали, что нужно просто договориться… А теперь она хочет подставить мою дочь, чтобы все остальные вышли сухими из воды… И как после

этого мне вам поверить?

— О чем договориться? Что происходит? О чем вы?

— Я не сделала ничего плохого! — взвизгнула женщина.

Когда Сана закончила свою бессвязную речь, Сонми снова выкрикнула:

— Дамочка! Я же обещала, что прикрою вас! Послушайте меня!

Мингён хорошо знала этот тон в голосе Сонми. Она пользовалась им в ссорах с подрядчиками. Сонми намертво приставала к людям, сбивая цены, затягивая сроки и перекладывая причины возникших проблем на других. «Это, конечно, ваша вина, но мы, так уж и быть, пойдем на уступки», — снисходительно говорила она, словно оказывала великую милость. Коллеги презрительно называли Сонми Латательницей Дыр. Латательница Дыр никогда не уступала.

— Я сделаю так, чтобы никто не узнал, что вы натворили. Так что, пожалуйста, положите нож. Хорошо? Послушайте меня!

Мингён всегда было любопытно: эти люди работали в отрасли многие годы, так почему они все еще ведутся на уловки Сонми? Зачем соглашаются на плату меньше положенной, зачем

стараются уложиться в немыслимые дедлайны?

Но теперь она поняла.

— Я буду держать рот на замке. Я отлично умею хранить секреты. Хотите, напишу расписку? У меня в сумке есть ручка и блокнот. Обещаю, я сделаю вид, что ничего не было!

Мингён была уверена, что Сонми прекрасно умеет «делать вид, что ничего не было». Угрозами загнать слабого в угол, а затем строить из себя невинную добродетель, даже не осознавая, что натворила, — если подумать, именно так Сонми вела себя и по отношению к Мингён.

Мингён содрогнулась. Латательница Дыр всегда несправедливо вела дела. Она и закрепила в их фирме эту порочную практику. Мингён думала, что с легкостью сможет усовершенствовать рабочий процесс в крошечной провинциальной конторе, однако на ее пути встала Сонми. Ее прямая начальница, которая ориентировалась в грязных махинациях как рыба в воде, а высшее руководство явно намеревалось сделать из Мингён личную прислугу для нее.

Мингён решилась. Она давно знала, что Сонми ее на дух не переносит, оттого было еще противнее притворяться, что ей нравится начальница. И вдруг небеса послали ей ту, кто может мгновенно

решить эту проблему, — ангела с жемчужными стразами на ногтях.

Надо подстрекнуть эту женщину, чтобы она зарезала Сонми! И руки Мингён при этом останутся чисты!

Она схватила пакетик со рвотой и, все еще не высовываясь из-под стола, с силой бросила его в беременную. Пакетик пролетел по воздуху, слегка разбрызгивая содержимое, и попал точно в цель. Ударившись о круглый живот, он взорвался, и мерзкая масса сплошным потоком вылилась наружу. Сана тут же вырвало. Растерявшаяся Сонми посмотрела на Мингён. Подняв нож, Сонми впилась в коллегу яростным взглядом и прошептала одними губами:

— Убью.

* * *

Забытая Сана и Сонми, Ёнчжу ползла по полу. Она направлялась в противоположную сторону от той, куда скрылись люди, — к матери. Ёнчжу почти не чувствовала боли, но силы понемногу покидали ее. Страшно хотелось спать. Вот бы сейчас просто лечь и закрыть глаза… Но девушка из последних сил заставляла себя двигаться, потому что ей хотелось жить. Раз уж Чоннан не погибла

— Ёнчжу теперь вообще сомневалась, что мать подвластна смерти, — то будет мудро найти ее и молить о прощении.

Она скажет, что попала в такое положение, потому что не послушалась маму; раскается в том, что вела себя как дурочка, и пообещает бросить своего возлюбленного и всю жизнь прожить вместе с Чоннан. Ёнчжу сама удивилась тому, что готова выжить даже такой ценой. В прошлом, когда ее охватывал страх, что она навечно застрянет в созданной матерью тюрьме, девушка часто открывала окно в комнате и представляла, как выпрыгнет из него. Она всегда считала, что у нее просто не хватало смелости, но нет. Оказывается, Ёнчжу хотела жить.

Почти добравшись до столика номер один, Ёнчжу услышала гвалт разных голосов, ссорящихся друг с другом. Навскидку внутри находилось не меньше трех-четырех человек. Среди них был слышен и голос матери.

— Мама! — позвала Ёнчжу, но голос ее не слушался.

Собрав все силы, она окликала мать, с каждым разом все громче и громче. Чоннан не отвечала. Ёнчжу продолжала звать мать. Силы понемногу покидали ее, хотелось спать и плакать от изнемо-

жения, но ярче всего она ощущала гнев. Как мать может притворяться, что не слышит меня? Сгорая от ярости, Ёнчжу проползла еще немного вперед. Как она может не слышать мой голос? После того, как всю жизнь следила за каждым моим шагом?!

Она позвала мать уже в десятый раз, когда кто-то вдруг выскочил в коридор. Это был Сучхан. Увидев лицо пожилого мужчины, Ёнчжу вскрикнула в два раза громче, чем до этого. На этот раз от удивления.

— Ли Сучхан!

Только теперь Ёнчжу услышали, и из закутка со столом одновременно высунулось несколько голов.

* * *

— Рана не очень глубокая. Жить будет. Чоннан, ваша дочь, кажется, любит симулировать, — жизнерадостно заявила Эчжин, слегка постучав пальцем по ране Ёнчжу.

В соответствии с указаниями Эчжин к ране приложили подгузник для взрослых, а сверху нацепили бандаж, предназначенный от болей в спине. Смущенная Ёнчжу отвернулась от женщины. Украдкой посмотрев на мать, она наткнулась на ее пугающий взгляд и в ужасе опустила глаза.

Хорошо еще, у Чоннан были заняты руки и ноги: она прижимала к полу Сучхана.

— А я-то думаю, зачем вам такая большая сумка? Но как же быть с тем, что вы пропустили работу? Бедные старики, как они обойдутся без сиделки, ведь, кроме вас, за ними некому присмотреть…

— Я должна была пойти сегодня, чтобы перевернуть их… Ко всем старикам, за которыми я ухаживаю, дети и носа не показывают. Без меня никак. Чуток разленишься — у них сразу пролежни появляются… — вздохнула Эчжин. — Оттого что я провожу столько времени со стариками, к телу уже пристал определенный запах. Люди меня избегают. А сегодня пришла сюда, чувствую, соус так сильно пахнет, аж на сердце полегчало. Вот ты скажи, от меня ведь сейчас не пахнет?

Ёнчжу быстро закивала. Пинсын рассеянно наблюдал за девушкой. Бессердечная дочь, отправившая собственную мать на смерть. Он был уверен, что она получила по заслугам, напоровшись на чей-то нож. Заметив, как Ёнчжу исподтишка изучает выражение лица матери, Пинсын разозлился. Для себя он уже все решил. Если ему и правда придется кого-то пристрелить, то среди счастливчиков непременно окажутся

дочь Чоннан и старик.

Однако в первую очередь надо разобраться с женщиной, которая бегает по ресторану, размахивая ножом. Нельзя позволить ей выбраться наружу.

— Поэтому мы и решили провести последний эксперимент, иначе как бы мы заставили людей показать их истинный облик?

Пинсын не мог не согласиться с Мими. Ей было прекрасно известно, что он испытывает страх и угрызения совести из-за задания по «ликвидации лаборатории и последующему наблюдению за подопытными животными». Ведь она знала все и читала его мысли. Нет, не так: Мими знала то, о чем думает Пинсын, даже лучше его самого. Мими была самым значимым для него существом, именно поэтому он покорно последовал ее приказу уничтожить лабораторию. Пинсын не смел перечить Мими. Он не мог потерять ее. Ни за что на свете.

А еще он винил ее. Не важно, придется ему в итоге стрелять или нет, — его ужасно тяготило, что она вообще взвалила на него этот груз. Однако ему лучше других было известно, что теперь он не сможет жить без Мими, что, выбрав его для своего задания, она не только спасла его, но и

наставила на верный путь.

— Кто это был? Женщина с ножом? — спросил Пинсын.

Ёнчжу испуганно вздрогнула. Несмотря на сильную боль, она ни на мгновение не переставала краем глаза следить за Пинсыном. Девушка не могла поверить, что все остальные ведут себя так, будто этот человек не держит в руке пистолет. «О чем они вообще думают?» — недоумевала Ёнчжу, глядя на собравшихся, и особенно на Чоннан и Сучхана. Ее великанша-мать и бывший классный руководитель, который на памяти девушки был мастером запугивать людей и издеваться над ними. Эти двое с легкостью одолели бы одного невысокого тщедушного паренька, пусть даже и вооруженного. Так почему они этого не делают?

— Ну? Кто это был? — снова осведомился Пинсын, и у Ёнчжу внутри все сжалось от страха.

Этот мужчина угрожал людям, паля из пистолета куда попало. С какой стати он так уверен в себе? Неужели он обманывает сам себя, думая, что вершит здесь некую справедливость? Или хочет почувствовать себя самым могущественным хотя бы в пределах этого ресторана?

«Ладно, сейчас не до этого», — подумала Ёнчжу. Сначала она должна была наказать Сана за то,

что та сотворила с ней такое.

— Женщина с животом. Беременная, в широком платье с ярким узором… Она не только на меня напала. Еще и на других.

Пинсын разъярился. Он уже скучал по временам, когда мог просто подслушивать чужие разговоры из кухни. Ему была нужна Мими. Она должна продиктовать ему новые правила. Посоветовать, как разрешить эту ситуацию, как выбраться из нее без необходимости убивать. Что делать с теми, кого уже ранили ножом…

Однако Мими не отвечала. Временами она болтала так много, что у Пинсына начинала болеть голова, но сейчас, когда он нуждался в ней сильнее всего, ответом ему было молчание. Взгляд Пинсына заметался по помещению. Он чувствовал, что его зрачки подрагивают от волнения. Прикованные к нему взоры окружающих ощущались как кандалы. Они будто говорили: «Ну давай, посмотрим, как ты выберешься из этого! Сейчас мы убедимся, обычный ли ты трус, который храбрится, или в самом деле чего-то стоишь».

— Беременная женщина в платье, — проговорил Пинсын, поднимая оружие до уровня подбородка.

Дуло пистолета направлено на присутствующих. Все четверо закричали, но, вместо того чтобы выстрелить, Пинсын приказал:

— Вставайте впереди меня. Я пойду последним, чтобы никто здесь не остался.

Он подвергнет их наказанию, но только после того, как разберется с женщиной с ножом. Мими бы согласилась с его планом, потому что она «хороший человек».

Та, которую он не может потерять ни за что на свете.

* * *

К разлитой по всему полу вонючей массе добавилась еще и рвота Сана. Теперь все были измазаны в ней. Сонми каталась по полу, испачканная рвотой, тут и там налипшей на ее одежду, как кетчуп на картошку фри, и была готова яростно отбиваться. Не зря она целых семь лет подряд каждый день ходила по клиентам, взвалив на плечо двадцатикилограммовый рюкзак с образцами униформ. Зато сейчас ей будет ни капельки не тяжело. В отличие от этих двух белоручек, которые явно палец о палец не ударили за всю жизнь. Последний факт не особо радовал Сонми.

Все еще сжимая нож, Сонми даже и не думала

пырнуть им кого-то. Вот если на нее нападут, она будет защищаться. Это было основной стратегией, которая управляла всей ее жизнью.

— Он сказал, что с каждого столика может спастись только один человек?

У Сонми отлично получалось исполнять чужие приказы. За последние семь лет она вынесла тонны унижений и оскорблений, уходила домой после двенадцати ночи, не получая доплаты за переработку, а по праздникам ей не то что бонусы, даже открытки не предлагали. И тем не менее Сонми все сносила молча.

Ей стало немного жаль Сана, которая дрожала всем телом. В Корее и так коэффициент рождаемости на самом дне. Но ведь она первая пыталась напасть на Сонми с ножом. Если эта женщина родит ребенка, похожего на нее саму… Сонми решила, что лучше бы ему вовсе не рождаться.

— Я тут подумала, кто принесет больше пользы обществу, если выживет, и ты…

Сонми не знала, как стоит обращаться к Сана. «Тыкать» казалось не очень подходящим. Называть ее «ачжумма»? Но это слово обычно используют по отношению к теткам возраста ее матери, неряшливым созданиям с дешевой химической завивкой, которые орут так, что у

окружающих закладывает уши. Сана же, с другой стороны, была очень дорого одета: Сонми замечала такое с первого взгляда. Платье явно не было подделкой под известный бренд. Интересно, на какой фабрике шьют такие? Какова его себестоимость?

Взгляд Сонми упал на Мингён.

— Если вместо меня выживешь ты, кто будет выполнять всю работу в компании? Ты же ничего не умеешь. Ты хотя бы знаешь, как оформлять заказы или как проверять образцы? Ничегошеньки ты не знаешь, поэтому спастись должна я.

Мингён воззрилась на Сонми со смесью неверия и возмущения и разразилась криками:

— Ни фига себе! Ну если уж так рассуждать, то выжить должна выпускница Сеульского университета, а не какого-то захудалого колледжа! Кому какое дело до твоей никчемной работы? Да я могу пойти в более крупную фирму, в этом обществе я… Разве я не права, онни?[8] Вы же тоже окончили мой университет! Это… — Мингён схватила Сана за руку и потрясла ею, — это же кольцо выпускника!

---

[8] Примечания: 8

Онни — обращение, используемое женщинами в Корее по отношению к старшим по возрасту женщинам, будь то сестры, подруги или знакомые.

Сана быстро выдернула руку, пряча глаза от Мингён. Это было кольцо ее мужа, но она надевала его, отправляясь на важные встречи, связанные с дочерью: родительские собрания, консультации с учителями или собеседования с репетиторами. Сана не стремилась, чтобы на него обязательно обратили внимание, а просто носила кольцо в качестве талисмана. Хотя и радовалась, если кто-то все же замечал. Когда среди приезжих мамочек распространился слух, что Сана — выпускница Сеульского университета, она не стала опровергать его.

«Представляю, как вы удивились. Вам, должно быть, особенно тяжело принять, что ваша дочь переживает трудный период. Ведь вы так усердно учились», — сочувствовала ей мать главной зачинщицы, держа Сана за руку с кольцом. В тот момент Сана представила, что случится, если выяснится, что она окончила местный университет в Намуне, и ее прошибло холодным потом.

— Так вы из одного университета? — спросила Сонми.

«Нет, это неправда», — хотела сознаться Сана, но от волнения язык не слушался.

Сонми продолжала:

— Вот оно что, бывает же. Но как это работает?

Все выпускники хороших вузов такие? Вы все считаете остальных ниже себя, поэтому думаете, что нам можно и умереть? Вот эта точно так считает. Насмехается над людьми, которые проработали на одном месте больше тридцати лет. Ты тоже из таких? Думаешь, что тебе позволено безнаказанно ножом махать?

— Нет! Это неправда, вы заблуждаетесь! Я не из этого университета! — Отчаяние все-таки победило волнение.

— И с чего я должна вам верить?

«Потому что это правда», — вертелось на языке у Сана. Тогда недоразумение разрешится. Но, если она выберется отсюда, все узнают, что она окончила захудалый провинциальный вуз, а не престижный университет. Шестеренки в голове Сана крутились так сильно, что у нее закружилась голова.

Сказать правду и защитить себя сейчас — или скрыть истину ради мнимого светлого будущего? Сана усиленно размышляла, но никак не могла прийти к решению. Тогда она сменила подход. На кого бы ей скинуть свою вину? Или с кем сговориться, чтобы стать «сообщниками»? Здесь ответ нашелся быстро.

Сана призналась держащей нож Сонми, что

окончила провинциальный колледж, а кольцо носит, потому что комплексует перед выпускниками элитных заведений. Она думала, объяснение займет много времени, но признание оказалось простым и коротким.

— Да, мне тоже знакомо это дерьмовое чувство. Я столько сил приложила, чтобы стать той, кто я есть, а эти никчемные полудурки смотрят на меня свысока. А у тебя еще и ребенок, представляю, как тебе тяжело, — неожиданно легко поддалась Сонми.

Сана поспешила закрепить результат:

— Да что они знают, эти сеульские наглецы.

— Это уж точно.

Почти получилось. Сана много лет прожила, подстраиваясь под мужа, поэтому ей с легкостью удавалось читать выражения лиц тех, кто сильнее. Как ей стоит обращаться к женщине, у которой в руке нож? «Тыкать» будет грубо. Это точно исключено. Она быстро перебрала в голове возможные варианты. Ачжумма, госпожа, дамочка? Какое подойдет лучше?

Однако не успела она подобрать подходящее слово, как в коридоре появилась целая толпа людей.

04

Пинсын сгорал от беспокойства. Ситуация развивалась совсем не так, как рисовалось в его воображении с подачи Мими. Она предложила вполне выполнимый план: выбрать жертв, тихо устранить их, договориться с оставшимися и получить приговор — максимум пять лет тюрьмы.

— Я бы никогда не позволила, чтобы с вами случилось что-то плохое. Неужели вы мне не верите, Пинсын?

Пинсын был не в силах противостоять влажному голосу Мими. Только благодаря ей он все еще не умер и жил прекрасной жизнью.

Пинсын задержал взгляд на нервно сжимавшей нож Сонми. При виде измазанной в рвоте одежды женщины внутри него поднялась волна гнева. В силу особенностей постройки помещение плохо проветривалось. Даже ароматный запах еды вызывает тошноту, если нюхать его слишком долго, а тут рвота. Как можно так по-скотски себя вести на территории чужой собственности? К лицу прилил жар.

— Я смотрю, вас стошнило. А ведь… вам тут не пивнушка.

Пинсын собирался приказать ей бросить нож, но первыми вырвались именно эти слова. Все уставились на него. На лицах людей читалось больше удивления, чем испуга.

— Да уж, вам ведь и завтра открываться, а тут такой запах, — затараторила Чоннан.

— Избавляться от запахов я умею профессионально, — тут же влезла Эчжин.

Две женщины мгновенно захватили инициативу. Все внимание переключилось на них.

— А как же иначе, от пожилых ведь очень сильный запах?

— А то. Еще я хорошо убираюсь и могу вывести любые пятна. Я всему вас научу.

— Вот и отлично, покажете нам потом, госпожа, когда все устаканится.

— Я же говорила, что я вам не госпожа.

— Ой, ну что вы, все мы госпожи, не одна только жена этого писателишки такая важная птица.

Пинсын свободной рукой провел себе по волосам. Открываться завтра? Как бы не так.

Точно, он ведь не отменил заказ на доставку продуктов, еще и набрал намного больше обычного. Почему он так поступил? Пинсын дернул себя за волосы. Он же знал, что сегодня последний день его работы в этом ресторане, так почему со-

вершил подобную ошибку? Даже если допустить, что он просто сделал заказ по привычке, почему Мими не остановила его? Как назло, в последнее время из-за летней засухи подскочили цены на фермерские продукты: на овощном рынке пыль столбом стоит, и, даже несмотря на это, Пинсын сделал огромный заказ на дорогие овощи.

Почему Мими не остановила его?

Неужели… она ожидала его провала?

— Жалко, — пробормотал Пинсын себе под нос.

— Что? Чего жалко? Что случилось? — тут же среагировала Чоннан.

Пинсын молча нахмурился и погрузился в свои мысли. Он ждал ответа от Мими. Хотел, чтобы она объяснила ему. Всезнающая Мими. Мими, которой было известно прошлое и будущее Пинсына, его надежды и чаяния, его пороки и достоинства.

Он даже думать не хотел о том, что Мими может не доверять ему.

Возможно, Мими тоже больше не хочет, чтобы он стрелял в людей. Пинсына осенила догадка. Ведь и Мими причиняли много боли. Подслушивая вместе с ним разговоры гостей, она тоже разочаровалась в людях и в порыве злости решила уничтожить лабораторию, а потом, наверное, пожалела об этом. Такое вполне возможно, ведь

и Пинсын раскаивался в содеянном.

Мими понимала, что Пинсын привык жить в бедности. Она наблюдала за тем, как он изо дня в день расстраивается из-за цен на продукты, хотя ему уже не нужно было беспокоиться о деньгах. Поэтому Мими…

«Ответь, Мими. — Пинсын отчаянно напряг все мышцы рук и ног. Иногда Мими появлялась, когда он так делал. — Почему ты молчишь, Мими? Скажи что-нибудь. Ты же не хочешь, чтобы я кого-то убил? Ведь нет? Ты же добрая. И ласковая. Ты тоже сейчас жалеешь о том, что мы натворили?»

Ответа все не было. Слова понемногу начали вылетать вслух:

— Все в порядке. Я не буду злиться. Каждый может оступиться. Как я могу злиться на тебя? Уж нам ли с тобой не знать, мы столько времени провели вместе. Какую бы ошибку мы ни совершили, есть куча мерзавцев, которые творят вещи намного хуже. Ты же знаешь, это они настоящее зло, а не мы. Они намеренно обманывают людей, вредят исподтишка, причиняют боль. Мими, ну ответь. Ты раскаиваешься? Ты ведь не хотела этого?

Происходило что-то странное. Мими любила поболтать. Если Пинсын, занятый работой,

ненадолго замолкал, она тут же появлялась. Мгновенно чувствовала, когда ему становилось одиноко или грустно. И она ни разу не игнорировала его, если он звал ее по имени. Так почему же сейчас Мими не отвечает?

Первой пришла в себя Сана. Подкравшись к Сонми, сжимавшей в каждой руке по ножу, она прошептала:

— Он в наушниках?.. С кем он разговаривает?

— Я ничего не вижу.

— Тогда что с ним? С кем он говорит?.. Он что, сумасшедший?

Сонми взглянула на Сана. Беременная с угодливым выражением лица усиленно делала вид, что хочет подружиться, и тем не менее стояла на расстоянии, выставив руки вперед и изогнувшись, как креветка, только бы не прикоснуться к запачканной рвотой одежде Сонми. Притом что ее саму недавно тоже вырвало.

Увидев растерянное выражение лица Пинсына и его бешено вращающиеся глаза, Сучхан наконец очнулся и снова обрел способность думать. Он прекрасно знает таких людишек: носятся себе, считая, что весь мир принадлежит им. Их бы отлупить розгами, да в последнее время все несут

глупости про насилие и всякое прочее. Идиоты.

Сейчас на его стороне не было никого, в этом и заключалась основная проблема. Хуже всех Чоннан и Эчжин — эти явно сговорились, а ведь они хотя бы близки ему по возрасту, в отличие от остальной молодежи. Вглядываясь в лица каждой женщины по очереди, он словно опять видел перед собой чертовых одногруппников. Вот из-за таких идиоток будущее Южной Кореи такое мрачное! Конечно, от них ничего хорошего не жди!

Если уж выбирать, то больше всех подходит Ёнчжу, его бывшая ученица. Сидит в углу, подальше от своей матери, и дрожит всем телом. Разлад с родителями означает, что любой может вмешаться и занять вакантное место. Выглядит невинной овечкой. Тело женщины, а разум ребенка: этих соблазнить проще всего. Именно такой и была его супруга в прошлом.

Сучхан решил действовать. Он слегка прикоснулся к локтю Ёнчжу, и та, подпрыгнув от испуга, резко подалась назад.

— Ты же готова спастись одна? — прошептал Сучхан. Глаза Ёнчжу округлились от удивления. — Ты же можешь жить без матери? Хотя нет, ты же *хочешь* жить без нее?

Девушка молчала, однако внимательно разглядывала лицо Сучхана, ее губы беззвучно шевелились. Сучхан внутренне завопил от радости. Получилось!

— Давай выбираться вместе! Мы сможем спастись. Здесь куча народу…

Четыре столика, восемь гостей. Сучхан, всю жизнь проработавший учителем, прекрасно знал, что одному человеку не под силу держать в поле зрения столько людей.

— Нам надо собраться. Видишь, он все равно не в себе, — Сучхан указал подбородком в сторону Пинсына, — даже пистолет толком держать не умеет, а уж стрелять-то тем более. Машет им туда-сюда, но, если попытаемся отнять, он не сможет отбиться.

— Правда? Он не умеет стрелять? — спросила Ёнчжу, повернув голову к Сучхану, и медленно облизнула острым языком тонкие губы.

— Ручаюсь, — прошептал Сучхан ей на ухо. — Мужчины любят молоденьких, попробуй соблазнить его. Если такая красивая девушка окажет ему знаки внимания, все точно пройдет как по маслу.

— Что я должна ему сказать? Чтобы пощадил нас всех?

Такого вопроса Сучхан не ожидал. Пощадить всех?

Что будет, если все выберутся отсюда живыми? Пойдут сплетни. Как он будет смотреть в лицо Эчжин на занятиях? А если она разболтает одногруппникам о том, что сегодня случилось? Расскажет, как он врал, чтобы выкрутиться из ситуации. А жена? Он хотел заставить подлую изменщицу раскаяться в своих поступках. Для этого он непременно должен быть несчастным мужем, который чудом выбрался почти с того света. Если вся эта заварушка закончится ничем, Сучхану от нее не будет никакой выгоды.

Нужны жертвы и преступник. Кто-то обязательно должен пострадать, будь то от пистолета или ножа.

05

Мими никогда не молчала так долго.

Пинсын отчаянно взмолился вслух:

— Мими, Мими!

Тело сотрясалось нервной дрожью. Казалось, он снова остался один во всем мире. Это ужасное чувство, которое ни разу не посещало его после появления Мими, вдруг навалилось и накрыло его с головой, как ударная волна.

Неужели она свалила все на меня и сбежала?

Нет, это невозможно. Пинсын был уверен. Мими не такая.

Тогда, может, она расскажет, в чем он провинился? Хотя это тоже странно, ведь до сих пор Мими все тщательно разъясняла Пинсыну. Ласково и терпеливо.

Пинсын обвел взглядом людей и обнаружил, что его руки дрожат сильнее, чем у Сонми, которая по-прежнему не выпускала ножи. Нужно что-то делать. Для того чтобы скрыть дрожь в руках, встряхнуть слишком уж невозмутимых подопытных, а самое главное — чтобы снова услышать Мими. Если ситуация изменится, она может вернуться. Если Пинсын очень постара-

ется, то Мими вернется, чтобы похвалить его или — если он сильно напортачит — чтобы все исправить. Что будет эффективнее? Задавшись этим вопросом, Пинсын тут же покачал головой и обругал самого себя. Когда это у него получалось сделать что-нибудь как следует? Ни разу в жизни. Значит, нужно все испортить. Если Мими больше не сможет спокойно наблюдать за его действиями со стороны, она моментально вернется. Как в первый раз, когда она нашла его.

— И… извините, — проговорил Пинсын сквозь слезы. Остальные растерянно посмотрели на него. Пинсын взволнованно сглотнул. — Если… если я отпущу вас всех, вы сделаете вид, будто ничего не было?

Повисла тишина. Нарушало ее только тяжелое дыхание, но никто не раскрывал рта. Хотя Пинсыну все равно было не важно, согласятся они или нет. Ошеломленные люди украдкой косились друг на друга. Вопреки ожиданиям Пинсына, моментальной реакции не последовало.

Пинсын снова сглотнул пересохшим горлом. Он торопливо проглотил слюну еще несколько раз. Вдруг Мими не слышно, потому что у него заложило уши? А затем громко, чтобы Мими расслышала, продолжил:

— Е… если я отпущу всех восьмерых и вам не… надо будет выбирать? Тогда в… вы все забудете? Вер… вернетесь домой и будете жить, будто ничего… не случилось? Простите все и… будто ничего не…

— Подождите, — перебили его, — а нас ведь сейчас не восемь.

Это был Сучхан. Пинсын поспешно пересчитал людей по головам. Их ведь было восемь! Кого не хватает? Двое пожилых с первого столика на месте. Мать с дочерью со второго — тут. Две коллеги с четвертого. Но постойте…

— Две женщины в одинаковых платьях с третьего столика… должны быть… — Пинсын посмотрел на Сана. — Где… та женщина, которая пришла с вами?

Сбежала? Как далеко? Пинсына охватила тревога.

* * *

Сана ни на секунду не могла перестать думать о Ючжин. Она неустанно ломала голову с тех самых пор, как Сонми отняла у нее нож. Кто видел, что она сделала? Надо только заткнуть им рот, и тогда никто не узнает о ее преступлении. Может, соврать, что Ючжин сама себя убила? Или

сказать, что она была в порядке, когда Сана покинула столик? В любом случае, если Сана выживет, все изменится. Дочь обзаведется авторитетом среди ровесников, к ней станут относиться совсем иначе.

Стоп. Сана быстро взвесила ситуацию. Если все выберутся отсюда живыми, то сегодняшнее происшествие сочтут лишь небольшой суматохой. В современном мире, где люди безразлично стучат по клавиатуре не моргнув и глазом, когда где-то погибают по десять-двадцать человек за один раз, кто обратит внимание на обычный захват заложников в провинциальном городке, обошедшийся без жертв?

Поэтому мужчина с пистолетом обязательно должен кого-то убить. Кроме Сана.

Но кого?

— Где ваша подруга? — снова осведомился Пинсын.

Его голова непроизвольно наклонялась в разные стороны. Пинсын с силой закусил губу, чтобы остановить тик, но это не помогало.

— Я… я тоже не знаю. Я уже давно ушла оттуда.

— Вы бросили подругу?

— Она мне не подруга…

Сана беспокойно завертела головой и задержа-

ла взгляд на одном лице — лице Ёнчжу, к животу которой было привязано что-то странное. Сана не успела ее хорошенько рассмотреть, но это точно та девушка, которую она пырнула ножом.

Она могла видеть, как Сана напала на Ючжин. Надо заткнуть ей рот во что бы то ни стало.

— Та женщина в платье, похожем на мое, пыталась зарезать эту девушку. Я увидела это и сбежала, — выпалила Сана, указывая пальцем на Ёнчжу.

Девушка съежилась. Пинсын строго спросил у нее:

— Кто, вы сказали, на вас напал?

— Женщина в платье…

— Беременная женщина в платье. Да, я помню. — Пинсын указал на Сана. — Разве это не она?

Не успела Ёнчжу кивнуть, как Сана завопила:

— Нет! — Ее голос дрогнул. — Это была не я, а другая женщина, толстая. Она размахивала ножом, а не я! — Сана схватила себя за волосы пальцами с жемчужным маникюром и закричала: — Сходите сами к столику номер три, вы все увидите! Убедитесь своими глазами, что это все она!

06

Кухонное помещение ресторана «У Винсента» освещалось очень хорошо. Проходя под белым флуоресцентным, как в настоящей лаборатории, светом, гости могли убедиться, что вся кухня сияет чистотой. В противоположность этому в коридоре было довольно темно, у столиков свет тоже был неярким и рассеянным. Многие посетители считали, что это сделано намеренно. Уникальный концепт и хирургически чистая кухня подавляли гостей с самого начала, поэтому, добравшись до столика, они уже так волновались, что утрачивали контроль над разумом.

И напротив, гости, покидающие ресторан, жмурились изо всех сил, как только открывалась дверь на кухню, и старались пройти ее поскорее. Не в силах разомкнуть веки, они цеплялись за ладони или локти друг друга, чтобы не споткнуться. Один блогер истолковал это в романтическом ключе: «Таким образом ресторан дает последний шанс тем, кто до самого конца не осмелился признаться в своих чувствах. Последний шанс, прежде чем открыть глаза и вернуться в пресную реальность».

Пресная реальность.

Удостоверившись, что Ючжин нет за третьим столиком, все наперегонки бросились на кухню. Самым первым у двери оказался Пинсын. Однако вместо того чтобы открыть ее, он застыл на месте. Казалось, он чего-то ждет или просто настолько устал, что сейчас заснет на ходу. Дверь распахнула Сана.

Яркий свет ослепил взволнованные лица. Все резко зажмурились, один Сучхан поспешно выхватил из нагрудного кармана солнцезащитные очки и нацепил их на нос. Благодаря этому он первым смог стать свидетелем учиненного разгрома. Повсюду виднелись кровавые отпечатки рук и ног, все шкафчики и дверки были открыты нараспашку, а разномастная утварь валялась на полу. Одним словом, хаос.

Кухня была пуста. Сучхан перевел взгляд на входную дверь, но из-за огромного стола для готовки было не видно, куда ведут кровавые следы. Он оказался слишком труслив, чтобы войти в помещение первым и проверить. Остальные как раз начали осторожно открывать глаза, понемногу привыкая к свету, и он прошептал:

— Похоже… здесь никого нет.

Что-то явно пошло не так, и от этого Сучхан

впал в полную растерянность. До сих пор он был уверен, что все они в одной лодке, но кто-то без спросу спрыгнул на берег.

Сучхан не мог предугадать, как поведет себя преступник, осознав, что одна из жертв ускользнула, и что подумают остальные заложники. Наверняка разозлятся, что не им удалось первым спастись из этого места.

Неужели эта женщина удрала и даже не заявила в полицию? Как так можно?

Больше всего испугала реакция Сана. Беременная оглушительно взвизгнула и стрелой рванула к выходу, исчезнув из виду еще до того, как остальные успели поразиться ее скорости. Отсюда что, можно было так просто сбежать?? Ошеломленные заложники раскрыли рты от удивления, но в этот момент опомнился Пинсын.

Стреляя без разбора в стены, пол, посуду и холодильники, он бешено закричал:

— Выйдете — убью! Убью каждого!

Не переставая размахивать пистолетом, Пинсын быстро зашагал к выходу.

Как странно. Дела явно идут паршиво, так почему же Мими до сих пор не подает голоса?

* * *

Зачем она так сглупила и задержалась на кухне в поисках телефона? Ючжин жалела о своем решении. Если бы она не потратила там столько сил, то уже спустилась бы на первый этаж. Но Ючжин хотела сначала заявить в полицию. Для нее, родившейся и выросшей в старом центре, новый район Сохён, где находился ресторан, ощущался как заброшенный город-призрак, поэтому она беспокоилась, что, даже если выползет, истекая кровью, на тротуарную плитку, обнаружат ее только после того, как она испустит дух.

Кто знал, что эта сучка на самом деле нападет на нее с ножом? Дышать было тяжело. Еще час назад Ючжин и не подозревала об этом, но оказалось, что кнопка лифта находится слишком высоко для человека, сидящего на полу. Встать не хватало сил.

Получится ли у нее доказать, что Сана пыталась ее зарезать? На ноже должны остаться отпечатки пальцев. Поверят ли полицейские словам Ючжин? Судимостей у нее нет, но приводов довольно много. Да и не только. Место проживания, работа мужа… Все играло против нее. К тому же Сана была беременна.

Но еще есть свидетель. Сана и на ту девушку накинулась с ножом. Как только она отвернулась, Ючжин быстро закрыла глаза и притворилась мертвой, иначе ее бы уже не было на этом свете.

— Даже если умру, сначала засажу тебя за решетку, — пробормотала Ючжин, из последних сил пытаясь дотянуться до кнопки вызова лифта.

Она потеряла слишком много крови, поэтому все попытки оканчивались провалом. Ючжин внезапно вспомнила, как дочь любила нажимать на кнопки лифта, когда они ходили к кому-нибудь в гости. И горько плакала, если мать сама вызывала лифт. В такие моменты Ючжин ругала ее страшными словами, поскольку боялась, что дочь винит ее за то, что они не могут позволить себе жить в многоквартирном доме с лифтом.

Наконец ей удалось дотянуться до нижней кнопки. Лифт, остановившийся на первом этаже, медленно пополз наверх.

Однако не успел он достичь девятого этажа, как кто-то грубо схватил Ючжин за запястье. Она вскрикнула. От испуга Ючжин даже не почувствовала боли.

— Куда это ты собралась?

Сана.

Ючжин попыталась пнуть ее ногой. Огромный круглый живот. Если только удастся попасть по нему, она сможет спастись. Однако из-за боли и потери крови силы окончательно ее покинули. В какой-то момент послышались другие голоса. Может, у нее уже начались галлюцинации? Лифт наконец приехал, открыл и снова закрыл свои двери. Ючжин попыталась закричать, но из горла вырвался лишь хрип.

* * *

Сана волоком затащила Ючжин обратно на кухню. Подол платья несчастной задрался до пояса, выставив на всеобщее обозрение ее нижнее белье.

— Вот, это она. Эта женщина кидалась с ножом на людей. Вы меня слышите? Это она пыталась зарезать вашу дочь, — обратилась Сана к Чоннан.

— Похоже, она сильно ранена… — произнес кто-то.

Южчин хотела ответить. Хотела сказать, что не нападала на Ёнчжу, что Сана лжет. Но язык не слушался ее.

Сана тем временем продолжала:

— Она искалечила эту девушку, а потом решила сама притвориться жертвой. Я ее хорошо знаю,

мы из одной школы. У нее всегда была гнилая душонка. Вечно обижала всех и издевалась над слабыми. Да ее все знали! Как общественное зло!

— Разве вы не вместе обедали?

Сана мгновенно отреагировала на прилетевшее откуда-то подозрение, смешанное с упреком:

— Ее дочь измывается над моей. Вся в мать. Зажимала мою малышку в углу, угрожала, отбирала деньги. Под предлогом того, что у нас богатая семья. Разве в этом ребенок виноват?

Ючжин вздрогнула от удивления. Сана разрыдалась. Искренне, как человек, которого несправедливо обидели.

В какой-то момент Сана действительно поверила, что эти чертовы мать с дочерью издеваются над ее ребенком, что они нацелились на нее из зависти и хотят обидеть. От таких мыслей слезы сами текли из глаз. И то, что она сейчас стоит посреди этого ужасного места и рыдает, тоже вина Ючжин и ее отродья. А ведь это так вредно для ее малыша. Сана стало жаль невинное создание в своем животе. Когда он родится, она будет любить его в два, нет, в три раза больше, чем старшую. Должна же мать как-то отплатить ребенку за то, что он стал свидетелем такого кошмара еще до своего рождения.

Сана резким движением схватила Ёнчжу за руку. Девушка несколько раз попыталась высвободиться, но ей это никак не удавалось. Сана сжимала ее ладонь с такой силой, что Ёнчжу испугалась: так и вовсе можно без руки остаться. В этот момент она впервые готова была поверить словам Чоннан о том, что мать, собственными руками поднявшая ребенка, способна победить в схватке любого силача.

— Вот кто единственный преступник здесь, по крайней мере на данный момент, — торжествующе заявила Сана. Ёнчжу не успела заметить, на кого она указывала пальцем — на нее или на себя. — Накинулась с ножом на девушку, которую увидела впервые в жизни. Нет бы полоснуть по руке, так она сразу в живот. Мы не можем позволить человеку, который совершил покушение на убийство, выйти отсюда. Как представлю, что она бродит по нашему городу… У меня ребенок здесь живет! Даже подумать страшно. Я правда… Это ужасно. Моя несчастная малышка и так столько пережила…

Сана снова разразилась рыданиями.

— Женщина с животом, в платье… Эта и в самом деле выглядит толще… — пробормотал Пинсын.

— Вот видите, — поддакнула Сана, сильнее

сжимая руку Ёнчжу, — давайте пообещаем друг другу: забудем о пистолете. Никто ведь не погиб. Просто выйдем отсюда и притворимся, что ничего не было. Но раз уж человек пострадал, раз ее ранили ножом, кто-то должен понести наказание. Давайте скажем, что это была она… Мы спокойно обедали, а она вдруг как вскочит со своим ножом…

Ёнчжу тупо уставилась на Сана, которая, отвернувшись от нее, перенесла все свое внимание на Пинсына.

— Мы ничего не скажем. Просто выйдем отсюда и станем жить, как раньше. Только эта женщина… — Сана указала рукой на распластанную по полу Ючжин. — Все, кроме этой преступницы, вернутся к обычной жизни. И вы в том числе.

Вернутся к обычной жизни?

Ёнчжу не хотела никуда возвращаться. Она хотела счастливого финала, в котором не было места Чоннан. Самое страшное — это если из-за случившегося ей придется провести остаток жизни рядом с матерью, выслушивая ее претензии. Ёнчжу долгие годы представляла себе свою смерть, однако во всех фантазиях присутствовала мать. Девушка даже помыслить не могла, что та может умереть первой, поэтому и спланировала

побег. Хотя и он не гарантировал, что Ёнчжу наконец найдет свое счастье.

Он же сказал, что только один человек со столика может выжить! Ёнчжу покосилась на мужчину с пистолетом. Если пообещал, так бери ответственность за свои слова! Нечего трясти тут плечами, как дурак. Ёнчжу внимательно присмотрелась к каждому из присутствующих, растерянно застывших после предложения Сана. Две женщины лет сорока в одинаковых платьях, две ее ровесницы с растрепанными волосами и в испачканной рвотой одежде, пожилая пара, которая явно не тянет на супругов и уж тем более любовников. Неясно, что их всех связывает, но никто из них не спешит пожертвовать жизнью ради другого. Ёнчжу, разумеется, тоже не собиралась спасать мать ценой своей жизни, поэтому ее взгляд скользнул мимо Чоннан.

* * *

В этот момент Пинсын услышал совершенно незнакомый голос.

— Говорят, тут полная неразбериха. Похоже, так и есть.

Пинсын подпрыгнул от удивления. Низкий мужской голос определенно раздавался не от-

куда-то извне, а поселился в его собственной голове.

— Ты все еще колеблешься. Почему?

— Где Мими? — не сдержавшись, закричал Пинсын.

— Я собирался ее застрелить.

— Что?

— Она же должна ответить за то, что выбрала бесполезного подрядчика. Ты так не думаешь?

Пинсын вытаращил глаза. Он не сразу понял, что имеет в виду незнакомец.

— Я поручил довести до конца простейший эксперимент, а ты вместо этого тут волынку тянешь. Конечно, придется ее застрелить.

— Застрелить?

— Она упорствовала до последнего, твоя Мими. Твердила, что ты справишься. Я смотрю, вы тут сдружились? — насмешливо продолжал голос. ***— Если слишком долго общаться с подрядчиком, когнитивные способности могут упасть до его уровня, есть такой побочный эффект. Процесс деградации изначально проще, чем эволюция. И все же так делать работу нельзя.***

— Я смогу!

— Поздно.

— Я смогу! Я прямо сейчас избавлюсь от всех них!

— В работе главное — соблюдать сроки. Важны скорость и точность. Без этого никак. Ты всегда упрямишься как ребенок? Поэтому твоя жизнь и была так никчемна.

— Не-е-е-ет! — в ужасе завопил Пинсын.

Он не осознавал, что все это время отвечал невидимому собеседнику вслух. Подняв пистолет до уровня плеч, он положил палец на спусковой крючок. Почувствовав резкие перемены в его настроении, люди ничком повалились на пол и прикрыли головы руками. Они что-то кричали, но Пинсын не слышал. В его голове звучал громкий язвительный смех.

— Если у меня все получится, ты пощадишь ее? — умолял Пинсын. — Мими не виновата. Пощади ее!

— Ну не знаю, как я могу положиться на подрядчика, который так меня подвел? У меня не осталось никакого доверия.

— Я смогу, смогу! Не убивай ее, верни ее мне!

— Не сможешь.

— Я же сказал, что смогу! — С этими словами

Пинсын в отчаянии нажал на спусковой крючок.

Что-то разлетелось с оглушительным треском.

— Сейчас расплачусь. Мими бы растрогало это зрелище. Что ж, я ей все передам в деталях.

— Дай мне ее увидеть!

— Это зависит от тебя, — равнодушно бросил голос.

Пинсын зажмурился.

* * *

Пока Пинсын кричал в пустоту, остальные, скорчившись, лежали на полу в полной растерянности. Почувствовав, что ее тянут за штанину, Сонми посмотрела вниз. Это оказалась Ючжин. Она слабо взмахнула рукой, пытаясь что-то сказать.

Сонми знала Ючжин. Они учились в одной старшей школе. Ючжин была намного старше Сонми, но о ее банде знали все, независимо от возраста. Даже после выпуска они частенько заглядывали в школу, чтобы учинить беспредел. Жажда признания. Всех этих людей объединяла неуемная алчность. Их жизнь пошла не по плану, поэтому они возвращались в школу, чтобы выместить свое зло на ни в чем не повинных детях,

младше их на несколько лет.

Сонми ни разу не встречалась с Ючжин вживую, но прекрасно знала о ней по слухам и соцсетям. Но не успела она открыть рот, как Ючжин с трудом выдавила:

— Я не… ранила ее. Как вы можете верить ей? Из-за денег? А моя дочь теперь… всю жизнь… моя дочь…

С этими словами глаза Ючжин закрылись, и она испустила последний вздох.

07

— Ничего не изменилось, — заорал Пинсын, — по одному человеку со столика, выживут только четверо! — Хотя он выкрикивал угрозы, голос дрожал, и Пинсыну так и не удалось вернуть над ним контроль. — Решайте немедленно! Если кто-то попытается сбежать, застрелю на месте.

Пинсын был в отчаянии. Если он застрелит четверых, Мими пощадят? Она вернется? Не в силах предугадать будущее, он с каждой минутой все больше сходил с ума.

— Эй, парень! Обязательно должно быть по человеку с каждого столика? — подал голос Сучхан.

Даже в этой ситуации он разговаривал снисходительным, поучительным тоном, отчего остальные насторожились, боясь реакции Пинсына. Однако все внимание последнего было занято чем-то другим, и он лишь рассеянно переспросил:

— Со столика? Плевать. Просто выберите четверых. Это что, так сложно?

— Троих, — заметила Сонми, — одна только что умерла.

Все головы невольно повернулись к Сана, и

каждый успел заметить, как на ее лице расцвела торжествующая улыбка. Однако в следующую секунду они, словно сговорившись, отвернулись и притворились, что ничего не видели. Бездыханная Ючжин лежала на полу.

* * *

— Давайте все по очереди скажут, почему они заслуживают остаться в живых, — предложил Сучхан, однако другие лишь молча переглянулись.

Первой нарушила тишину Сана. Она заявила, что пришла сюда поговорить с матерью одноклассницы своей дочери. По версии Сана, ее дочь подвергалась издевательствам со стороны дочери погибшей, но в школе потребовали мирного урегулирования, и сегодня она пришла, чтобы выслушать извинения, но вместо этого подверглась нападкам и шантажу.

— Мы вместе учились в школе, но близки не были. Те, кто родом из Намуна, прекрасно знают эту женщину, она здесь знаменита. Своим мерзким характером. — Покачав головой, Сана добавила: — И дочь вся в нее.

Затем наступила очередь Чоннан. Сначала она представила всем Ёнчжу как свою дочь.

— Моя дочь бросила родную мать, которая всю жизнь растила ее в одиночку, отдала ей всю свою любовь и заботу. После слов Пинсына о том, что он убьет каждого, кто высунется в коридор, она предложила выйти вместе, а сама спряталась, чтобы убили меня одну. А еще втайне строила планы сбежать от меня.

— Я же вышла! Я здесь сейчас! — подпрыгнула от возмущения Ёнчжу и начала оправдываться: — Да, это действительно моя мать, но очень странная мать. Всю жизнь она была нездорово одержима мной, поднимала на меня руку. Я просто хотела стать независимой, но она загнала меня в тупик. Мне уже почти тридцать! Она вынудила меня, потому что я не слушалась ее, не хотела провести всю свою жизнь, будучи прикованной к ней! Это отвратительно!

— Когда муж умер, я работала не покладая рук, чтобы ее вырастить. В ресторанах, в супермаркетах, за любую работу бралась, лишь бы у нее было все. И вот где благодарность. Теперь с деньгами стало полегче, и я предложила дочери поехать вместе отдохнуть за границей, а она заявила, что хочет жить одна. — Чоннан умоляюще посмотрела на Пинсына. — И все же я должна спасти свою кровиночку. Я же мать. Я считаю, именно так

должен вести себя родитель. Пинсын, пощадите мою доченьку. Убейте лучше меня.

— С ума сойти. Вот так она и притворяется все время хорошей матерью!

Ёнчжу обвела глазами присутствующих в поисках поддержки, но симпатии уже переметнулись на сторону матери. Пожилая женщина обняла Чоннан за плечи и успокаивающе похлопала ее по руке. Ёнчжу закусила губу. Она не знала, что еще сказать, чтобы ей поверили.

На этот раз тишину нарушила Мингён:

— Меня ничто не связывает с Намуном. Я переехала сюда из-за работы. Я изо всех сил старалась выжить здесь в одиночку, но начальница возненавидела меня ни за что. Я пригласила ее сюда, чтобы хоть немного задобрить. — (Все взгляды устремились к Сонми.) — Я хочу знать, за что ты меня так ненавидишь, Сонми. Наверное, я в чем-то провинилась перед тобой, но ты ведь могла просто поговорить со мной. Я знаю, в компании все шептались из-за того, что выпускница Сеульского университета работает в подчинении у той, кто едва окончила колледж. Но мне было все равно. Как бы ты ни унижала и ни презирала меня, я терпела. Я всего лишь хотела научиться выполнять свою работу. И сам Намун мне нравит-

ся. Но ты ведь ненавидишь меня вопреки любому здравому смыслу!

Мингён съежилась в ожидании контратаки, но Сонми молчала. Неловкую тишину вскоре нарушило чье-то притворное покашливание.

Эчжин загадочно улыбнулась и протянула:

— Я… Не знаю, что и сказать. Я уже давно думаю о смерти. — С этими словами она взглянула на Пинсына. — После выстрела ведь умираешь сразу, не чувствуя боли? Если так, то я готова уступить.

— Что вы такое говорите? — встрепенулась Чоннан.

Однако Эчжин продолжала:

— Все в порядке. Вся моя жизнь состоит из того, что я работаю кухаркой для мужа и ухаживаю за стариками. Когда смотрю на них… Думаю, лучше бы умереть быстрее, чем так. А в последнее время мне даже вставать по утрам тяжело, ненавижу все. Сейчас дети хорошо ко мне относятся, потому что я им готовлю и присматриваю за внуками, но скоро я и для них стану обузой. Думаю, сильнее всего их порадует страховка за мою смерть.

Раздался какой-то звук. Несколько человек подумали, что он похож на сглатывание слюны при разыгравшемся аппетите.

Тем временем Сучхан, загибая пальцы, пересчитывал присутствующих. Одна умерла, осталось выбрать еще троих. Уже вызвались два добровольца. За третьим столиком Ючжин умерла, значит Сана остается жить, Эчжин и Чоннан добровольно согласились пожертвовать собой. Теперь осталось двум коллегам договориться. Сучхан, уверившись, что точно выживет, вздохнул с облегчением. Однако, увлекшись своими мыслями, он пропустил следующую реплику Эчжин.

— Мне все это надоело. Однако напоследок я хочу прояснить кое-что.

— Ни за что! — завопила Сана. — Нет! Вы что, хотите, чтобы мы все пошли ко дну? Думаете, люди оставят это просто так? Не смешите меня! Решили нас всех сделать соучастниками?

— Успокойтесь, девушка, я просто назвала свое условие.

— Да вы же хотите сыграть в благородство, а из нас сделать козлов отпущения! Испортить нам всю оставшуюся жизнь!

О чем это они? Сучхан растерянно переводил взгляд с одного лица на другое, но никак не мог понять, о чем они толкуют.

Сана продолжала бесноваться. Немудрено, что

ребенок получает тумаки от одноклассников. С такой-то мамашей. В этот момент Сучхану внезапно захотелось справить нужду. Похоже, недержание мочи, которое мучило его в последние годы, некстати обострилось именно сейчас. А ведь он еще и вина выпил.

Сучхан отчаянно сжал мышцы тазового дна. На лице Эчжин вдруг появилась слабая улыбка. Чему это она радуется? Настроение у Сучхана окончательно испортилось. Ему было неприятно, что какая-то Эчжин смеет улыбаться так, будто она чем-то лучше его.

Мингён вдруг перебила Сана:

— А я согласна. Давайте сделаем это.

Да о чем они все говорят? Недовольный Сучхан снова закрутил головой и внезапно встретился глазами с Пинсыном. Последний злобно смотрел на него, его веки нервно подрагивали.

— Ни за что, — снова завопила Сана, на что Мингён лишь пожала плечами.

— Давайте проголосуем.

— Да, голосованием или как-то иначе, но мы должны выбрать еще одного человека.

— Пока одна умерла, двое уступили, еще один… Ну что ж, осталось пятеро. Из них отсюда выйдут только четверо. Если кто-то решит противиться

до самого конца, увы, ему не стать частью большинства. Того большинства, которое выйдет отсюда в целости и сохранности.

Пока все спорили, приводя аргументы за и против, Сана тихо поинтересовалась у Мингён:

— Вы не боитесь, что люди закидают нас камнями?

Мингён равнодушно бросила в ответ:

— Люди быстро все забывают. Кому есть дело до того, что произошло в какой-то деревне?

* * *

«Что со мной станет? — спрашивала сама у себя Ёнчжу, оглядывая сверху вниз раскрасневшееся лицо Сана и ее огромный выпуклый живот. — Со мной все будет в порядке? Правда? Если я выживу, все наладится? А что, если эта женщина станет преследовать меня до конца жизни? Если она побоится, что ее тайна выплывет наружу, и сделает со мной то же самое, что и с той женщиной, похожей на нее как сестра-близнец? Скроюсь ли я от нее в Японии?»

Эта женщина заявила, что Ёнчжу перепутала ее со спутницей только потому, что обе были в одинаковых платьях. Какая глупость. Ёнчжу не могла поверить в происходящее с того самого

момента, как Сана начала перекладывать вину за нападение на убитую. Однако остальные сделали вид, что поверили ей. Неужели она сможет спокойно спать после такого? Ёнчжу вдруг подумала о детях Сана. Их жизнь будет такой же несчастной, как у нее самой, если даже не хуже. Впредь мать примется оказывать на дочь психологическое давление, заявляя, что пошла на такое только ради нее. Образ Сана в мыслях Ёнчжу накладывался на образ Чоннан.

Ёнчжу решила, что она ни за что не выйдет отсюда вместе с Сана. Она не сможет жить, постоянно опасаясь возможного нападения с ножом. Подобный страх и так преследовал ее всю жизнь рядом с Чоннан. Больше она не собиралась влачить столь жалкое существование.

Ёнчжу хотела жить. Ее саму удивляло, насколько сильным было это желание. Когда Эчжин заявила, что готова умереть, девушка прокрутила в голове свое прошлое. У нее никогда не было собственной комнаты. Даже когда они стали жить в квартире попросторнее, Ёнчжу должна была всегда находиться в одном помещении с матерью под ее неусыпным надзором. Поэтому она каждый день шептала как заведенная: «Хочу умереть, хочу умереть». Однако теперь Ёнчжу

поняла. Она хотела жить, но без Чоннан. Кто знает, может, Эчжин чувствует то же самое? Вдруг она просто боится самой возможности получить свободу, проведя всю жизнь на привязи? Ёнчжу слегка прижала ладонь к ране на животе, затем сложила руки вместе и повернулась к Пинсыну.

Хозяин ресторана дрожащими губами не переставая шептал чье-то имя: «Мими, Мими».

Ёнчжу насторожилась. Это зрелище было привычным для сотрудницы центра психологической помощи. Могла бы и сразу догадаться, в чем дело.

— Мими? Ты слышишь меня? Мими, я все сделаю. Это страшно и очень тяжело, но я справлюсь. Слышишь, Мими? Ты ведь не умерла? Ты слышишь, что я говорю? Осталось совсем чуть-чуть. Они уже почти выбрали. Мне осталось только убить их. Ты же правда вернешься, если я их убью? Я же могу верить, что остальные сделают вид, будто ничего не было, когда выйдут отсюда?.. Нет! Я не с тобой разговариваю! Сколько раз повторять, что я не хочу тебя слышать… Я же сказал, что разберусь, хватит нудить!

* * *

Открытки с благодарностями от победителей, наклеенные на стену лотерейного киоска, в который она часто захаживала. Ёнчжу всегда внимательно читала оставленные в них сообщения, отчаянно желая, чтобы подобный кусочек счастья перепал и ей. Однажды среди знакомых посланий на глаза ей попалось что-то странное.

— Целый роман накорябал. Что не так с этим миром? Огромные деньжищи — и достались какому-то психу, — проворчал хозяин киоска, заметив недоумевающий взгляд Ёнчжу.

— Он живет здесь?

— Похоже на то. Им велят написать свои впечатления на открытке при получении выигрыша, а потом отправляют ее туда, где был куплен билет. Лучше бы лица показывали, как в Америке. А что? Может, мне страшно! Страшно, что такой псих заходил ко мне в киоск, видел мое лицо, покупал билеты. Еще и живет в нашем городе. Надеюсь, теперь переедет в Сеул, раз обзавелся деньгами. Нечего тут толкаться.

Ёнчжу, беззвучно шевеля губами, прочитала открытку.

Эксперименты дорого Мими выбрала люди в

мире получил много сказала выбрала много не рад получил деньги эксперимент порядок она не порадовалась мои деньги буду решать получил я мне будет лучше всех надо я Мими сказала только лучшие люди могут сказала Мими сказала.

— Люди разные бывают. Не такой уж он и странный, — заметила Ёнчжу, пряча очередной лотерейный билет под стельку кроссовки.

Слова шли ровными строками, просто были слегка перепутаны местами, и знаки препинания отсутствовали. Явно легкая форма заболевания.

08

Условие, поставленное Эчжин, было простым. Записать на видео процесс выбора последней жертвы. Обнародовать его после того, как выжившие покинут ресторан. Отправить видео в полицию и выложить в интернет.

Сана ожесточенно сопротивлялась, и Мингён зло выплюнула в ее сторону:

— Тогда, может, ты умрешь вместо нее?

Чоннан заняла сторону Эчжин, и оставшаяся в меньшинстве Сана принялась взывать к молча наблюдавшей за этой картиной Ёнчжу:

— Эта женщина пришлая, поэтому думает совсем не так, как мы. Мы ведь все родом из Намуна, нам еще всю жизнь здесь жить. Если останутся такие улики, нам конец! Крышка!

Сана не понимала, почему Ёнчжу никак не реагирует на ее призывы. Ей было невдомек, что девушка собирается как можно скорее покинуть Намун. И тем более что она считает Сана убийцей.

Не добившись поддержки от Ёнчжу, Сана переключилась на Сонми. Последняя отрешенно гладила по руке мертвую Ючжин.

— Вы же говорили, что работаете в Намуне. Уж вы-то точно можете меня понять. У нас здесь одно неверное движение — и тебя будут преследовать до конца жизни!

Сонми не отвечала. Она думала о том, какая холодная рука у Ючжин, школьной хулиганки, некогда обладавшей огромной силой. Той, кем Сонми не дано было стать. Той, в чьей тени ей не суждено было даже постоять.

Предсмертные слова Ючжин продолжали крутиться в ее голове: «Из-за денег?»

Услышав последнюю фразу Ючжин, Сонми пришла в отчаяние. И только? Неужели в этом мире побеждают только деньги? В то же время она осознала, что всем сердцем желает, чтобы истинной злодейкой оказалась не Ючжин, а Сана. Последняя принадлежала к тому сорту людей, которые изо дня в день втаптывали в грязь саму Сонми. Богатеи. Те, кто уже богат, но вечно желают захапать еще больше. Те, кто ради собственной выгоды может растоптать чужую жизнь, как надоедливое насекомое. Те, кто заставляет других бояться, даже если они ничего не сделали. Те, кто не понимает, что их действия неизменно вызывают подозрения.

Разве не так? Если люди притворились, что не

заметили твоих прегрешений, если по доброте душевной сделали вид, будто забыли о них, надо хотя бы держать рот на замке и стараться угодить им. Сама Сонми всегда вела себя так по привычке, даже если была ни в чем не виновата. Почему эта женщина так не может?

Бесит.

Сонми так и не ответила, однако это стало не важно, поскольку Сучхан тоже согласился с условием Эчжин. Сана грязно выругалась, и Мингён не замедлила отреагировать еще более цветистыми ругательствами. Только теперь Сана наконец заметила, что обстановка накалилась. Ей захотелось пырнуть Мингён ножом, однако в голову пришла неожиданная идея. Если она признается, что сама убила Ючжин, то остальные ее послушаются. Им станет страшно. В отличие от этого слабака, который только и может трясти пистолетом, она-то реально убила человека. Они не смогут отказать ей.

Только теперь Сана поняла, что всегда уважала власть, которая рождалась из доведенного до предела ужаса. В школьные годы она чуть ли не целовала землю, по которой ходила Ючжин, но не потому, что та была красивой и популярной. Сана хотелось заиметь такую же силу, чтобы

творить что захочется и никогда не получать за это наказания. Именно поэтому она не могла уважать мужа так, как в свое время почитала Ючжин. Ее «выдающийся» муж в своей огромной компании был всего лишь ничтожным рядовым сотрудником. Все в нем казалось Сана глупым. Дочь, к несчастью, пошла в отца. Но теперь Сана все стало ясно. Вернувшись домой, она всех исправит.

Сана оценила взглядом мужчину, который стоял, безучастно уставившись в пустоту и бормоча несвязные слова, будто обращался к чему-то потустороннему. Они на кухне. Здесь есть множество предметов, которые можно использовать в качестве оружия, а преступник еще ни разу ни на кого не напал по-настоящему. Вероятность успеха высока. Она победила саму Ючжин, одолеть этого хлюпика будет раз плюнуть. Сана почувствовала, как от мыслей о расплате к ней снова приливают силы.

Если она нападет на мужчину, это будет самозащитой. Героическим поступком. Он преступник, взявший людей в заложники, угрожавший огнестрельным оружием. Когда Сана расправится с ним, все посчитают ее храброй женщиной и матерью, рискнувшей жизнью, чтобы остановить

психопата. Но для начала надо притвориться паинькой, дабы ослабить их бдительность. Хотя, прежде чем разбираться с преступником, она должна еще устранить свидетельницу, которая видела, как она пырнула ножом Ючжин.

Фух, и почему так много людей должны выжить? Столько мороки.

Тут Сана снова осенила мысль: «Разве… кто-то еще здесь, кроме меня, достоин жить дальше?»

* * *

— Что? Отдать вам телефоны?

— Да, мы решили оставить видеодоказательство.

Пинсын обвел глазами присутствующих. У него болела шея. Все смотрели на него с теплыми, заискивающими улыбками. Он еще никогда не видел столько поблескивающих зубов одновременно, да и подобную доброжелательность от толпы людей тоже чувствовал впервые.

— Нельзя. Это правило ресторана.

— Но ведь вы создали эти правила.

— Нет. — Однако раскрыть им существование Мими Пинсын не решился. — Давайте я сниму видео, — выкрутился он. — Пожалуйста. Покончим с этим. Я все сниму, так что быстрее выбирайте,

кто уходит, а кто остается. — И добавил: — Мне просто… Я просто должен убить четверых. Это все, чего я хочу…

«Потому что я должен вернуть Мими», — закончил он про себя.

Часть шестая
Проверка гипотезы и получение результатов

— Так, двое выразили желание пожертвовать собой прежде, чем мы начали снимать видео…

— Ну нет. Это тоже нужно заснять. Люди должны знать, почему я так поступаю.

— Точно. Я тоже хочу вставить пару слов. Расскажу, что здесь моя дочь и как она со мной поступила, бросила меня…

— Хватит уже! Я же говорила, что она с тараканами, да ее даже матерью назвать нельзя…

— Успокойтесь, девушка. Хватит тянуть время, давайте поторопимся и выйдем уже отсюда. Мы же все решили. Ну вот, говорите скорее, сюда, в камеру. Эчжин, вы тоже продумайте пока свою речь. Иначе получится слишком длинно… Говорите только по сути.

— А беременная чего рыдает?

— Не знаю, слезы сами…

— Лицемерка.

— Что?!

— Я ничего не говорила.

— Эй, у вас вечно в кадр труп попадает! С другого ракурса снимать надо.

— Пожалуйста, давайте все успокоимся.

— Убийца.

— Да, все верно, она убийца. Вон та женщина, которая там лежит, совершила покушение на убийство. Напала на меня и ту девушку с подгузником на животе. Дочь вот этой. Она свидетельница. Мой голос хорошо слышно на записи?

— Дамочка, завязывайте уже со своей трансляцией.

— Ну знаете, мы так всю ночь тут просидим. Нельзя сначала выбрать того, кто останется? А тех, кто уже все решил, потом выслушаем. Это же рационально.

— Вот еще! А если он выстрелит в нас сразу же, как мы выберем последнего? Тогда мы умрем, не успев ничего сказать.

— Стойте, подождите. Здесь где-то была ручка. Вы бы не могли дать нам ручку и какую-нибудь бумажку? А, можно использовать бумажные ска-

терти со стола. Вы двое напишите все, что хотите сказать. Так мы сэкономим время, ну?

— Нет, дамочка, вы правда…

— На бумаге всегда лучше получается излить свои чувства, чем на словах. Вы меня простите, но люди, которые будут смотреть это видео, и так поймут, что вы сами решили пожертвовать собой. Так покажите, что вы заботитесь о других, это будет хорошо смотреться. Я прошу вас. Ну что, начинаем? Кто первый? Сонми, давай ты. Почему ты должна выжить?

— …

— Ну и что мы молчим? Сказать нечего? И то верно. Выскажусь прямо, раз уж у нас тут камера. Эта женщина работает со мной в одной фирме. Она моя начальница и известна тем, что все ее подчиненные не выдерживают на работе и пары месяцев. Раз уж на то пошло, выскажу все, что накопилось. Знали бы вы, как тяжело мне пришлось, пока я пыталась угождать ей все это время. В этой крохотной фирме…

— Ты…

— Что?

— А какая польза от того, что ты выживешь? Тоже мне. Да ты не способна выполнить никакую работу. Только и делаешь, что винишь во всем

окружающих…

— Что, прости?

— Мы же должны думать о том, чем займутся те, кто выйдет отсюда. Какую пользу принесут обществу. С какой стати ты решила, что можешь так нагло себя вести? Да у тебя же ничего нет, кроме твоего диплома! Живешь в попытках угодить мне, потому что сама ничего не стоишь…

— Меня, вообще-то, наняли в эту фирму!

— Просто ошиблись. Или пожалели. В общем, пользы обществу от тебя ноль. Хоть бы не вред, и то спасибо. Эй, беременная дамочка, ты же говорила, твой муж тоже из ее универа? Что бы он подумал о такой бесполезной выпускнице? Позорит престижный университет… Ах ты сука!

— Эй, а ну успокойтесь! Вы, там! Разнимите их!

— Мы тут, вообще-то, пишем последнее слово, как вы велели, еще и этих должны разнимать? Пошел ты!

— Чего?!

— Почему бы вам самим их не разнять, господин директор? Вы же в этом мастер, ну или были в прошлом. Лупили детей хоккейной клюшкой да взятки принимали от мамаш. Катались как сыр в масле со своей дражайшей женушкой. Моя дочь все мне рассказала.

— Не было такого!

— Ну-ну, конечно. Вот, кстати, полюбуйтесь на мою драгоценную доченьку. Ныла тут, что скоро ноги протянет, а сама жива-живехонька. Только языком чесать и умеет. Интересное видео получится, я бы взглянула!

— Подождите!

— Заткнись! А это еще откуда вылезло?

— Те, кто много где работал, все замечают. Я сразу вижу, что где лежит. Где мне только ни пришлось поработать в этой жизни.

— Послушайте, это же какой-то бардак. Мы ведь занимаемся совсем не тем!

— В смысле?

— Зачем вы все говорите не о том, почему именно вы должны выжить, а почему заслуживает умереть другой?

— Так это одно и то же.

— Нет, мы ведь не пытаемся выбрать, кого убить. Мы не убийцы и не собираемся никого убивать. У нас просто нет выбора, это не наша вина, мы поступаем так только для того, чтобы выжить…

— И то правда. Ты молодец, девушка, все правильно рассудила. Вы, молодежь, должны ладить между собой, а не кидаться тут друг на дружку…

— Вот и хорошо. Давайте начнем с вас, дедуля. Почему вы заслуживаете жить?

— Так… Ну… Во-первых. У меня есть семья, которая меня очень любит. Жена.

— А дети? Если у вас нет детей, то, честно говоря, в вашем возрасте… Вашей жене будет даже лучше, если вы поскорее умрете.

— Есть, а как же… Конечно, есть дети…

— Вот ведь врун. Я все равно скоро умру, больше не могу терпеть. Я непременно должна сказать. Этот старик наврал, что его жена умерла…

— Ох, Чоннан, я же говорила, не надо…

— Врет на чем свет стоит! Сначала наплел Эчжин, что его женушка умерла, а потом, когда пришел Пинсын, принялся уверять, будто Эчжин его жена… Вот такой он подлец, этот старикашка!

— Я не врал! Я правда люблю Эчжин…

— Любишь?! И все равно толкаешь ее на смерть??

— Эт… это…

— О'кей, дедулю пока пропустим. Давайте дальше. Эй, вы, с подгузником! Говорить можете? Будет, конечно, больно, но…

— …

— Давайте побыстрее.

— …

— Ну и ладно, черт с вами. Моя очередь. Так вот, я всегда была живым примером невезения. Все, кто был намного хуже и глупее меня, живут себе припеваючи, квартиры купили, замуж повыскакивали. Только мне одной не везет. Честно говоря, даже фирма, где я сейчас работаю… там все устроено так неэффективно и глупо. Но я могу все там исправить. Если выберусь отсюда, правда-правда, все там налажу! Да и в остальном тоже…

— Да ты бестолочь, тебе же ничего доверить нельзя.

— Сука!

— Я уж не знаю, как ты там училась, но на работе у тебя были сплошные косяки. Все приходилось за тобой переделывать. Да еще и смеет смотреть свысока на жителей Намуна!

— Сонми, ты же сама предложила назвать причины, почему каждый должен выжить! А не клеветать на других!

* * *

Ёнчжу наблюдала за Пинсыном, который сжимал в руке телефон. С какого-то момента все так увлеклись спором на повышенных тонах, что перестали обращать на него внимание. Никто не

замечал, что Пинсын несет что-то бессвязное, держа телефон прямо у своего рта, и на записи будет слышно только его бормотание. Ёнчжу специально пристально посмотрела в камеру, но никакой реакции от преступника не последовало, поэтому девушка, не сводя глаз с мобильника, медленно двинулась в его сторону. Пинсын продолжал взволнованно разговаривать сам с собой. До тех пор, пока она не оказалась в одном шаге от него.

— Пообещай! Поклянись! Дай услышать ее голос хотя бы разочек, тогда я точно справлюсь. Сука! Да я тебя… Прошу прощения, я правда смогу это сделать. Я не виноват, просто они слишком долго решают… Нет, хватит! Не уходи, не уходи. Я правда могу прямо сейчас выстрелить… Хорошо, я убью всех. Не стану ждать, перестреляю их сейчас же, только дай услышать ее голос…

Внезапно манера речи Пинсына полностью изменилась:

— За третьим столиком один человек погиб от удара ножом. Преступник — женщина за тем же столиком. Утверждает, что не делала этого. Да… Будет ли она чувствовать угрызения совести, если выйдет отсюда? За четвертым столиком двое презирают друг друга, всем плевать, кто из них спасется, а кто умрет. Первый столик…

Один — ужасный лжец, вторая притворяется благородной и говорит, что пожертвует собой, но тянет время с завещанием… Второй столик… Мать сказала, что готова умереть, лишь бы спасти дочь, но та неблагодарная, ее растили… Надоело, достало… Ненавижу…

Ёнчжу пристально смотрела на пистолет в руке Пинсына. Ее совсем не удивило, что парень прекрасно осознавал всю ложь и притворство остальных. Это было вполне логично. Обычно такие люди ломались первыми. На работе ей часто приходилось видеть тех, кто знал слишком много об этом мире, из-за чего больше не мог найти в себе сил продолжать верить в людей.

Ёнчжу полагала, что Чоннан получает жизненную энергию за счет того, что постепенно превращает в смертельного врага все вокруг себя. Девушка не хотела этого признавать, но она всегда восхищалась женщиной, которая явила ее на этот свет. Бесконечная подозрительность и ненависть к окружающему миру уживались в Чоннан одновременно с тщательным соблюдением внешних приличий. Мать выглядела счастливой, только когда читала плохие новости.

То, что Ёнчжу выучилась на психолога, было закономерным результатом ее воспитания. Од-

нако, начав консультировать, она столкнулась с новыми трудностями. Неурядицы, которыми делились ее клиенты, редко превосходили воображение Ёнчжу, а ее позитивный настрой никак не мог послужить для них действенным рецептом. «Вы говорите такие банальные вещи, будто из книг по личностному росту. Вас, должно быть, воспитывали в тепличных условиях», — как-то заявил один, и Ёнчжу впервые ощутила сильную ненависть к кому-то, кроме Чоннан. Да что ты обо мне знаешь? С тех пор она полностью изменила свой подход. Всех новых клиентов встречала одним советом: «Закройте глаза и подумайте. Подумайте о человеке, которого ненавидите больше всего на свете. Хотя нет, вспомните того, чье существование заставляет вас испытывать даже не ненависть, а чувство обиды. Что? Должен ли это быть только один человек? Нет, что вы. Чем больше, тем лучше. Вспомните всех. Ну как, теперь начинаете понимать?»

В беседах с пациентами Ёнчжу использовала логику Чоннан: «Те, о ком вы сейчас вспомнили, — это общественное зло. Они портят вашу жизнь, из-за них вам так тяжело. Проблема в нашем социуме, который позволяет жить припеваючи тем, кто заслуживает умереть, поэтому

мы и страдаем. Это своего рода знак отличия. Чем больше грусти и страданий вы испытываете, тем более чистыми и благородными людьми становитесь. Вы должны гордиться собой!»

Ёнчжу позвала Пинсына по имени, взяла его за руку и заглянула прямо в глаза:

— Почему вы медлите?

Пинсын посмотрел на Ёнчжу. Девушка хотела улыбнуться, но побоялась, что он воспримет это как насмешку.

— Вам сложно принять решение? Но мир таков и есть. Стоит лишь на секунду засомневаться, как вас тут же сбивают с ног, презирают и перестают даже за человека считать.

— Я больше не могу… — Пинсын сотрясался всем телом. — У меня опять ничего не получится, как всегда.

— Нет. — Ёнчжу решительно замотала головой. Ни за что. Надо довести дело до конца. — Иначе все станет как прежде.

— Как… прежде?

— Да, вам придется жить как раньше. Но теперь вас точно все будут презирать. Станут болтать, что вы угрожали людям пистолетом, но струсили и не смогли ничего сделать. Больше вам не дадут ни единого шанса.

— Этот ублюдок так сказал?

— Да, этот ублюдок, — с готовностью подтвердила Ёнчжу, не имея ни малейшего понятия, о ком идет речь. — Вспомните, почему вы вообще начали все это.

— Не знаю…

— Может, вам кто-то приказал?

Ёнчжу осознавала, что разговор записывается на камеру, но была уверена, что сможет все объяснить, если выберется отсюда. Достаточно будет сказать, что она пыталась успокоить психически нестабильного преступника, и просто забыла упомянуть о том, что при этом надеялась, что он всех перестреляет.

— Приказал… Мне приказали…

— Если вы не доведете все до конца, он вас накажет?

— Уже… наказывает. Сейчас. У него в заложниках…

«Ого», — удивилась Ёнчжу, придвигаясь поближе.

— Он держит кого-то в заложниках? Так значит, некто взял в заложники человека и шантажирует вас?

Пинсын кивнул. Гвалт за спиной становился громче, но Ёнчжу не обращала внимания.

Пинсын все еще судорожно сжимал телефон, но его руки сильно дрожали и ничего не попадало в кадр. Девушка быстро приняла решение. Вспомнила, как Чоннан держала ее в плену и издевалась все эти годы. Все повторится. Если я не сделаю все проще…

— А что, если я возьму все на себя? — проговорила Ёнчжу. — Как вам такое? — Пинсын удивленно воззрился на нее. — Если это сделаю я, вам не придется отвечать за преступление. Дело будет доведено до конца, и близкий вам человек не пострадает. Сейчас вам нужно только одно — довериться мне. Только доверьтесь мне, и все решится само собой.

— Но как я…

— Как вы можете верить мне? Вам кто-нибудь говорил раньше? О том, насколько ужасен этот мир?

Пинсын с подозрением смотрел на Ёнчжу. Так вот она какая? Но ведь она казалась совсем другой. До сих пор у девушки не получалось возразить никому, включая собственную мать.

Однако… чем дальше, тем больше Ёнчжу напоминала ему Мими. Все это время он представлял Мими хрупкой, изящной девушкой на несколько лет младше его. Мими не могла быть крепкой,

с презрительным взглядом, как у женщины с четвертого столика; ласковой, но некрасиво постаревшей, как женщина с первого; тучной, как женщина со второго столика; и уж конечно, у нее не могло быть сомнительного прошлого, как у парочки с третьего, и их ужасного тщеславия. Внешность Ёнчжу и слова, которые слетали с ее губ, удивительно отвечали образу Мими, который сложился в голове Пинсына.

— Мими. У меня никого нет, кроме Мими.

— Так это Мими вам приказала? Сделать это? — Пинсын уставился на Ёнчжу, вытаращив глаза от удивления. Сам того не замечая, он кивнул. — Но ведь Мими не взяла на себя ответственность.

Пинсын хотел возразить девушке, что Мими не такая. Да разве может та понять, как Мими поддерживала его, когда он уже готов был расстаться с этой жизнью?! Однако от следующих слов Ёнчжу он потерял дар речи.

— Она хотя бы посоветовала вам, как привести все в порядок после хаоса, что вы учинили? Как оправдаться в полиции, как преодолеть травму? Хоть что-то из этого? Или она только приказывала? Шептала сладкие обещания?

Неужели она права?

— А я готова взять на себя ответственность.

Сделать все за вас. Вы спасете Мими и не попадетесь полиции. А, пистолет. Просто скажите мне, где вы его взяли, и на этом все закончится. Вы всего лишь несколько раз выстрелили в стену. Проведете пару дней в камере, и вас отпустят.

Глядя на Ёнчжу, Пинсын отдался воображению. В Южной Корее уже давно не применяют смертную казнь… Поэтому девушку не убьют. Что, если он будет часто навещать ее в тюрьме? Эта маленькая хрупкая девушка и в заключении останется ласковой и кроткой. Ее пожалеют и смягчат приговор… Пинсын сможет получить от нее то, чего не мог от Мими. Прикосновения. Он попробует на ощупь эту мягкую кожу…

Она лучше Мими.

Голос в голове резко оборвал свой язвительный смех и растерянно закричал. Пинсын получил от этого удовлетворение.

— Я убью твою Мими! Думаешь, не доберусь до тебя? Как можно быть таким беспечным? Вот потому-то ты никому и не нужен! — надрывался голос, но Пинсын, к своему удивлению, больше не чувствовал от него никакой угрозы.

Потому что девушка стояла перед ним. И она была настоящей.

Пинсын впервые подумал о том, что Мими бы-

ла несовершенна. И протянул пистолет Ёнчжу.

— Она выстрелит в тебя! — завопил голос.

Но Пинсын лишь покачал головой:

— Нет, она не станет. Я вижу ее истинные намерения. — С этими словами на его лице расцвела счастливая улыбка.

Теперь пистолет был в руках Ёнчжу. Путы, что все это время до боли стягивали сердце Пинсына, резко ослабли. Или, может, все просто вернулось на свои места? Он снова стал самим собой — парнем, у которого ничего не было за душой. Пусть так, это не важно. Ведь взамен он получил Ёнчжу.

— Тяжелый, — заметила Ёнчжу, и Пинсын согласно кивнул. — Вам, должно быть, пришлось непросто.

Пинсын закивал еще сильнее.

* * *

Проблема в том, что все может измениться в мгновение ока.

Внезапно завыла сирена. Кто-то включил громкоговоритель, которым Пинсын пользовался в коридоре. Где же он его оставил? Парня словно сильно ударили по голове. Память напрочь отшибло.

Пинсынн растерянно моргнул. В следующую секунду перед ним оказалось другое лицо.

— Мы решили! Слышите? Я говорю, мы решили!

Перед ним стояла не Ёнчжу, а Сана. В руке она сжимала нож, не столовый, а большой кухонный нож. Женщина что-то говорила, но из-за оглушительного визга сирены ничего не было слышно. По шее Сана катились крупные капли пота.

— Мы проголосовали! Единогласно!

В глазах потемнело. Пинсын моргнул, и в следующую секунду оказалось, что в руке Сана больше нет ножа. Парень беспомощно завертел головой в поисках Ёнчжу. И обнаружил, что она соскальзывает на пол, корчась от боли. Пинсын краем глаза следил за ее телом — маленьким, сьежившимся. Из согнутой поясницы торчал нож. Как ни в чем не бывало Сана заговорщически прошептала на ухо Пинсыну:

— Мы все решили. Как ни крути, а дочь, бросившая собственную мать, хуже всех. Верно? Единогласно! Мы хотели дать ей шанс оправдаться, но сколько ни звали, она не отвечала. Пришлось сдаться. Что тут поделаешь? Мы поступили так, как должны были.

Только теперь Пинсын понял, что его руки

бессильно опущены. Телефон валялся рядом на полу, камера смотрела в потолок. Интересно, будут ли на видео слышны голоса? Пинсын сам еле разбирал шепот женщины. Нет ни малейшей вероятности, что он попадет на запись.

— Стреляй! Мы же выбрали троих! Стреляй, скорее! Ну же!

Вот только у Пинсына не было пистолета. Он остался в руке у Ёнчжу, которая лежала на полу с ножом в спине. А женщина, даже не подозревая об этом, продолжала наседать на Пинсына.

Он медленно перевел взгляд на Ёнчжу. В голове крутились сладкие обещания, которых он так мало успел услышать. Впервые в жизни Пинсын испытал что-то подобное, и это у него отобрали с такой легкостью. У этих людей и так есть все, но они решили захапать еще больше и отняли у Пинсына самый счастливый момент в его жизни. Раньше он считал, что ему недоступна печаль от потери, потому что у него ничего не было, но теперь он понимал: вот оно. Пинсын вспомнил о сотнях людей, за которыми так пристально наблюдал со стороны. Из горла вырвался невольный смешок. Так вот какое это чувство. Он всегда думал, что хуже его жизнь быть уже не может, но оказалось, это не так. Просто до сих пор он

не знал, как больно заполучить кого-то, а потом потерять.

Ёнчжу, скорчившись, лежала на полу. До ушей Пинсына больше не доносилось ни звука. Девушка хотела снять с него проклятие и в итоге умерла сама. Упав на колени, Пинсын пополз в ее сторону. Он должен был увидеть ее поближе, пока ее дыхание не остановилось, пока в ней еще теплилась жизнь.

Внезапно что-то вспыхнуло у него перед глазами, и по губному желобку потекла горячая жидкость. Пинсын схватился за нос и упал на спину. Кто-то пнул его ногой? Или со всей силы ударил пистолетом? В голове помутилось. Из последних сил стараясь оставаться в сознании, Пинсын грязно выругался и попытался сфокусировать мутный взгляд.

— Вы что, совсем сбрендили?! — послышался визг Сучхана.

Зрение понемногу возвращалось. С губ сорвался протяжный стон. Люди метались вокруг, как распуганный косяк рыб.

— Встать можете? — Кто-то грубо, что не сочеталось с ласковым голосом, схватил Пинсына за шиворот и резко поставил на ноги.

В ту же секунду раздался щелчок. Какой знако-

мый звук. Пинсын точно уже слышал этот…

В его затылок уткнулось что-то прохладное. Пистолет. Пинсын замер.

Снова взвыла сирена. Пинсын вспомнил о телефоне. Где телефон? Кажется, Пинсын опять выронил его, когда его чем-то ударили.

Откуда-то донесся аппетитный запах. Щеке вдруг стало очень жарко. А, вот оно что. Газовая горелка. Он пользовался ею, чтобы поджарить стейк с внешней стороны.

— Все так легко согласились с тем, чтобы я умерла, что мне пришлось передумать, — произнес ласковый женский голос.

В воздух взметнулся черный пепел. Пинсын с силой потер глаза. Это были остатки сгоревшей бумаги.

Часть седьмая
Недостатки исследования и меры по их устранению

Эчжин писала завещание. Решив умереть, она наконец почувствовала на душе покой и умиротворение. А как легко лились слова на бумагу! Эчжин впервые испытывала подобное, и это крайне ее изумило. Словно все тяготы, которые выпали до сих пор на ее долю, были созданы специально для того, чтобы теперь оказаться на этом листке бумаги. Глядя на Чоннан, которая, сидя напротив, корпела над своим завещанием, Эчжин подумала, что, возможно, ей просто нужна была товарка по несчастью.

Однако даже после того, как она написала и переписала начисто свои последние слова, остальные продолжали яростно спорить. Эчжин пожертвовала жизнью ради них, а они все равно

думают только о себе? У нее пересохло в горле, и женщина обвела глазами кухню в поисках питья. Холодильник с напитками находился слишком далеко от стола, за которым она сидела. Но к счастью, под рукой оказалось кое-что другое.

Вино. Эчжин протянула руку и схватила одну из бутылок. Заметив это, Чоннан тихо улыбнулась, и Эчжин катнула в ее сторону вторую бутылку. К счастью, штопор не понадобился: обе бутылки были с винтовой крышкой. Женщины одновременно поднесли напиток к губам. А затем, словно сговорившись, начали с удовольствием пить и наблюдать за разворачивающимся прямо перед их глазами спектаклем. Иногда они даже менялись бутылками. Вино Эчжин оказалось горьковатым, а у Чоннан — сладким.

— А я ведь чуть было не умерла, даже не смочив горло, — сокрушалась Эчжин, когда обе уже прикончили по бутылке.

Поддерживая друг друга под руку и хихикая, женщины принялись осматривать кухню. «Как тут много интересного. Как велик этот мир. Понятно, почему люди смотрят на меня свысока», — думала про себя Эчжин, качая головой.

— А это что? — поинтересовалась Чоннан, держа в руках консервную банку с этикеткой, на

которой все было написано на английском.

Эчжин честно призналась:

— Не знаю. Не умею читать по-английски. Вот я безграмотная, да?

— Я тоже. Поэтому, наверное, никто даже не стал притворяться, что хочет остановить нас, когда мы согласились умереть.

Интересным вещицам не было конца. Эчжин, наклонившись, продолжила шарить по бесконечным ящикам и полкам. От вина кружилась голова, и Эчжин постоянно роняла что-то на пол.

— Ой, взгляни сюда.

В открытом ящике лежали телефоны. Судя по тому, что Эчжин обнаружила свой, это были мобильники гостей. Она уставилась на Чоннан. Та инстинктивно обернулась. Никто не обращал на них внимания. Ёнчжу, явно что-то замыслив, стояла прямо перед Пинсыном. Загораживая ему обзор.

Эчжин схватила свой телефон, засунула его между бедер и поспешно сжала ноги. Чоннан прикрывала ей спину. Руки тряслись мелкой дрожью. Опасливо озираясь по сторонам, Эчжин нажала на кнопку быстрого вызова. Впоследствии полиция спрашивала у нее, почему она сразу не позвонила в службу спасения. Что же

Эчжин ответила? «…Тогда я еще не могла поверить, что выживу, не думала, что спасусь… просто хотела попрощаться с близкими…»

Старший сын не брал трубку. Младший буркнул, что на работе, и сразу отключился. Муж ответил. Хотя нет, назвать это простым словом «ответил» было бы неправильно. За все время благоверный успел оставить на телефоне Эчжин двадцать пять пропущенных. Не успели пойти гудки, как он поднял трубку и разразился благим матом. Эчжин пришлось поспешно отключиться.

Она не успела сказать ни слова на прощание, ни оставить напутствия. Эчжин не дали даже слезу пустить.

— Мы ошиблись. Мы с тобой все сделали не так, — с горькой усмешкой проговорила Чоннан, и Эчжин стыдливо опустила голову.

Неужели она прожила настолько жалкую жизнь, что заслужила такое обращение? Сколько бы она ни думала, это казалось неправильным. Эчжин всегда делала все, что было в ее силах. Ей постоянно приходилось сталкиваться с несправедливостью, обидами, страданиями и болью, но она терпела, сжав зубы. Когда становилось совсем невмоготу, Эчжин шептала себе: «Пусть

только дети подрастут. Вот подниму их на ноги и буду творить все, что захочу!»

Внезапно ее охватил гнев. Все тело запылало жаром.

— Ой, кажется, алкоголь на меня плохо действует, — пробормотала Эчжин.

Чоннан прыснула:

— Эй, подруга, да ты просто разозлилась.

Человек, который может только молчать в ответ на несправедливость, — такой была Эчжин. За похвалами ее доброте, приветливости и ответственному поведению всегда скрывалось презрение: «Бывают же такие идиотки». Она прекрасно знала об этом, но продолжала улыбаться. Ждала, что придет лучшее время…

Полный бардак. Все это полнейший бардак. Не выпуская из рук пустую бутылку из-под вина, Эчжин медленно обвела глазами кухню. Повсюду виднелась знакомая утварь и диковинные приправы. Эчжин тихо присвистнула.

— Думаешь, кто-нибудь будет проводить по нам поминальные обряды?

— Как же, мечтай, — мгновенно отреагировала Чоннан.

Эчжин со злостью смяла листок с завещанием. Были времена, когда она считала, что поминаль-

ные обряды чеса[9] — самое важное дело в жизни. Трудилась не покладая рук, хотя была не самой старшей невесткой в семье мужа. Не хотела, чтобы на нее косились с укором. Мечтала услышать от родственников, что она примерная невестка, что ее муж привел хорошую жену. Думала, что в противном случае предки непременно накажут их род. Эчжин вспоминала о том, как мужчины сжигали молитвенные таблички, когда кто-то вдруг постучал ее по плечу. Опомнившись, она увидела, что Чоннан держит в руках газовую горелку. Будто знала, что на сердце у Эчжин.

— Ты что, мысли читать умеешь?

Чоннан ответила:

— Да просто кипит все внутри из-за того, что никто и глазом не моргнет, если мы умрем.

* * *

Телефон Чоннан, который она дала Пинсыну, чтобы тот записал видео, продолжал работать. Ка-

---

[9] Примечания: 9

Чеса — традиционный корейский обряд жертвоприношения предкам, проводимый в годовщину смерти или в особые праздничные дни. Во время обряда на специальный стол выставляются блюда и алкоголь: считается, что духи предков принимают угощение. Чеса символизирует почитание предков, сохранение родовых связей и иерархии. Традиционно ритуал проводится мужчинами рода, что отражает конфуцианскую патриархальную структуру корейской семьи.

мера сняла все от начала до конца. Как удобно.

Позже, когда семьи погибших подняли шумиху, узнав, что у Чоннан все это время был телефон, но она не вызвала полицию, им дали прослушать запись, на которой их погибшие родные бесстыдно, с пеной у рта выбирали жертву для последующего убийства. Пристыженным родственникам осталось только удалиться с поджатыми хвостами. Растерянность и стыд за поведение родных в последние минуты оказались куда сильнее, чем тоска по любимым и гнев из-за их ужасной кончины.

Единственный труп, который не сгорел, нашли прислоненным к стене у выхода, с газовой горелкой в руке. Из живота и спины торчало по ножу. На рукоятках нашли отпечатки одной из жертв, сгоревших в пожаре. Среди выживших оказалась Чоннан, мать Ёнчжу, чей труп тоже каким-то чудом почти не задело огнем. На видео осталось запечатлено свидетельство великой материнской любви: Чоннан умоляла преступника пощадить дочь и убить ее саму вместо нее. Также там было четко видно, кто зарезал Ёнчжу. Семья Сана тихо покинула Намун еще до того, как завершилось расследование.

Рекомендации для дальнейших исследований

Двое погибли еще до того, как начался пожар. Ли Ючжин, сорок два года, мать школьницы, подвергшейся буллингу со стороны сверстников. Пришла в ресторан «У Винсента», откликнувшись на просьбу другой родительницы поговорить, дабы прийти к соглашению. Вторая жертва — Пак Ёнчжу, двадцать девять лет, сотрудница центра психологической помощи в Намуне. Пришла пообедать с матерью в выходной день. Убийца один и тот же. Как только дело придали огласке, на дочь убийцы посыпались гневные комментарии в интернете. Арин спешно уехала туда, где о ней никто не слышал. Все подозрения в буллинге пали на девочку, хотя та лишь наблюдала за действием со стороны. Школьные годы остальных малолетних преступников прошли блестяще, как поверхность гладкой оберточной бумаги.

Двух пожилых женщин, инициировавших пожар, отпустили, признав их действия необходимой самообороной. Общественность сплотилась в единодушной поддержке несчастной матери,

потерявшей дочь в результате инцидента. Немалую роль сыграло и то, что единственным человеком, погибшим непосредственно из-за пожара, была Сана — женщина, напавшая с ножом как минимум на двух жертв. Другие выжившие — пожилой мужчина и две женщины, назвавшиеся коллегами, — только успели надышаться дымом и были спасены вовремя подоспевшими пожарными. К мужчине, Сучхану, то и дело поступали просьбы об интервью от разных СМИ. Несколько местных мелких политических партий пригласили его в свои ряды. Мингён и Сонми часто звали на совместные интервью. Поначалу обе вели себя крайне скованно, но постепенно расслабились.

Трое погибших, пятеро выживших. О посетителях ресторана «У Винсента» все говорили только в этих цифрах. Не учитывался лишь один участник события — Пинсын. Он был заключен под стражу по обвинениям в шантаже и запугивании. Никто из жертв не погиб и не был ранен по его вине, поэтому приговор оказался мягче, чем ожидалось.

Люди возмущались. Считали, что Пинсын не имеет права притворяться душевнобольным. Окружающие безжалостно загоняли его в тупик, искренне веря, что сами на его месте никогда не

окажутся. Никого не волновало, что на самом деле ни один из заложников не пострадал по его вине. Так или иначе, именно он подготовил почву для развернувшейся трагедии. К тому же парень был сумасшедшим, он утверждал, что слышал в своей голове какие-то голоса. Его определенно необходимо было изолировать от общества для всеобщего блага.

Сам Пинсын чувствовал себя спокойнее, находясь за решеткой. Как знать, возможно, для некоторых людей жизнь намного страшнее смерти. Услышав такое заявление, многие возмутятся: что за бред, он ведь выиграл в лотерею целое состояние?! Однако для Пинсына сложности жизни не были сопряжены с деньгами.

Для него вся проблема заключалась в слоях, уровнях и кругозоре. Как прекрасен и удобен был бы этот мир, если бы все выражали свои чувства честно и открыто. Только будучи запертым в тюрьме, Пинсын сумел наконец понять, что его всегда тяготило сильнее всего. Казалось, другие насквозь видят запрятанные под многими слоями чужие чувства и намерения, а еще отлично умеют скрывать свои.

Кроме того, проблема состояла в упаковке и недостатке образования. Пинсына никто не учил

упаковывать подарки. Никто не удосужился рассказать ему, что на день рождения нужно дарить подарок; что дабы сделать его привлекательным или усилить предвкушение, нужно спрятать его суть; и то, что подобное поведение «рекомендуется». Что честность, напротив, зачастую принимают за отсутствие социальных навыков. Тому, что другие считали прописной истиной, Пинсына не научили ни родители, ни учителя, ни система.

Мелкие пробелы копились один за другим и в итоге образовали в нем огромную пустоту. Постепенно Пинсын все больше отдалялся от общества. В довершение ко всему его слабохарактерность и непривлекательная внешность создали эффект синергии, и Пинсын навечно остался за бортом. Потенциала для выхода за рамки у него не было и подавно. Так он и жил, не зная, как завернуть себя в приличную обертку или как развернуть чужие, чтобы заглянуть в их скрытую сущность.

Окружающие снова и снова отталкивали его, без всякой на то причины называя зловещим и неприятным типом, но Пинсын и подумать не мог, что внутри все остальные такие же, как он. Они лишь умело скрывают истинное нутро под слоями блестящей обертки.

Общественность горячо спорила о том, на самом ли деле Пинсын страдает от множественного расстройства личности, как бывает в кино, или он просто притворяется. Мнения специалистов разделились: камнем преткновения стал выигрыш в лотерею. Существовала ли Мими с самого начала или появилась позднее? Заявление Пинсына о том, что это Мими сообщила ему выигрышный номер, разумеется, проигнорировали. В итоге всё посчитали невероятным стечением обстоятельств — госпожа Удача чудесным образом решила улыбнуться психопату-затворнику. По какой-то причине сведения о том, откуда взялся пистолет, скрываются под грифом «секретно». В прессе ходили слухи только о некоем «самодельном огнестрельном оружии».

Люди быстро обо всем забыли. Ну, кроме тех, кто пострадал из-за падения цен на недвижимость в районе Сохён. Хотя нет, кое-что еще долго волновало умы общественности. Например, что остаток лотерейного выигрыша все еще принадлежал его обладателю. Разговоры ходили всякие, но в конце концов свелось к принципу «Так не доставайся же ты никому».

Однако Пинсын, ко всеобщему удивлению, сделал такой выбор, с которым никто не смог

поспорить.

* * *

— Я верю тому, что вы сказали.

Пинсын молча уставился на девочку. Она продолжала:

— Знаете, почему?

— Почему?

— Потому что я тоже часто думаю об этом. Мы ничего не знаем друг о друге, заблуждаемся и совершаем ошибки из-за того, что никто не устраивает экспериментов на людях. Вот если бы такие эксперименты проводились, не было бы причин для вранья, недопонимания, грусти или обиды. Все стало бы ясно из выводов. — Девочка немного помолчала. — Знаете, я… я всегда считала, что приношу себя в жертву ради всего человечества.

— В жертву?

— Ну, когда надо мной издевались в школе. Я просто ставила на них эксперименты. Все перепробовала. Делала все, чтобы разозлить их сильнее. А потом, наоборот, проверяла, перестанут ли они злиться, если я буду делать все, что они велят. Но это не подействовало. Подопытные врали. Все было непонятно, никакой логики. Вот проверять, где меньше болит от ударов, было куда

легче. Все очень логично, только надо набраться опыта — и сразу становится ясно. Индуктивный метод. Если бы мама не заявила о школьном буллинге, я бы успела собрать больше данных. Моя ошибка: не предусмотрела, что она способна так поступить. Анализ данных о матери я завершила давно, еще в начальной школе, не учла, что она может измениться. — Рюкзак девочки висел на одном плече. Как у человека, который готов сбежать в любую минуту. — Но тут как раз появились вы и начали говорить о том, что вам поручили провести эксперимент. Какая-то Мими и незнакомый мужик. Я чуть с ума не сошла! Это же значит, что все это время я была права! Не только я об этом думала. Хотела рассказать всем, но тут вы внезапно выделили мне стипендию. Это же плата за исследование! Мои подопытные были слишком бесполезные, так что я уже хотела сдаться, но тут вы дали мне денег, и я все поняла! Я должна продолжать. Изучать людей. Проводить научные эксперименты и наблюдения.

— Лучше бы тебе не подвергаться издевательствам ради опытов…

— Да что уж там. Надо же быть в поле. Это прикольнее, чем корпеть над книжками. Зато благодаря вашим деньгам я смогу поступить

в частную школу, потом в универ хороший. А тем временем буду и дальше проводить эксперименты.

Девочка продолжала щебетать, подпрыгивая на месте от возбуждения, но вдруг резко посерьезнела:

— Вот только…

— Что?

— Мими и тот мужик, ее начальник.

— Да?..

— Они инопланетяне?

— Что?

— Это точно должны быть инопланетяне! Иначе зачем им так интересоваться людьми? Как считаете, что они теперь думают о людях по результатам вашего исследования? Мы им нравимся? Они позволят нам жить на Земле?

Пинсын пристально посмотрел на девочку. Она выглядела намного счастливее и раскованнее, чем когда он встретил ее впервые. Школьница, над которой издевались из-за ее бедности.

В ресторане «У Винсента» погибли две матери — мать жертвы и мать обидчицы. Когда все взгляды публики обратились к жертве — юной сироте, которую бросил даже собственный отец, — спасать ее ринулась еще одна мать. Та, что потеряла

дочь в результате того же инцидента. «Мать», слишком пожилая, чтобы иметь школьницу-дочь. Вся страна с замиранием сердца наблюдала за тем, как страшная трагедия поспособствовала рождению новой семьи. Чоннан убедила незадачливого преступника пожертвовать все деньги, оставшиеся от выигрыша, своей новоприобретенной дочери. Стоя с незакрашенной сединой перед камерами журналистов, она со слезами на глазах сообщила, что таким образом одновременно отомстила ему и даровала прощение.

Рождение новой семьи. Создание новой упаковки.

«Инопланетяне». Существа, которые решают, кто заслуживает жить в этом мире. Пинсын часто думал о Мими и ее загадочном начальнике, скрывшихся без следа сразу после происшествия. Его мучил вопрос: что, если сейчас, в этот самый момент они анализируют данные, полученные в результате его наблюдений и экспериментов? Разве не таков порядок? Только проанализировав данные, они смогут решить, стоит ли проводить дальнейшие исследования, или идеальный результат уже получен и пора ликвидировать все образцы.

В то же время Пинсыну хотелось, чтобы у де-

вочки все сложилось хорошо. До сих пор ни один человек, кроме нее, не уделял ему столько времени, не верил его словам и уж тем более не думал так же, как он.

— Они как раз размышляли над этим. Но похоже, склоняются к тому, что нужно продолжать исследование.

Девочка удивленно округлила глаза:

— Вы все еще поддерживаете связь?

— Конечно. Они хотят забрать данные наблюдений, которые я собирал до сих пор.

— Правда?

— А еще они хотят, чтобы теперь наблюдениями занялась ты, поскольку твоя жизнь так сильно изменилась.

— Точно! Я теперь учусь в хорошей школе, и у меня есть ваши деньги… И все в Намуне знают, что я «та самая девочка».

— Вот видишь, ты осталась прежней, но в твоей жизни появились новые переменные. Расскажи мне, как люди стали относиться к тебе после всего пережитого. Думаю, это будет им интересно.

Время посещения подошло к концу, и охранник подал Пинсыну знак, веля заканчивать. Девочка полуприподнялась со стула. Похоже, ей не хотелось уходить, и это немного обрадовало

Пинсына.

— Так что приходи почаще и рассказывай мне обо всем. Вся надежда только на тебя.

Девочка с готовностью кивнула. Уже направляясь к выходу, она вдруг резко развернулась и подбежала обратно. Прежде чем охранник успел остановить ее, она прошептала:

— Если я не начну притворяться, люди так и будут меня ненавидеть?

Охранник поволок девочку наружу, но она не прекращала махать рукой Пинсыну. Тот махал ей в ответ, безмолвно шепча одними губами: «Мими, Мими». Он не считал, что страдает множественным расстройством личности, — просто адвокат посоветовал ему так сказать. Пинсын все еще верил, что Мими вернется. Пусть она окажется инопланетянкой, как и говорила девочка. Не важно. Пинсын был уверен, что, если Мими появится снова, на этот раз она сообщит точные выводы из его исследования.

А до тех пор он подождет. И согласится с выводами Мими, какими бы они ни оказались. Пинсын поднялся из-за стола и тяжелым шагом побрел туда, где ему надлежало быть, размышляя о способах выживания уродливого и новых путях, которые могут разнести эту систему в щепки.

От автора

У каждого писателя свой путь, но лично я поначалу не питала никакого интереса к персонажам-злодеям. Наверное, впервые я заинтересовалась ими в моей книге под названием «Красная маска» и ее продолжении — «Твердые убеждения». В моих последующих произведениях иногда появлялись злодеи, но все они играли второстепенные роли. (К тому же я была убеждена в том, что читателям они не особо нравятся…) Однако я считаю, что каждый из нас (пусть и в малой степени) может стать для кого-то злодеем. Более того, осознание, что мне так или иначе придется сосуществовать в одном обществе с теми, кто уже зарекомендовал себя как совершенное зло, побуждало меня исследовать, распознавать и пытаться пресекать его проявления. Этот роман — одна из подобных попыток.

Интерьер ресторана «У Винсента» я списала с реального места, где однажды мне, почти двадцатилетней, довелось побывать в феврале. Официально учеба в университете еще не началась, но один из моих будущих однокурсников

уже активно бегал за мной и в итоге пригласил в этот ресторан. Поедая липкие спагетти в томатном соусе, я усердно делала вид, что не замечаю, как он украдкой пытается меня облапать. Вспоминая об этом сейчас, я чувствую отвращение — и вместе с этим щемящую жалость. Наверное, мне ужасно хотелось отношений (хотя из этого, конечно, ничего не вышло), над той мной даже можно посмеяться. Тогдашняя я и понятия не имела, что в таком месте легко оказаться в опасности. Иногда зло прорастает совсем незаметно — крохотным ростком, едва задевающим твою подошву. Другое зло становится колючим плющом, который обвивается вокруг твоего тела. Я до сих пор не знаю, как заметить эту разницу вовремя, зато точно знаю одно: нельзя притворяться, что не видишь зло, что отрицаешь саму возможность его существования.

Порой нужно посмотреть в лицо мраку и грязи. И я бы хотела, чтобы иногда вы делали это вместе со мной.

Кстати, тот ребенок, который радовался возможности нажать на кнопку в лифте и горько плакал, если ему этого не позволяли, — ваша покорная слуга в детстве.

Соль Чэин